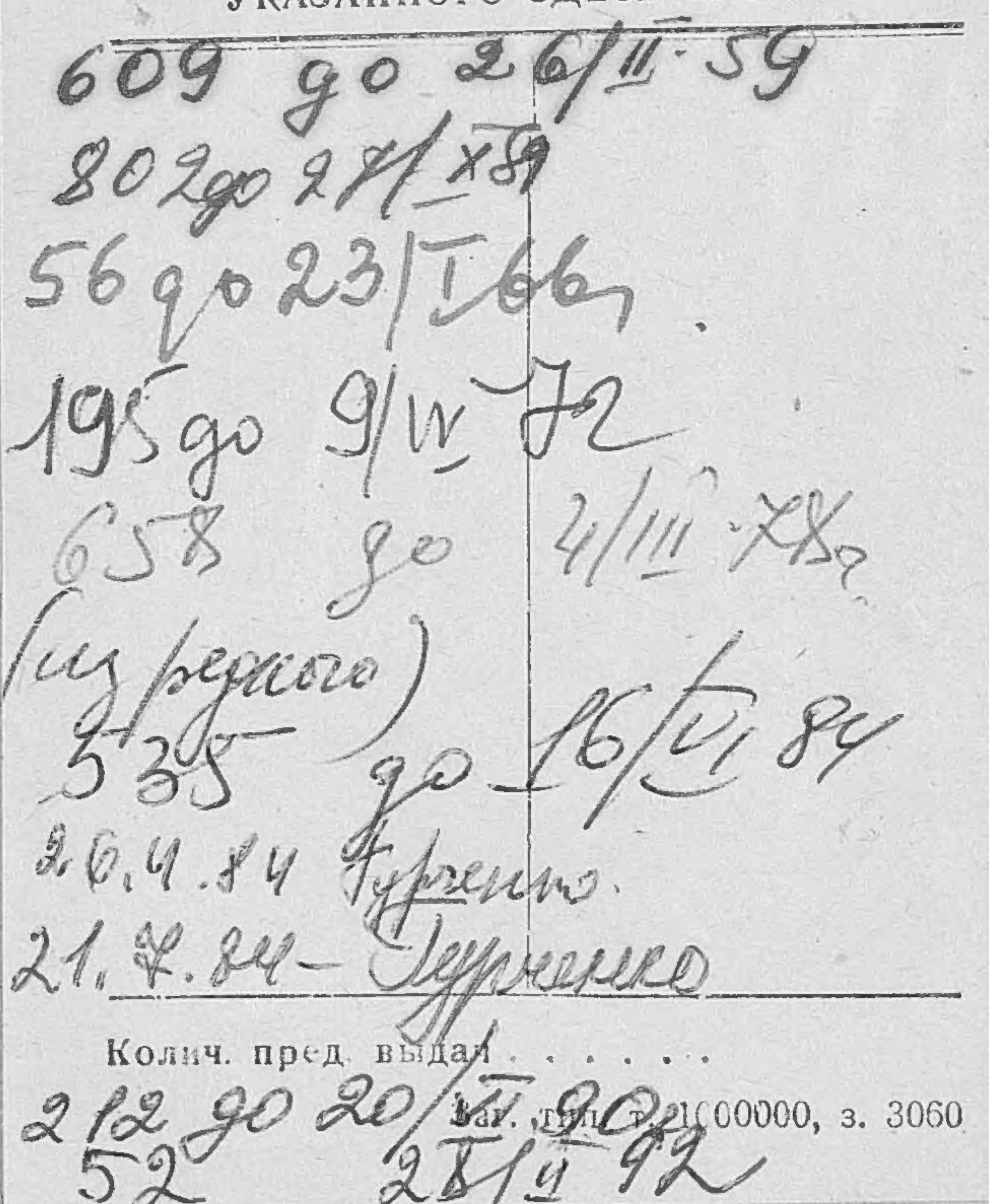
 Сахаров

Сказания русского народа.

СКАЗАНІЯ
РУССКАГО НАРОДА

СОБРАННЫЯ

И. П. САХАРОВЫМЪ

НАРОДНЫЙ ДНЕВНИКЪ

ПРАЗДНИКИ И ОБЫЧАИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1885

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2

НАРОДНЫЙ ДНЕВНИКЪ

Народный дневникъ.

Мѣсяцъ январь.

Слово: январь, или генварь, или іануарій,—не русское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи, вмѣстѣ съ юліанскимъ календаремъ. Коренныя славянскія названія сего мѣсяца были другія, и эта разность принадлежала каждому поколѣнію. Наши предки называли его: просинецъ, малоруссы и иллирійцы: сѣчень, поляки: стычень, венды: новолѣтникъ, первникъ, зимецъ и прозимецъ, чехи и словаки: леденъ, груденъ, карніольцы: просинецъ, кроаты: просинецъ, малибожнякъ. Грамотные люди XI вѣка январь писали: еноуаръ (по Остромірову евангелію), и какъ будто для поясненія чужого слова прибавляли: «рекомаго просинца». Всѣ эти названія книжныя; народъ забылъ, какъ его предки называли прежде январь. Время скрыло отъ насъ, какимъ мѣсяцемъ считался просинецъ у нашихъ отцовъ. Въ христіанской жизни русскаго народа совершились три перемѣны: 1) по старому русскому счету, когда годъ начинали съ марта, январь былъ одиннадца-

тымъ мѣсяцемъ; 2) когда годъ начинали съ сентября, онъ былъ пятымъ; 3) съ 1700 года онъ постоянно считается первымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ январѣ мѣсяцѣ.

1. Васильевъ день.—Васильевъ вечеръ.—Авсень.—Гаданія. — Проказы вѣдьмъ.

Васильевъ день у нашихъ поселянъ считается особеннымъ времясчисленіемъ. Такъ они, желая напомнить что нибудь былое, говорятъ: «а это было объ Васильевъ день»; или: «случилось на Васильевъ день»; или: «на ту пору былъ Васильевъ день»; или «онъ нанялся отъ Васильева дня до Евдокей», то есть съ 1 января по 1 марта.

Васильевъ вечеръ для русскихъ дѣвицъ былъ весьма важнымъ днемъ; онъ приходился на восьмой день святокъ, когда святочныя гаданія были во всемъ разгулѣ. Наши бабушки думали, что святочныя гаданія на Васильевъ вечеръ всегда сбывались и что въ этотъ вечеръ, что бы по гаданію ни вышло, ужъ всегда такъ и случится. Повѣрье старое, съ незапамятныхъ временъ соблюдается на Руси.

На Васильевъ день совершаются обряды какого-то непонятнаго народнаго праздника. Изъ словъ пѣсенъ и причитаній мы узнаемъ его названіе: это авсень, или овсень, усень, таусень, говсень. Былъ ли это дѣйствительно праздникъ, какая была цѣль его, или это только соединеніе нѣсколькихъ обрядовъ —рѣшительно отвѣчать невозможно. Изъ оставшихся обрядовъ мы видимъ нынѣ вареніе каши, засѣваніе зеренъ, обрядъ хожденія по домамъ. Ко всѣмъ этимъ обрядамъ присоединяются и пѣсни. Наши археологи считали авсень «земледѣльческимъ праздникомъ,

прообразовательнымъ обрядомъ обсѣванія»; отыскивали по обрядамъ сходство авсеня съ колядою. Могло ли быть на самомъ дѣлѣ, чтобы зимою на Руси праздновалъ народъ земледѣльческій праздникъ? Это предположеніе ученыхъ останется навсегда безъ доказательствъ. Однимъ только ученымъ могло взойти въ голову, что авсень и коляда указываютъ «на соединеніе миѳовъ разноплеменныхъ народовъ на Руси». Мы уже не говоримъ о томъ, что объ авсенѣ нѣтъ помина ни въ лѣтописяхъ, ни въ актахъ; не упоминаемъ о томъ, чтобы народъ помнилъ объ этомъ праздникѣ изъ преданій; скажемъ только одно: что нѣтъ ни одного мѣста въ русской землѣ, гдѣ бы всѣ обряды совершали вмѣстѣ. Въ одномъ мѣстѣ варятъ кашу, въ другомъ происходитъ засѣваніе зеренъ, въ третьемъ хожденіе по домамъ. Есть и обряды, но нѣтъ помина объ словѣ авсень. Кажется, что безъ пѣсенъ это слово навсегда могло бы исчезнуть изъ русскаго языка. Вотъ обряды, которые совершаются на Васильевъ день по разнымъ мѣстамъ.

1. Вареніе каши. Вареніе каши совершается до свѣта. Старшая въ домѣ изъ женщинъ, ровно въ два часа утра, приноситъ изъ амбара крупъ. Старшій изъ мужчинъ приноситъ воды изъ рѣки, или колодезя. Крупа и вода стоятъ на столѣ до тѣхъ поръ, пока истопится печь; до нихъ никто не касается; иначе, это сочтется худымъ признакомъ. Когда нужно затирать кашу, все семейство садится за столъ, а старшая женщина причитываетъ, размѣшивая кашу: «сѣяли, ростили гречу во все лѣто; уродилась наша греча и крупна и румяна; звали-позывали нашу гречу во Царьградъ побывать, на княжой пиръ пировать; поѣхала греча во Царьградъ побывать со князьями, со боярами, съ честнымъ овсомъ, золотымъ ячменемъ; ждали гречу, до-

ждали у каменныхъ вратъ; встрѣчали гречу князья и бояре, сажали гречу за дубовый столъ пиръ пировать; пріѣхала наша греча къ намъ гостевать». Послѣ сего всѣ встаютъ изъ-за стола, а хозяйка съ поклонами ставитъ кашу въ печь. Потомъ снова садятся за столъ, въ ожиданіи каши. Когда поспѣетъ каша, тогда, вынимая горшокъ изъ печи, хозяйка говоритъ: «милости просимъ къ намъ во дворъ со своимъ добромъ». Прежде всего осматриваютъ: полонъ ли горшокъ? Нѣтъ болѣе несчастія, если каша вылѣзетъ изъ горшка вонъ. Это явная бѣда всему дому. Худое предвѣщаетъ, если треснулъ горшокъ. Потомъ снимаютъ ножомъ пѣнку: каша красная, полная, предвѣщаетъ счастіе всему дому, будущій урожай и талантливую дочь. Каша мелкая, бѣлая, угрожаетъ бѣдами. Завтракъ изъ каши оканчиваетъ добрыя предвѣстія: при худыхъ признакахъ кашу выбрасываютъ въ рѣку.

2. Засѣваніе зеренъ отправляется въ Великоруссіи и Малоруссіи съ различными обрядами.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи совершаютъ обрядъ засѣванія безъ пѣсенъ, съ одними приговорками. Дѣти, разсыпая зерна ярового хлѣба, говорятъ: «уроди, Боже, всякаго жита по закрому, что по закрому, да по великому, а и стало бы жита на весь міръ крещеный». Старшая женщина въ домѣ сбираетъ на полу зерны и хранитъ до посѣва.

Въ Малоруссіи обрядъ засѣванія совершается съ приговорками и пѣснями. Тамъ дѣти поселянъ, передъ обѣднею, ходили по домамъ сѣять изъ рукава, другіе изъ мѣшка разныя сѣмена. Въ это время они пѣвали особенную засѣвальную пѣсню:

Ходитъ Илья
На Василья,

Носитъ пугу
Житяную.
Де замахне
Жито росте,
Житу пшеницю
Всяку пашницю.
У полѣ ядро,
А въ домѣ добро.

Другіе при засѣваніи зеренъ говорятъ: «на счастье, на здоровье, на новое лѣто, роди, Боже, жито, пшеницю и всякую пашницю». Вѣроятно, что эта приговорка составилась изъ засѣвальной пѣсни. Тождество словъ доказываетъ это очевидно.

3) Обрядъ хожденія по домамъ мнѣ извѣстенъ только въ двухъ губерніяхъ, Костромской и Рязанской.

Въ Костромской губерніи для Васильева вечера варятъ свиныя ноги. Тамъ поселяне ходятъ въ этотъ вечеръ подъ окна, сбирать пироги и свиныя ноги, приговаривая: «свинку да боровка выдай для Васильева вечерка». Въ Рязанской губерніи ходятъ толпами подъ окна просить пироговъ. Впереди всѣхъ идетъ дѣвица, называемая махоноскою; она-то несетъ кошель для пирожнаго сбора; она-то предводитъ толпу и распоряжаетъ дѣлежемъ сбора. Подходя къ окнамъ, толпа причитываетъ: «кишку да ножки въ верхнее окошко».

Въ великорусскихъ губерніяхъ наблюдательные старики и старушки говорятъ, что «на Васильевъ вечеръ день прибываетъ на куричій шагъ».

Въ Тульской губерніи есть преданіе, что на Васильевъ вечеръ вѣдьмы скрадываютъ мѣсяцъ, изъ опасенія, чтобы онъ не освѣщалъ ихъ ночныхъ прогулокъ съ нечистыми духами (см. подробности сего вѣрованія въ демонологіи).

2. Святочныя гаданія.— Почетныя проводы гостей.— Предосторожности.— Смываніе.

Старые люди въ Тульской губерніи считаютъ весьма важнымъ дѣломъ окуривать курники смолою съ девясиломъ; эта предосторожность, какъ они думаютъ, спасаетъ куръ отъ лихого домового. Обрядъ совершается старшею женщиною въ домѣ, скрытно отъ всѣхъ, на разсвѣтѣ. Иначе предосторожность будетъ безъ успѣха.

Старушки, извѣстныя на Руси подъ именемъ бабушекъ-повитушекъ, справляютъ въ этотъ день смываніе лихоманокъ. Обрядъ и вѣрованіе заключается въ слѣдующемъ:

Въ селахъ думаютъ, что лихоманки выгоняются изъ ада морозомъ, ищутъ пристанища по теплымъ избамъ, гдѣ уже всегда есть люди виноватые. А лихоманки только и знаютъ, что искать людей виноватыхъ; а если уже и сыщутъ виноватаго, то съумѣютъ и потрясть, и познобить. Вѣдь на то она и лихоманка. Бабушки-повитушки увѣряютъ заподлинно, что онѣ видали ихъ сами и знаютъ ихъ въ лицо. Послушайте ихъ, и онѣ вамъ разскажутъ, что за штуки лихоманки. Отъ нихъ только вы узнаете, что наши лихоманки бываютъ тощія, слѣпыя, безрукія, уроды такіе, что хуже смерти; не умѣютъ ни войти въ избу, ни отворить дверей; если голодны, то смирны и пошлы до того, что какъ сироточки стоятъ пригорюнясь у притолоки, выжидая, не выдетъ ли кто изъ виноватыхъ. Заботливыя бабушки, спасая людей отъ лихоманокъ, ходятъ по домамъ смывать притолоки. Все это дѣлается потихоньку отъ мужчинъ. Зоркій глазъ старика здѣсь считается опаснымъ, а молодымъ нѣтъ довѣрія. Рано, на зарѣ, бабушка является, по при-

глашенію, во дворъ. Съ нею всегда есть запасъ: четверговая соль, зола изъ семи печей, земляной уголь, выкапываемый на Ивановъ день изъ-подъ чернобыльника. Старшая женщина въ домѣ встрѣчаетъ бабушку у воротъ, съ хлѣбомъ-солью, съ низкимъ поклономъ, съ ласковымъ словомъ «добро пожаловать». Не входя въ избу, бабушка начинаетъ обмывать своимъ снадобьемъ притолокъ, а послѣ вытираетъ чистымъ полотенцомъ. Подарки и угощенія оканчиваютъ обрядъ смыванія. Послѣ сего уже на цѣлый годъ остаются спокойными отъ посѣщенія лихоманокъ. Если случится съ кѣмъ нибудь бѣда, то уже за вѣрное полагаютъ, что она была напущена въ чужомъ домѣ, по ненависти злыхъ людей.

Святочныя гаданія продолжаются и въ этотъ день. Богатыхъ дѣвицъ провожаютъ подруги со всѣмъ почетомъ, предъ вечеромъ, до воротъ. Мать богатой дѣвицы должна у воротъ, при прощаніи, приглашать подругъ взойти въ домъ; дѣвицы должны выискивать причины, что онѣ теперь не могутъ быть по разнымъ дѣламъ. Это такъ изстари ведется, хотя бы были самые близкіе родные.

3. Святочныя гаданья.—Предосторожности.—Отчитыванія.

Между поселянами Калужской и Тульской губерній есть повѣрье, что въ этотъ день голодныя вѣдьмы, возвращаясь съ гулянья, задаиваютъ коровъ. Поселяне, для избѣжанія отъ такой бѣды, привязываютъ надъ воротами сальную свѣчу. Говорятъ, что будто въ старину тѣ только и были счастливы, которые принимали такія предосторожности. Это повѣрье существуетъ и въ Бѣлоруссіи.

Въ народныхъ повѣрьяхъ есть преданіе, что только въ этотъ день можно образумить каженника. Мои добрые земляки знаютъ и часто встрѣчаютъ каженниковъ съ сожалѣніемъ и боязнью. Они не то, чтобы ихъ боялись, а такъ, просто, робѣютъ только; видишь, имъ страшно смотрѣть на нихъ. Вѣдь всѣ человѣки. Раздумается и страшно станетъ глядѣть на человѣка. Кажись бы и бѣда не велика: всего-то на всего, лѣтомъ, въ лѣсу обошли лѣшіе. И тотъ же человѣкъ, да не тотъ; а посмотришь поближе, такъ онъ и вышелъ каженникъ. Всякій знаетъ, что каженникъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ мы грѣшные; онъ и видитъ и слышитъ, какъ и всѣ добрые люди. Все это издали только. Подойдите поближе, и тотчасъ будетъ видно всякому, что каженникъ не то дѣлаетъ, что̀ видитъ, и не то говоритъ, что̀ слышитъ. Задумаетъ ли онъ что̀ дѣлать, все выходитъ наоборотъ. Смотришь: начинаетъ дѣлать по умному, а къ концу ужъ вѣрно сведетъ дѣльцо, хоть брось. Попробуйте заговорить съ каженникомъ, то что твой грамотный: такъ слова рѣкой и льются. За то ужъ и не гнѣвайтесь послѣ, что въ его рѣчи нѣтъ ни смыслу, ни толку. Вѣдь за то-то и зовутъ его каженникомъ. Одного только не знаютъ: отчего каженнику не милъ бѣлый свѣтъ? отчего онъ не дорожитъ своею жизнью? Жить, или не жить — ему все равно. Нѣтъ ни тоски, ни кручины, а горюетъ обо всемъ. Живетъ между родными; есть, какъ и у добрыхъ людей, жена и дѣти; водится всякое добро больше другого,—а для каженника хоть ничего не будь. Тужитъ обо всемъ горемычной сиротой. Знахари открыли тайну, какъ навести каженника на добрый путь, какъ научить его уму-разуму. Призванные исцѣлять каженника, они надѣваютъ бѣлую рубашку навыворотъ, сажаютъ его семь зорь подлѣ вереи, подъ

вѣтеръ, поятъ травяной росой, окачиваютъ водой изъ нагорнаго студенца. Знахарь, какъ знахарь, и отчитываетъ каженника отъ лихости и болѣсти, и отыскиваетъ виноватаго по примѣтамъ между родными и чужими, и сулитъ здоровье и долголѣтіе, и обираетъ подарки. Попробуйте прислушаться къ заговорамъ знахаря: говоритъ онъ, какъ и всѣ мы русскіе говоримъ; а что онъ говоритъ, никто еще изъ поселянъ не успѣлъ понять. Въ деревняхъ правду говорятъ, на то онъ и знахарь, чтобы его никто не понялъ. Мнѣ случалось видѣть каженниковъ: это были люди, одержимые меланхоліею.

4. Послѣднія святочныя гаданія. — Примѣты. — Чертополохъ.

Любопытныя дѣвицы, желая испытать дѣйствіе своихъ гаданій, выходятъ вечеромъ на дворъ примѣчать звѣзды. Если увидятъ, что Сажары будутъ у нихъ съ правой руки, то остаются увѣренными, что гаданія сбудутся. Въ такомъ случаѣ, старшая и почетная дѣвушка, всегда дочь богатыхъ родителей, выходитъ впередъ съ пирогомъ, а другія, увиваясь вокругъ ея, скороговоркою причитываютъ:

Ай звѣзды, звѣзды,
Звѣздочки!
Всѣ вы, звѣзды,
Одной матушки,
Бѣлорумяны вы
И дородливы.
Засылайте сватей
По міру крещеному;
Состряпайте свадебку
Для міра крещенаго,

Для пира гостинаго,
Для красной дѣвицы,
Свѣтъ родимой
Анны Ивановны.

Когда же замѣтятъ, что впереди будутъ Дѣвичьи зори (линія звѣздъ по млечному пути), тогда съ горемъ отходятъ въ покои. По преданіямъ и разсказамъ, старушки завѣряютъ, что Дѣвичьи зори предвѣщаютъ еще годъ дѣвичьей жизни. Отчаяніе и грусть дѣвушекъ, что всѣ гаданія были совершены напрасно — невыразимы.

Уваженіе нашего народа къ чертополоху основано на разныхъ повѣріяхъ. Старушки говорятъ, что онъ и врачуетъ болѣзни, и утоляетъ дѣвичьи зазнобы, и отгоняетъ бѣсовъ, и сохраняетъ въ цѣлости домашній скотъ. Его вездѣ берегутъ, къ нему всѣ имѣютъ довѣріе. Чертополохъ, принесенный на сѣверъ съ кіевскихъ полей, имѣетъ много чудеснаго и загадочнаго. Его приносятъ женщины переходницы. Не онѣ ли занесли къ намъ, на сѣверъ, и разныя повѣрія? Чего добраго, народъ смышленный. Съ незапамятныхъ временъ ведется повѣріе, что если кто хочетъ быть цѣлъ въ дорогѣ, тотъ запасайся для этого вощанками, въ которыхъ сваренъ былъ чертополохъ. Въ великорусскихъ губерніяхъ промышляютъ вощанками старушки-переходницы, исходившія всѣ пути и дорожки отъ Москвы рѣки до Іордана. Для совершенія обряда, чертополохъ предварительно кладется на семь дней и ночей подъ подушку. Его не долженъ никто ни видѣть, ни трогать. На восьмую ночь, послѣднюю на святкахъ, приносятъ чертополохъ къ старушкѣ-переходницѣ. Она варитъ его, съ особенными обрядами, съ воскомъ и ладономъ. Вываренная вощанка зашивается въ ладонку.

5. Крещенскій вечеръ. — Звѣзды. — Колыханіе воды въ полночь. — Крещенскій снѣгъ.

Снѣгъ великое дѣло для русской земли: онъ на все пригоденъ русскому человѣку. Уваженіе къ нему въ деревняхъ иногда переходитъ даже въ большія странности. Объ немъ есть особенное повѣріе (миѳъ), преданія, обряды и обычаи. Обо всемъ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ деревняхъ, подъ Крещеніе, старушки сбираютъ снѣгъ съ стоговъ, съ полною увѣренностью, что только онъ одинъ можетъ выбѣлить всякую холстину, чего такъ не сдѣлаютъ солнце и зола.

Снѣгъ, собранный въ крещенскій вечеръ, говорятъ поселяне, можетъ сохранить въ колодцахъ воду во весь годъ. Стоитъ только съ поля принесть снѣга, опустить его въ колодезь, и тогда отъ него будетъ спорина и подспорье во весь годъ, хотя бы во все лѣто не было ни одной капли дождя.

Снѣгомъ, собраннымъ въ крещенскій вечеръ, поселяне исцѣляютъ недуги — онѣмѣніе въ ногахъ, головокруженія, судороги.

Въ Тульской губерніи есть повѣріе, что въ этотъ день гдѣ бы ни показался огненный змѣй, вездѣ найдетъ свою погибель. Извѣстно всѣмъ и каждому на Руси, что̀ такое за диво огненный змѣй. Всѣ знаютъ, зачѣмъ онъ и куда летаетъ; но вслухъ объ этомъ никто не рѣшается говорить. Огненный змѣй не свой братъ; у него нѣтъ пощады: вѣрная смерть отъ одного удара. Да и чего ждать отъ нечистой силы! Казалось бы, что ему незачѣмъ летать къ краснымъ дѣвицамъ; но поселяне знаютъ, зачѣмъ онъ летаетъ, и говорятъ, что если огненный змѣй полюбитъ дѣ-

вицу, то ея зазноба неисцѣлима во вѣкъ. Такой зазнобы ни отчитать, ни заговорить, ни отпоить никто не берется. Всякій видитъ, какъ огненный змѣй летаетъ по воздуху и горитъ огнемъ неугасимымъ, а не всякій знаетъ, что онъ, какъ скоро спустится въ трубу, то очутится въ избѣ молодцомъ несказанной красоты. Не любя, полюбишь, не хваля, похвалишь, говорятъ старушки, когда завидитъ дѣвица такого молодца. Умѣетъ оморочить онъ, злодѣй, душу красной дѣвицы привѣтами; усладитъ онъ, губитель, рѣчью лебединою молоду молодицу; заиграетъ онъ, безжалостный, ретивымъ сердцемъ дѣвичьимъ; затомитъ онъ, ненасытный, ненаглядную въ горючихъ объятіяхъ; растопитъ онъ, варваръ, уста алыя на меду, на сахарѣ. Отъ его поцѣлуевъ горитъ красна дѣвица румяной зарей; отъ его привѣтовъ цвѣтетъ красна дѣвица краснымъ солнышкомъ. Безъ змѣя красна дѣвица сидитъ во тоскѣ, во кручинѣ; безъ него она не глядитъ на Божій свѣтъ; безъ него она сушитъ, сушитъ себя. Посудите же, добрые люди, какое горе для семьи — гость огненный змѣй! Неизвѣстно, когда и кѣмъ открыто средство — какъ погубить змѣя. Предъ тѣмъ часомъ, какъ быть змѣю, насыпаютъ на загнетку снѣгу, собраннаго въ крещенскій вечеръ. Говорятъ, что змѣй, когда будетъ опускаться въ трубу, погибаетъ отъ него навсегда.

Въ степныхъ селеніяхъ Тульской губерніи старики замѣчаютъ, что если въ крещенскій вечеръ звѣзды блестятъ и горятъ, то предрекаютъ плодородіе ягнятъ. Тогда они говорятъ: «ярки звѣзды породятъ бѣлыя ярки».

6. Водокрещи.—Крещенскіе морозы.—Встрѣчи.—Предсказаніе.

Водокрещи — слово старое, осталось только между поселянами Московской, Тульской, Орловской и Кіевской губерній. Симъ словомъ они выражаютъ: 1) Время. «Отъ оспожинокъ до водокрещей минуло. — Отъ водокрещей до Евдокей пройдетъ семь недѣль съ половиной». 2) Праздникъ — когда совершается на рѣкахъ св. водосвященіе.

Крещенскіе морозы, извѣстные своею жестокостью, по преданію поселянъ, предвѣщаютъ плодородіе. Кіевляне, говоря о сихъ морозахъ, прибавляютъ: «трещи, не трещи, а минули водокрещи».

Въ великорусскихъ губерніяхъ дѣвушки пекутъ пироги и выходятъ съ ними, вечеромъ, окликать суженаго. Возрастъ, видъ, голосъ, имя, платье и разговорчивость — представляютъ имъ данныя угадывать будущаго суженаго.

Старики примѣчаютъ, что если въ этотъ день будетъ мятель, то то же самое будетъ и на масляницѣ.

8. Примѣты. — Обычай.

Въ Тульской губерніи старики примѣчаютъ, что если въ этотъ день будутъ сильные вѣтры отъ Кіева — съ юга, то будетъ лѣто грозное. Тогда говорятъ они: «коли на Амельяна подуетъ съ Кіева, то быть лѣту грозному».

Въ степныхъ мѣстахъ принято въ обычай на этотъ день угощать кума съ кумой. Поселяне думаютъ, что угощеніе кума съ кумою приноситъ здоровье дѣтямъ. Кумъ и кума, приходя въ званый домъ, приносятъ въ подарокъ: бру-

сокъ мыла и полотенце и, вручая его, говорятъ: «вотъ тебѣ, кума, мыльцо да бѣлое бѣлильцо для крестника».

10. Примѣты.

Въ Тульской губерніи поселяне выходятъ смотрѣть на сѣнные стога и хлѣбныя скирды и если замѣтятъ, что на нихъ есть иней, то предрекаютъ, что лѣто будетъ сырое и мокрое.

16. Примѣты.

Поселяне Костромской губерніи на день Петра Полукорма выходятъ осматривать сѣнники и амбары. Въ сѣнникахъ, осматривая сѣно и солому, замѣчаютъ, сколько вышло корму для скотины и сколько его осталось до весны. Поселяне думаютъ, что отъ этого дня ровно остается половина зимняго корма. Излишній остатокъ житнаго хлѣба въ амбарахъ предвѣщаетъ плодородіе.

Въ Псковской губерніи поселяне, снаряжая для продажи ленъ, говорятъ: «коли есть метла да костра, то будетъ хлѣба до Петра, а синецъ и звонецъ доведутъ хлѣбу конецъ». Въ этомъ выраженіи поселянъ заключаются свои примѣты: метла, или метлина, и кострика, какъ предметы малоцѣнные въ льняной торговлѣ, не обѣщаютъ большихъ барышей, и что вырученныя деньги отъ такого льна достаточны только будутъ на покупку хлѣба до дня Петра Полукорма. Ленъ синій (синецъ) и издающій звукъ при трепаніи (звонецъ), — обѣщаетъ худой торгъ, житье голодное и безхлѣбное.

18. Аѳанасьевскіе морозы. — Изгнаніе вѣдьмъ.

По примѣтамъ поселянъ, на день Аѳанасія Ломоноса всегда бываютъ сильные морозы. Обозники и ямщики, отправляющіеся изъ степныхъ мѣстъ въ Москву, часто подвергаются отмороживанію лица. Другіе, глядя на нихъ, говорятъ: «на Аѳанасья береги носъ».

Вѣрованіе поселянъ нашихъ въ вѣдьмъ есть явленіе незапамятное, и такъ глубоко укоренилось, что никакія убѣжденія не въ состояніи поколебать его. Тамъ, гдѣ пронеслась молва, что завелась вѣдьма, всѣ сосѣди въ страхѣ, всѣ ищутъ избавленія. Знахари и колдуны являются къ услугамъ, съ обѣщаніями изгнать и уничтожить вѣдьмъ. Избавителей принимаютъ съ радостью, съ подарками. Знахарь или колдунъ является ночью; одни только старшіе въ домѣ знаютъ о его прибытіи. Ровно въ полночь онъ начинаетъ заговаривать трубы — обыкновенный путь вѣдьмъ — забиваетъ клинья подъ князекъ, сыплетъ семипечную золу по загнеткѣ и, наконецъ, отправляется на край селенія, гдѣ снова, у изгородья, повторяются тѣ же проказы. По разсказамъ поселянъ извѣстно, что вѣдьмы, желая нанести кому нибудь вредъ, влетаютъ въ трубу; но какъ скоро будетъ труба заговорена, то весь домъ и дворъ уже свободны отъ ея проказъ. Вѣдьмы, отлетая вдаль, всегда летятъ прежде на югъ, по направленію къ Лысой горѣ, а возвращаются на западъ. Западное изгородье заговариваютъ знахари. Вѣдьма, подлетая къ очарованному изгородью, съ досады или убиваетъ себя, или отлетаетъ въ другое мѣсто. Есть изъ знахарей такіе доки, которые умѣютъ пересадить вѣдьму за тридевять земель; но такіе

знахари рѣдки, и труды ихъ оцѣниваются большими издержками — коровою или лошадью. Знахари увѣрили поселянъ, что только на аѳанасьевскіе морозы можно изгонять вѣдьмъ; всякое другое время неудобно. Будто въ эти дни вѣдьмы летаютъ на шабашъ и тамъ теряютъ память отъ излишняго веселья.

20. Примѣты.

Если въ этотъ день будетъ мятель, то поселяне замѣчаютъ, что и вся масляница будетъ мятельная. Въ этомъ случаѣ они говорятъ: «помело мятлой, на масляницу; пріѣдетъ осударыня Масляница мятельная».

Если же въ полдень будетъ ясное солнце, то примѣчаютъ, что весна будетъ ранняя.

22. Тимофеевскіе морозы. — Полузимники.

Сильные морозы, бываемые въ этотъ день, получили названіе тимофеевскихъ, по дню, празднуемому въ этотъ день, св. Тимофею. Поселяне говорятъ: «пожди тимофеевскихъ морозовъ! — каковъ на дворѣ морозо-тъ! слышь, тимофеевскій».

Въ селеніяхъ Тульской губерніи говорятъ, что на этотъ день ровно приходится половина зимы. Тогда говорятъ они: «вотъ и пришли полузимники». Другіе же говорятъ: «ползимы стане на Тимофея полузимника».

24. Примѣты.

Въ этотъ день замѣчаютъ цѣны разнымъ хлѣбамъ. Если цѣны на хлѣбъ повышаются, то поселяне увѣрены, что

будущій урожай будетъ скудный и на хлѣбъ дороговизна; если же цѣны на хлѣбъ понижаются, то они замѣчаютъ изъ этого будущій урожай съ избыткомъ. Наблюдательные старики говорятъ: «коли до Аксиньи полухлѣбницы жита хватитъ, то до новинъ станетъ половина, а до корма треть».

По замѣчаніямъ стариковъ, въ сѣверныхъ губерніяхъ, на этотъ день приходится ровно половина зимы. Тогда они говорятъ: «вотъ-те Аксиньи полузимницы».

На Вагѣ, Шенкурскѣ, Вельскѣ замѣчаютъ, что если въ этотъ день будетъ хорошая погода, то говорятъ, что будетъ и весна красная.

28. Кудесы.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи есть повѣрье, что въ этотъ день, если хозяйка не оставитъ на ночь гостинца для домового, то будто онъ изъ добраго превращается въ лихого. Съ этой перемѣной во дворѣ и избѣ все пойдетъ на изворотъ: спорина пропадаетъ, скотъ худѣетъ и чахнетъ, люди заболѣваютъ, бѣды летятъ со всѣхъ сторонъ. Суевѣрные люди твердо увѣрены, что болѣзни и несчастья, появляющіяся съ этого дня, происходятъ отъ лихого домового. Колдуны и знахари, обольщающіе поселянъ, увѣрили простодушныхъ, что домового можно унять кудесами; а чтобы его всегда держать въ смиреніи, то нужно ставить на ночь гостинцы.

Поселяне, для смиренія домового, послѣ ужина оставляютъ на загнеткѣ горшокъ каши, обкладывая его вокругъ горячими угольями. Будто ровно въ полночь домовой выходитъ изъ-подъ печи и ужинаетъ. Съ той поры онъ цѣлый годъ бываетъ смиренъ и услужливъ.

Кудесы, унимающія лихого домового, заключаются въ слѣдующемъ: колдунъ, призванный во дворъ, ровно въ полночь зарѣзываетъ пѣтуха, выпускаетъ кровь на голикъ. Этимъ-то голикомъ выметаетъ всѣ углы въ избѣ и во дворѣ, вмѣстѣ съ причитаніемъ разныхъ заговоровъ. Все это совершается до пѣнія послѣднихъ пѣтуховъ. Колдунъ получаетъ подарки за свои кудесы, а хозяева остаются съ увѣренностью, что домовой смирится.

Мѣсяцъ февраль.

Слово: февраль, или февруарій — не русское; оно зашло къ нашимъ отцамъ также изъ Византіи. Коренныя славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки называли его: сѣчень (по тексту харатейнаго Вологодскаго Евангелія) и снѣженъ (по тексту Полотскаго Евангелія); малоруссы и поляки: лютый, иллирійцы: вельяча, кроаты: свѣченъ и сѣчень, карніольцы: свичанъ, венды: свѣчникъ, сѣчанъ, друникъ, т. е. второй, сорабы: свѣчковній, чехи и словаки: унoръ. Названіе февраль въ старинныхъ святцахъ встрѣчается съ половины XI вѣка. Поселяне доселѣ его называютъ: бокогрѣй, основываясь на томъ, что скотина выходитъ въ февралѣ изъ хлѣвовъ обогрѣвать бока. Въ нашихъ лѣтописяхъ его называли: свадебнымъ, отъ зимнихъ свадебъ, совершаемыхъ отъ дня Богоявленія до масляницы. Это названіе доселѣ удержалось между поселянами Костромской губерніи. По новому счету русской годовщины февраль считается вторымъ, по старому, когда годъ считали съ марта, онъ былъ двѣнадцатымъ, а когда съ сентября, онъ былъ шестымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ февралѣ мѣсяцѣ.

1. Заклинаніе—примѣты.

Есть старое преданіе у поселянъ Калужской и Московской губерніи, что только на этотъ день можно заклинать губителей скирдовъ и стоговъ — мышей. По ихъ вѣрованію, заклятіе не только можетъ сгубить мышей, но и совсѣмъ искоренить ихъ изъ селенія. Призванный знахарь вынимаетъ изъ средины скирда по снопу, со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ стоговъ беретъ по клоку сѣна. Все это сносится въ печь, зажигается раскаленною кочергою. Зола, оставшаяся отъ сожженія соломы и сѣна, всыпается въ тѣ мѣста, откуда были вынуты снопы и сѣно. Знахарь во все время читаетъ заговоры и громко произноситъ заклятія. Знахаря сопровождаетъ во всѣхъ продѣлкахъ хозяинъ съ хозяйкою съ хлѣбомъ-солью и чистымъ полотенцемъ. Возвращаясь съ гумна, знахаря угощаютъ и отдариваютъ. Для образца мы приводимъ здѣсь заклятіе знахаря:

«Какъ желѣзо на водѣ тонетъ, такъ и вамъ, гадамъ, сгинуть въ преисподнюю, въ смолу кипучую, въ адъ кромѣшный. Не жить вамъ на бѣломъ свѣтѣ, не видать вамъ травы муравой, не топтать вамъ росы медяной, не ѣсть вамъ бѣлоярой пшеницы, не таскать вамъ золотого ячменя, не грызть вамъ полнотѣлой ржи, не таскать вамъ пахнучаго сѣна. Заклинаю васъ, мышей, моимъ крѣпкимъ словомъ на вѣки вѣковъ. Слово мое ничѣмъ же порушится».

Старики примѣчаютъ въ этотъ вечеръ: если покажется на небѣ много звѣздъ, то увѣряютъ, что зима еще долго продолжится и весна будетъ поздняя.

2. Срѣтенскіе морозы.—Примѣты.—Преданія.

Срѣтенскіе морозы въ Тульской губерніи считаются последними, и послѣ ихъ поселяне не рѣшаются пускаться вдаль на санной ѣздѣ. Тамъ, по преданію, оттепель, появляющаяся въ этотъ день, предвѣщаетъ худую и гнилую весну.

Примѣты, наблюдаемыя поселянами въ этотъ день, бываютъ различны, смотря по мѣстности.

Въ Костромской губерніи, при появленіи оттепели, говорятъ: «на Срѣтеньевъ день отъ воробья стѣна мокра». Съ этимъ вмѣстѣ они примѣчаютъ появленіе ранней весны.

Въ Рязанской губерніи, при выпаденіи снѣга, говорятъ: «на Срѣтеніе снѣжокъ, пригонитъ на весну дожжокъ». Если появится мятель, то говорятъ: «коли на Срѣтенье мятель дорогу перемететъ, то корма-тъ подберетъ». Съ этой примѣтою у нихъ соединяется понятіе о поздней осени, недостаткѣ корма.

Въ Тульской и Рязанской губерніяхъ есть повѣрье, что съ этого дня въ первый разъ появляется весенняя теплота. Для этого у нихъ есть поговорка: «на Срѣтенье зима съ лѣтомъ встрѣтилась».

Въ Тульской губерніи, когда середь дня появится солнце, говорятъ: «солнце идетъ на лѣто, а зима на морозъ».

Въ Каширскомъ уѣздѣ есть преданіе о погибшемъ семействѣ, предпринявшемъ въ этотъ день поѣздку вдаль, за рыбою, къ масляницѣ.

Жилъ когда-то, говорятъ они, старикъ съ семьею сытно и богато. Всего было у него много и во всемъ ему была спорина. Наградилъ его Господь дѣтками умными и талантливыми. Чего самъ старикъ не додумаетъ, то дѣтки

домыслятъ, а чего дѣтки не съумѣютъ, то отецъ научитъ. Поженилъ старикъ всѣхъ дѣтей на одинъ день, а поженивши, задумалъ напоить, накормить всѣхъ сватовъ и сватей, а кормъ для нихъ порядилъ на широкой масляницѣ. Вотъ и вздумалъ старикъ на промыслъ: съѣздить вдаль за рыбою, заработать копѣйку и гостей удоволить. Старикъ все сбирался, ждалъ пути и дороги; глядь, поглядь и Срѣтенье на дворѣ, а тамъ и масляница на носу. И собрался старикъ всей семьей, опричъ бабъ и ребятъ, а на поѣздъ снарядилъ семь подводъ. Какъ прочуяли бабы про нарядъ за рыбою, такъ и не вѣсть что вышло. И повоютъ и поплачутъ бабы вокругъ мужей: не тутъ-то было. Задумали бабы и свои хитрости: и сны-то имъ недобрые видѣлись, и тоска-то на нихъ не къ добру нападала, и домовой-то ихъ къ худу давилъ. Извѣстно, бабье дѣло: не спорь съ ними. Нѣтъ-таки, старикъ не слушаетъ ихъ. Поѣду-таки, поѣду за рыбою, накормлю объ масляницѣ сватовъ и сватей, говоритъ онъ имъ. Вѣдь не что сдѣлаешь съ мужикомъ: упрямъ живетъ и отродясь не слушаетъ. Какъ на бѣду, на самое Срѣтенье, началась оттепель. Взвыли бабы пуще прежняго отъ лихой примѣты. «Погляди-ко, родимый, на дворъ: какая стала оттепель? Вѣдь морозы-то минули; подуло съ весны». Не бывать добру, не видать мужей, голосятъ бабы. Старикъ-таки все думаетъ: поѣду да поѣду. Вотъ и поѣхалъ старикъ за рыбою на семи подводахъ, а на тѣхъ подводахъ посажалъ сыновей, да и самъ сѣлъ. Ждутъ бабы своихъ мужей недѣлю, а объ нихъ и слуху нѣтъ; ждутъ и другую, и никто вѣсти не кажетъ. Вотъ и пестрая недѣля наступила, а родимыхъ все нѣтъ. Подошли и заговины, а съ ними и слухи пошли: вотъ тамъ-то мужикъ утонулъ, а тамъ-то двухъ мужи-

ковъ замертво нашли. Воютъ бабы пуще прежняго. Кому масляница, а бабамъ великій постъ. И прослышали бабы о бѣдѣ: на Волгѣ де ихъ мужья на льду подломились съ подводами. Никто-то не спасся. Вѣстимо дѣло, у того и бѣда на носу виситъ, кто не чтетъ примѣтъ, да не слушаетъ старыхъ людей. А и на что было старику ѣхать на Срѣтенье, коли на дворѣ оттепель? Не слушался, такъ и поминай какъ звали. Сиротство-то, сиротство какое оставилъ!

3. Починки.—Повѣрье.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи, послѣ срѣтенской оттепели, рачительные хозяева начинаютъ починивать лѣтнюю сбрую, ѣздовую и пахатную. Съ ранней зари, помолясь всей семьей, выходятъ въ сараи и занимаются работой. Для починокъ варится въ этотъ день семейная саломата, дорогое и лакомое кушанье поселянъ. Тогда-то, говорятъ поселяне: «пріѣхала саломата на дворъ, расчинай починки».

Въ селеніяхъ Владимірской губерніи есть повѣрье, что въ этотъ день лихой домовой, ночью, заѣзжаетъ лошадей. Въ отвращеніе зла, поселяне, по чьимъ-то совѣтамъ, придумали привязывать на шею лошадямъ кнутъ и онучи. Все это дѣлается для того, будто домовой тогда не смѣетъ дотронуться до лошади, воображая, что на ней сидитъ самъ хозяинъ.

5. Повѣрье.—Трубы.

Въ селеніяхъ Нижегородской губерніи есть повѣрье, что на этотъ день пробѣгаетъ по селамъ заморенная коровья смерть. Поселяне наши чуму рогатаго скота олицетво-

ряли иноомъ и разными сказаніями. Коровья смерть является людямъ въ видѣ старой, отвратительной женщины. Это не то, что старая вѣдьма съ хвостомъ; у коровьей смерти есть своя примѣта: «руки съ граблями». Она сама никогда въ село не заходитъ, а всегда мужики завозятъ ее съ собой. За то ужъ какъ заберется куда эта дорогая гостья, то досыта натѣшится: переморитъ всѣхъ коровъ, изведетъ все племя до конца. Коровья смерть появляется болѣе въ концѣ или въ началѣ осени. Наши поселяне твердо увѣрены, что одно только опахиванье, совершенное съ таинственнымъ обрядомъ, изгоняетъ коровью смерть. Отъ этого обряда она скрывается по лѣсамъ и болотамъ, до тѣхъ поръ, пока скотина выдетъ на солнцѣ обогрѣвать бока. Тогда она, чахлая и заморенная, бѣгаетъ по селамъ, и съ горя скрывается въ степи, если не успѣетъ пробраться въ хлѣвы. Робкіе поселяне тогда запираютъ свои хлѣвы; а дальновидные и опытные убираютъ хлѣвы лаптями, обмоченными въ деготь, съ увѣренностью, что такіе лапти отгоняютъ отъ скота заморенную коровью смерть.

Въ зажиточныхъ селеніяхъ, гдѣ печи построены съ трубами, происходятъ въ этотъ день большія хлопоты. Съ вечера закрываютъ трубы крѣпко-на-крѣпко, замазываютъ глиною, на загнеткахъ покуриваютъ чертополохомъ; никто не спитъ ночью, отъ малаго до большого. И всѣ эти хлопоты для того, что будто въ этотъ день вылетаютъ изъ ада нечистые духи въ видѣ птицъ и заглядываютъ въ трубы. Гдѣ оплошаютъ, не примутъ предосторожностей, тамъ ужъ навѣрно поселятся нечистые. Выживай тогда ихъ, отыскивай знахарей. Сколько хлопотъ и заботъ съ ними. Все лучше, какъ заранѣе примешь мѣры, и послѣ живи, не тужи. Вотъ, если ужъ куда заберется нечистый, такъ весь домъ под-

нимет вверхъ дномъ. Все перебьетъ и переколотитъ; ничего не останется на мѣстѣ. Хозяева бѣги вонъ, если хотятъ быть живыми. Достается и сосѣдямъ, и прохожимъ. Такія бѣды бывали въ старину и въ городахъ. Спросите только, и вамъ, какъ по пальцамъ, разскажутъ, когда и гдѣ это было на самомъ дѣлѣ.

6. Жуколы.

Жуколами поселяне Костромской губерніи называютъ коровъ и телятъ, рождающихся въ февралѣ мѣсяцѣ. Тамъ есть поговорка: «на день св. Вукола—телятся жуколы».

11. Власьевскіе морозы.— Волосъ.— Опахиваніе.

Власьевскіе морозы въ Костромской губерніи считаются послѣдними. Напротивъ того, въ Тульской губерніи эти же самые морозы называются въ числѣ семи крутыхъ утренниковъ. Отъ этого самаго тамъ говорятъ: «Власьевскіе утренники подошли, держи ухо востро!» Счетъ утренникамъ наблюдаютъ тамъ: «три до Власія, да три послѣ Власія, а седьмой на день Власія». Во многихъ мѣстахъ о послѣднихъ власьевскихъ морозахъ сохранилась народная поговорка: «Власій, сшиби рогъ съ зимы».

Набожные наши поселяне въ этотъ день служатъ молебны св. мученику Власію и молятъ его о покровительствѣ и защитѣ домашняго скота, особливо коровъ. Во имя его прихожане устраивали въ старину придѣлы и часовни. Прасолы, торгующіе скотомъ, въ Зарайскѣ и другихъ городахъ, предъ началомъ своего торга, служатъ молебны св. Власію. Въ Вельскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, въ Ракульскомъ погостѣ находится древняя церковь, выстроенная въ лѣсу,

во имя св. Власія. Сюда съѣзжаются поселяне для молитвы св. угоднику. Поселянки приносятъ въ храмъ коровье масло и кладутъ его предъ образомъ святого угодника. Это масло называется въ Вельскомъ, Череповецкомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ: воложнымъ. По окончаніи обѣдни, приходскій священникъ служитъ общій молебенъ, а потомъ, по усердію молебщиковъ, и частные. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ молебствіе совершается въ субботу предъ Св. Пятидесятницею. Тогда къ церквамъ приводятъ коровъ для окропленія св. водою. То же самое отправляютъ и во время скотскаго падежа.

Въ языческой жизни нашихъ отцовъ было поклоненіе Волосу, или Велесу, истукану скотія бога, находившемуся въ числѣ кіевскихъ божествъ. Имя его извѣстно намъ еще по договорамъ русскихъ съ Царьградомъ. Такъ въ договорѣ Святослава съ греками сказано: «да имѣемъ клятву отъ бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и Волоса, скотья бога». По стародавнему закону нашихъ отцовъ видимъ, что вѣрованіе въ Волоса, распространенное отъ Кіева до Новгорода и Ростова, позднѣе всѣхъ прекратилось. Св. Авраамій Ростовскій сокрушилъ идола Велеса въ Ростовѣ уже въ XII столѣтіи. Между тѣмъ какъ въ Кіевѣ онъ прекращенъ былъ великимъ Владиміромъ: «Волоса, его же именоваху скотья бога, повелѣ въ Почайну рѣку врещи» (Макарьевская великая Минея рукописная). Наши стародавніе поэты, по словамъ пѣвца Игорева слова, считались Велесовыми внуками. Имя Велеса сохранялось долго въ народныхъ памятникахъ. Въ Новгородѣ была Волосова улица. Въ Переяславлѣ-Залѣскомъ, при царѣ Василіи Іоанновичѣ Шуйскомъ, находился Волосовъ камень (житіе Иринарха Ростовскаго въ рукописи). Въ южной Россіи, по разсказамъ отца Сабинина, передъ жнитвою старухи за-

вивали бороду Волосу (Журн. мин. народ. просв. 1837, № 11). Собравъ горсть колосьевъ, не вырывая жито изъ корня, онѣ завивали ихъ между собою и завязывали въ узелъ. Борода Волосова жницами оставлялась неприкосновенною. Вѣрованіе въ Волоса существовало и между другими славянскими племенами. Имя его извѣстно у иллирійскихъ славянъ. Въ Богеміи есть гора Велесъ; на Вардарѣ есть урочище Велесъ; въ Кроаціи находятся мѣста: Велешевецъ, Велешковецъ, Велетия. На латинскомъ языкѣ Велесъ означаетъ тѣни усопшихъ, приходящихъ къ живымъ. И у насъ на Руси, есть созвучныя сему слову мѣста: Волотя, деревня близъ Тулы, Волотово поле подъ Новгородомъ, Вольсница рѣка. Много существуетъ мнѣній о происхожденіи Волоса; но ни одно изъ нихъ не выражаетъ настоящаго значенія. Одни отыскиваютъ его въ скандинавской миѳологіи, въ словахъ Vali-ass, Val-ass, и полагаютъ, что этотъ Вал-ассъ, покровительствовавшій земледѣлію и скотоводству, есть славянскій Волосъ. Другіе отыскиваютъ его въ языческомъ праздникѣ мордвы: Велъ-Оскъ, предполагая, что нынѣшняя мордва, какъ потомки ростовской мери, переселившейся за Оку, могла сохранить преданіе о Волосѣ. Оба эти мнѣнія можно только считать удачными предположеніями ученыхъ людей, и никакъ не болѣе. Третьи производили Волоса отъ ассирійскаго Ваала, и приписывали ему значеніе: бога земныхъ тварей. Само собою разумѣется, что это мнѣніе навсегда будетъ безполезнымъ для славянской миѳологіи. Страннѣе всего, что никто до сихъ поръ не хотѣлъ отличать кіевскаго Волоса отъ ростовскаго. Въ Кіевѣ жили славяне и могли вѣровать Волосу по-своему. Около Ростова жили мери, и могли вѣровать также по-своему.

Народный обрядъ опахиванія принадлежитъ къ остаткамъ древняго языческаго вѣрованія нашихъ отцовъ. Поселяне отправляютъ его для прекращенія коровьей смерти. Пораженные ужасными бѣдствіями, они, послѣ мірского совѣщанія, рѣшаются опахивать землю. Мужья, изъявивъ свое согласіе, предоставляютъ этотъ обрядъ своимъ женамъ. Повѣщалка, женщина старая, опытная въ подобныхъ продѣлкахъ, съ ранняго утра повѣщаетъ по всѣмъ домамъ: пора де унять лихость коровью. Входя въ избу, она сзываетъ къ себѣ женщинъ и открываетъ имъ на совѣтѣ задуманное предпріятіе. Согласіе всегда бываетъ готово, а увѣренность въ обрядѣ опахиванія придаетъ особенную рѣшимость. Въ знакъ согласія, женщины обмываютъ руки водой и утираютъ ихъ ручникомъ, который носитъ съ собой повѣщалка. Послѣ сего обряда, она строго приказываетъ всему мужескому полу, отъ мала до велика: «не выходить изъ избы ради бѣды великія». Ровно въ полночь повѣщалка, въ одной рубахѣ, выходитъ къ околицѣ и съ дикимъ воплемъ: «ай! ай!» бьетъ въ сковороду. На этотъ вызовъ выходятъ всѣ женщины съ ухватами, кочергами, помелами, косами, серпами и дубинами. Мужчины запираютъ ворота, загоняютъ скотъ въ хлѣва и привязываютъ собакъ. Повѣщалка, сбросивъ съ себя рубаху, со всевозможнымъ неистовствомъ, произноситъ клятвы на коровью смерть. Въ это время, другія женщины подвозятъ соху, надѣваютъ на нее хомутъ и запрягаютъ. Съ зажженными лучинами, начинается троекратное шествіе вокругъ всего селенія. Впереди всѣхъ идетъ съ сохою повѣщалка и проводитъ борозду межеводную, за ней слѣдуютъ нѣсколько женщинъ на помелахъ, въ однѣхъ рубашкахъ, съ распущенными волосами. Сзади ихъ идетъ толпа,

размахивая по воздуху кочергами, косами, серпами, ухватами и дубинами, съ полною увѣренностью уничтожить сими дѣйствіями носящуюся надъ селеніями коровью смерть. Во время шествія они поютъ слѣдующую пѣсню.

От Океанъ-моря глубокаго
Отъ лукоморья ли зеленаго
Выходили дванадесять дѣвъ.
Шли путемъ, дорогой немалою,
Ко крутымъ горамъ, высокіимъ,
Ко тремъ старцамъ, старіимъ.
Молились, печаловались,
Просили въ упросъ
Дванадесять дѣвъ:
Ой вы, старцы старые!
Ставьте столы бѣлодубовые,
Стелите скатерти браныя,
Точите ножи булатные,
Зажигайте котлы кипучіе,
Колите, рубите на-мертво
Всякъ животъ поднебесной.
И клали великъ обѣтъ
Дванадесять дѣвъ:
Про животъ, про смерть,
Про весь родъ человѣчь.
Во ту пору старцы старые
Ставятъ столы бѣлодубовые,
Стелятъ скатерти браныя,
Колятъ, рубятъ на-мертво
Всякъ животъ поднебесной.
На крутой горѣ, высокоей.
Кипятъ котлы кипучіе
Во тѣхъ котлахъ кипучіихъ
Горитъ огнемъ негасимыимъ
Всякъ животъ поднебесной.
Вокругъ котловъ кипучіихъ
Стоятъ старцы старые,

Поютъ старцы старые
Про животъ, про смерть,
Про весь родъ человѣчь.
Кладутъ старцы старые
На животъ обѣтъ великъ,
Сулятъ старцы старые
Всему міру животы долгіе;
Какъ на ту ли злую смерть
Кладутъ старцы старые
Проклятьице великое.
Сулятъ старцы старые
Вѣковѣчну жизнь
На весь родъ человѣчь.

Съ окончаніемъ сего обряда всѣ женщины расходятся по домамъ съ полною увѣренностью, что за обведенную черту вокругъ селенія не можетъ пробраться коровья смерть. Горе тому животному, которое попадется въ это время на встрѣчу неистовымъ женщинамъ: его убиваютъ безъ пощады, предполагая, что въ образѣ его скрывалась коровья смерть.

Въ великорусскихъ и малорусскихъ селеніяхъ есть старыя преданія, что для истребленія коровьей смерти обрекали на смерть женщину, заподозрѣнную цѣлымъ міромъ въ злыхъ умыслахъ. Женщинъ, обреченныхъ на смерть въ великорусскихъ селеніяхъ, завязывали въ мѣшокъ съ кошкою и пѣтухомъ и живыхъ зарывали въ землю. Напротивъ того, малоруссы такихъ женщинъ топили въ озерахъ и рѣкахъ. Оба преданія едва ли могли когда нибудь существовать на самомъ дѣлѣ.

15. Окличка. — Сѣменное. — Зорнить пряжу.

Въ Тульской губерніи есть преданіе, что въ этотъ день овчары должны окликать звѣзды, для обильнаго пло-

породія овецъ. Заботливые хозяева заранѣе уговариваютъ овчаровъ на сей подвигъ. Вечеромъ, когда появятся звѣзды, выходятъ оба за околицы и кладутъ на всѣ четыре стороны по три поклона. Овчаръ становится на руно и произноситъ слѣдующія слова: «засвѣтись, звѣзда ясная, по поднебесью на радость міру крещеному; загорись огнемъ негасимымъ на утѣху православнымъ. Ты загляни, звѣзда ясная, на дворъ къ рабу такому-то. Ты освѣти, звѣзда ясная, огнемъ негасимымъ бѣлояровыхъ овецъ у раба такого-то. Какъ по поднебесью звѣздамъ нѣсть числа, такъ бы у раба такого-то уродилось овецъ болѣе того». Послѣ сего окликанія, хозяинъ приводитъ овчара къ себѣ въ избу, угощаетъ его виномъ и надѣляетъ подарками.

Въ селеніяхъ Рязанской и Тульской губерній былъ обычай изстари сбирать въ амбарахъ разныя сѣмена, выставлять ихъ на три утреннія зори на морозъ и потомъ откладывать ихъ къ будущему посѣву. Этотъ обычай, называемый ими сѣменное, производился съ надеждою на обильный урожай.

Рукодѣльныя женщины, оканчивая пряжу льна и конопель, отбирали первый мотокъ, лучшій изъ всей пряжи, и въ этотъ день выставляли его на утреннюю зорю, съ увѣренностью, что вся пряжа будетъ бѣла, чиста и крѣпка. Этотъ обычай они называютъ: зорить пряжу.

20. Маньякъ. — Примѣты.

Изстари ведется на Руси преданіе, что въ этотъ день не должно смотрѣть на падающія звѣзды съ неба. Худая примѣта заляжетъ на душу того, кто завидитъ падающую звѣзду; она предвѣщаетъ неизбѣжную смерть ему, или кому нибудь изъ его семейства. Простодушные, пренебре-

гающіе старыми примѣтами, увидѣвши падающую звѣзду, говорятъ: «маньякъ полетѣлъ». Опытные люди всегда чуждаются такихъ людей и даже имѣютъ объ нихъ худое понятіе. Старушки, опытныя въ житейскихъ дѣлахъ, замѣчаютъ, что если кто заболитъ на этотъ день, то или долго проболитъ, или навѣрно умретъ. Не довольствуясь этимъ наблюденіемъ, онѣ кладутъ подъ мышки больного по ломтю хлѣба, и замѣчаютъ: если къ утру хлѣбъ засохнетъ, то больной непремѣнно умретъ.

25. Примѣты.— Кумаха.

Поселяне замѣчаютъ, что съ этого дня опасно спать вечеромъ. Недальновиднымъ они тогда говорятъ: «кто спитъ подъ вечеръ въ февралѣ, тотъ наспитъ кумаху».

За великую бѣду считаютъ наши поселяне, если въ этотъ день сорвется съ крючьевъ дверь избяная. Эта примѣта всегда предвѣщаетъ домашнюю бѣду, или смерть какого нибудь изъ домочадцевъ, или пожаръ, или моръ осенный.

Кумаха. Такъ поселяне Костромской губерніи называютъ лихорадку, появляющуюся въ концѣ февраля. Живетъ кумаха въ дремучемъ лѣсу, въ непокрытой губѣ; живетъ она не одна, а съ сестрами. Всѣхъ сестеръ счетомъ двѣнадцать. Ростомъ и дородствомъ сестра въ сестру. Что взглянешь на одну, то увидишь и на другой. Нѣтъ примѣтъ, почему спознать сестру отъ сестры. Надъ всѣми надъ ними есть набольшая — старшая сестра; она-то посылаетъ своихъ сестеръ въ міръ — людей знобить, грѣшное тѣло мучить, бѣлы кости крушить. Поселяне открыли противъ кумахи удивительное средство: страждущіе ку-

махою выходятъ на то мѣсто, гдѣ будто поселилась въ нихъ кумаха, обсыпаютъ вокругъ себя ячневою крупою и, раскланиваясь на всѣ стороны, говорятъ: «прости, сторона, мать сыра-земля! вотъ тебѣ крупицъ на кашу, вотъ и тебѣ, кумаха!» Снова раскланиваются на всѣ стороны и идутъ домой съ увѣренностью, что они непремѣнно будутъ здоровы. Въ Тульской губерніи поселяне увѣрены твердо, что 25 февраля она не смѣетъ нападать на людей: «въ этотъ день де стережетъ кумаху домовой».

28. Капельникъ.—Овечья одышка.

Съ этого дня, по замѣчаніямъ поселянъ, будто начинаетъ таять снѣгъ на крышахъ. Поселяне, обрадованные появленіемъ солнечной теплоты, говорятъ: «посмотри на Васильевъ день, на капельники, и капель пойдетъ».

Дѣти, страждущіе водяною болѣзнью, имѣютъ опухлый животъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно получаютъ тяжелое дыханіе. Поселяне, глядя на нихъ, говорятъ: «бѣда пашла на ребятъ: ростутъ въ брюхо». Эту болѣзнь они называютъ: овечьею одышкою. Дѣтей, страждущихъ этою болѣзнью зимою, они придумали 28 февраля избавлять слѣдующимъ средствомъ: больное дитя, окутавъ въ овчинный тулупъ, мать кладетъ подлѣ порога, а отецъ въ это время загоняетъ овецъ въ избу, и потомъ опять изъ избы. Простодушные поселяне думаютъ, что овцы, переходя чрезъ больное дитя, уносятъ съ собою дѣтскую болѣзнь.

29. Опасенія.

Изстари заведено на Руси считать высокосный годъ опаснымъ и приписывать ему многія, небывалыя бѣды.

29 число февраля высокоснаго года, по ихъ замѣчанію, есть самый бѣдственный день для всѣхъ возможныхъ несчастій. Тогда, будто, и скотъ падаетъ, и дерева засыхаютъ, и повальныя болѣзни появляются, и семейные раздоры заводятся. Изъ благоговѣнія къ нашей религіи, мы умалчиваемъ о суевѣрныхъ примѣтахъ нашего народа; предаемъ забвенію и самую легенду.

Мѣсяцъ мартъ.

Слово: мартъ — нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки называли его: сухый, сухій, малоруссы: березозолъ, чехи и словаки: бржезень, поляки: марзецъ, сорабы: позимскій, карніольцы, венды и кроаты: сушецъ, третникъ, грегурчакъ. Съ марта мѣсяца начиналось русское пролѣтіе (слово, вышедшее нынѣ изъ книжнаго употребленія). Чехи первый день марта называютъ доселѣ: лѣтницы; а наши простолюдины: новичокъ. Въ старой русской жизни мартъ считался первымъ мѣсяцемъ въ году, и этотъ счетъ измѣнился только въ княженіе в. к. Василія Димитріевича, въ началѣ XV столѣтія. Когда годъ начали считать съ сентября, мартъ былъ уже седьмымъ. Съ 1700 года онъ приходится по счету уже третьимъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ мартѣ мѣсяцѣ.

1. Наблюденія.—Окличка весны.—Плющиха.—Сроки.—Снѣгъ.

Съ Евдокеи въ стоячь собаку заноситъ снѣгомъ.— Откуда на Евдокеи повѣетъ вѣтеръ, от-

туль онъ подуетъ весной и лѣтомъ.—Коли на Евдокеи новичокъ съ дождемъ, то быть лѣту мокрому.—На Евдокей погожо, все лѣто пригожо.—И мартъ на носъ садится, коли на Евдокеи морозъ прилучится.—Ни въ мартѣ воды, ни въ апрѣлѣ травы.—Февраль воду подпущаетъ, а мартъ подбираетъ.

Поселяне замѣчаютъ, что со дня Евдокіи начинаютъ вѣтры дуть и свистать. Тогда они говорятъ: «вотъ те на! пріѣхала свистунья».

Въ селеніяхъ Смоленской губерніи, въ день св. Евдокіи кличутъ весну. Женщины, дѣвицы и дѣти взлѣзаютъ на кровли амбаровъ, или на пригорки и поютъ:

Весна красна!
Что ты намъ принесла?
Красное лѣтичко.

Плющиха, плюшки. Такъ поселяне называютъ черты, раздѣляющія ледъ и снѣгъ на клочки—плюшки. Эти плюшки появляются послѣ оттепели. Солнце, пригрѣвая снѣгъ, образуетъ ручьи, которые въ мартовскіе утренники, замерзая, оставляютъ на снѣгу и льду особенныя черты. Тогда старики говорятъ: «плющиха провела плюшки». Въ иныхъ мѣстахъ мнѣ случилось слышать, что старушки, припоминая какое нибудь событіе, говорили: «а то было на плющихи».

Первымъ числомъ марта оканчиваются у нашихъ поселянъ сроки зимнимъ наймамъ. Съ марта начинаются наймы весенніе. При новыхъ срокахъ они говорятъ: «съ Евдокей до Егорья» или «Евдокей по Петровъ день, по Аспасовъ день».

У русскихъ гусятниковъ съ перваго марта начинаются совѣщанія о гусиной охотѣ и о назначеніи дней, когда спущать гусей на бой.

Нашъ народъ думаетъ, что съ перваго марта снѣгъ получаетъ особенную цѣлительную силу. Для больныхъ сбираютъ снѣгъ съ пригорковъ и поятъ ихъ снѣговой водой отъ разныхъ недуговъ.

4. Грачевники. — Кикиморы.

По наблюденіямъ поселянъ извѣстно, что въ этотъ день прилетаютъ съ теплыхъ странъ на русскую землю грачи, первыя весеннія птицы. Опытные люди замѣчаютъ, что если грачи прилетятъ прямо на гнѣздо, то весна будетъ дружная.

Наши поселяне увѣрены, что на грачевники кикиморы дѣлаются смирными и ручными и что только въ этотъ день можно ихъ уничтожать. Вѣрованіе въ кикиморъ нашего народа началось съ незапамятныхъ временъ и принадлежитъ къ особенному миѳу русской демонологіи. По понятіямъ нашего народа, кикиморы представляютъ собою миѳъ чисто физическій, особенный родъ духовъ, населяющихъ воздухъ, ужасныхъ для семейной жизни, невидимыхъ и мстительныхъ. Вотъ разсказы нашего народа о происхожденіи кикиморъ.

«Живетъ на бѣломъ свѣтѣ нечистая сила сама по себѣ; ни съ кѣмъ-то она, проклятая, не роднится; нѣтъ у ней ни родного брата, ни родной сестры; нѣтъ у ней ни родимаго отца, ни родимой матери; нѣтъ у ней ни двора, ни поля, а пробивается, бездомовая, гдѣ день, гдѣ ночь. Безъ привѣту, безъ радости глядитъ она, нечистая, на добрыхъ

людей: все бы ей губить, да крушить, все бы ей на зло идти, все бы міромъ мутить. Есть между ними молодые молодцы, зазорливые. А и тѣ-то, молодые молодцы, прикидываются по-человѣчью и по-змѣиному. По поднебесью летятъ они, молодые молодцы, по-змѣиному, по избѣ-то ходятъ они, молодцы, по-человѣчью. По поднебесью летятъ, на красныхъ дѣвушекъ глядятъ; по избѣ-то ходятъ, красныхъ дѣвушекъ сушатъ. Полюбитъ-ли красну дѣвицу-душу, загоритъ онъ, окаянный, змѣемъ огненнымъ, освѣтитъ онъ, нечистый, дубровы дремучія. По поднебесью летитъ онъ, злодѣй, шаромъ огненнымъ; по землѣ разсыпается горючимъ огнемъ, во теремѣ красной дѣвицы становится молодымъ молодцомъ несказанной красоты. Сушитъ, знобитъ онъ красну дѣвицу до истомы. Отъ той ли силы нечистыя зарожается у дѣвицы дѣтище некошное. Со тоски, со кручины надрывается сердце у отца съ матерью, что зародилось у красной дѣвицы дѣтище некошное. Клянутъ, бранятъ они дѣтище некошное клятвой великою: не жить ему на бѣломъ свѣтѣ, не быть ему въ уростъ человѣчь; горѣть бы ему вѣкъ въ смолѣ кипучей, въ огнѣ негасимомъ. Со той ли клятвы, то дѣтище заклятое, безъ поры безъ времени, пропадаетъ изъ утробы матери. А и его-то, окаяннаго, уносятъ нечистые за тридевять земель въ тридесятое царство. А и тамъ-то дѣтище заклятое ровно чрезъ семь недѣль нарекается Кикиморой. Живетъ, ростетъ Кикимора у кудесника въ каменныхъ горахъ; поитъ-холитъ онъ Кикимору медяной росой, паритъ въ банѣ шелковымъ вѣникомъ, чешетъ голову золотымъ гребнемъ. Отъ утра до вечера тѣшитъ Кикимору котъ баюнъ, говоритъ ей сказки заморскія про весь родъ человѣчь. Со вечера до полуночи заводитъ кудесникъ игры молодецкія, веселитъ

Кикимору то слѣпымъ козломъ, то жмурками. Со полуночи до бѣла свѣта качаютъ Кикимору во хрустальчатой колыбелькѣ. Ровно черезъ семь лѣтъ выростаетъ Кикимора. Тонешенька, чернешенька та Кикимора; а голова-то у ней малымъ-малешенька со наперсточекъ, а туловища не спознать съ соломиной. Далеко видитъ Кикимора по поднебесью, скорѣй того бѣгаетъ по сырой землѣ. Не старѣется Кикимора цѣлый вѣкъ; безъ одежи, безъ обуви бродитъ она лѣто и зиму. Никто-то не видитъ Кикимору ни середь дня бѣлаго, ни середь темной ночи. Знаетъ-то она, Кикимора, всѣ города съ пригородками, всѣ деревни съ приселочками; вѣдаетъ-то она, Кикимора, про весь родъ человѣчь, про всѣ грѣхи тяжкіе. Дружитъ дружбу Кикимора со кудесниками, да съ вѣдьмами. Зло на умѣ держитъ на людъ честной. Какъ минутъ годы уреченные, какъ придетъ пора законная, выбѣгаетъ Кикимора изъ-за каменныхъ горъ на бѣлый свѣтъ ко злымъ кудесникамъ во науку. А и тѣ-то кудесники люди хитрые, злогадливые; опосылаютъ они Кикимору ко добрымъ людямъ на пагубы. Входитъ Кикимора во избу никѣмъ не знаючи, поселяется она за печку никѣмъ не вѣдаючи. Стучитъ, гремитъ Кикимора отъ утра до вечера; со вечера до полуночи свиститъ, шипитъ Кикимора по всѣмъ угламъ и полавочной; со полуночи до бѣла свѣта прядетъ кудель конопельную, сучитъ пряжу пеньковую, снуетъ основу шелковую. На зарѣ-то утренней, она, Кикимора, собираетъ столы дубовые, ставитъ скамьи кленовыя, стелитъ ручники кумачные для пира неряженаго, для гостей незваныихъ. Ничто-то ей, Кикиморѣ, не по сердцу: а и та печь не на мѣстѣ, а и тотъ столъ не во томъ углу, а и та скамья не по стѣнѣ. Строитъ Кикимора печь по-своему, ставитъ столъ

по-нарядному, убираетъ скамью запонами шидяными. Выживаетъ она, Кикимора, самого хозяина, изводитъ она окаянная, всякъ родъ человѣчь. А и послѣ того, она, лукавая, мутитъ міромъ крещенымъ: идетъ ли прохожій по улицѣ, а и тутъ она ему камень подъ ноги; ѣдетъ ли посадскій на торгъ торговать, а и тутъ она ему камень въ голову. Со той бѣды великія пустѣютъ дома посадскіе, заростаютъ дворы травой-муравой».

Если гдѣ поселится Кикимора, то поселяне на Грачевники призываютъ знахарей, которые за великіе посулы рѣшаются только изгнать нечистую силу. Въ этотъ день, съ утра, поселяется знахарь въ опустѣлый домъ, осматриваетъ всѣ углы, обметаетъ печь и читаетъ заговоры. Къ вечеру объявляетъ въ услышаніе всѣхъ, что Кикимора изгнана изъ дома на времена вѣковѣчныя.

9. Сорокъ сороковъ.—Окличка весны.

На Сороки — сорокъ утренниковъ.—Во что Сороки, во то и Петровки.— На Сороки прилетаетъ куликъ изъ-за моря, приноситъ воду изъ неволья.—На Сороки прилетаютъ жаворонки.

По замѣчаніямъ стариковъ, съ 9 марта начинаются утренники — утренніе морозы — и продолжаются ровно сорокъ дней. Если эти утренники будутъ продолжаться постоянно, тогда они говорятъ: лѣто будетъ теплое.

Изстари ведется обычай на Руси на день сорока мучениковъ печь изъ хлѣбеннаго тѣста жаворонки. Затѣйливыя старушки пекутъ эти жаворонки съ особенными вычурами; золотятъ всю птичку сусальнымъ золотомъ, голову обмазываютъ медомъ и посылаютъ ихъ по роднымъ,

въ гостинцы дѣтямъ. Съ ранняго утра торговки продаютъ хлѣбные жаворонки на торгахъ и около церквей.

По замѣчанію поселянъ, будто съ 9 марта наступаетъ весна. Поселяне Смоленской губерніи выходятъ на этотъ день окликать весну, какъ дѣлаютъ перваго марта. Предвѣстниками весны, по ихъ словамъ, бываетъ полетъ жаворонковъ. Это повѣріе встрѣчать весну по прилетанію птицъ перешло къ намъ отъ грековъ, съ тою только разницею, что они встрѣчали весну при появленіи соловьевъ (Вѣст. Европы 1827 г., № 5, стр. 64). Эта ранняя встрѣча весны, вѣроятно, есть только преданіе, занесенное къ намъ изъ южныхъ странъ. Москвичи говорятъ: «одна ласточка весны не дѣлаетъ».

12. Примѣты.

Наши поселянки замѣчаютъ, если утромъ появится туманъ, то въ этотъ годъ будетъ большой урожай на ленъ и конопли. А чтобы примѣта ихъ сбывалась, то они бросаютъ по двору нѣсколько сѣмянъ конопляныхъ и льняныхъ для угощенія птицъ. Рачительные хозяева прилагаютъ особенную заботливость къ лошадямъ. По ихъ замѣчанію, если на этотъ день заболитъ лошадь, то она никуда не годится для лѣтней работы.

17. Замѣчанія.

Съ горъ вода пролети.—Съ горъ потоки.—Пролей кувшинъ.—Покинь сани, снаряжай телѣгу. Поселяне замѣчаютъ: что если на этотъ день появятся большіе ручьи, то полая вода будетъ большая и широко

разольется по лугамъ. Въ Тулѣ на эти дни бывали сборные гусиные бои, оканчивавшіеся пирушками.

19. Примѣты.

Дарьи грязныя пролубницы.—Оклади пролуби.—Стели красны по замерзамъ. Съ увеличеніемъ солнечной теплоты, на пролубяхъ рѣкъ и прудовъ дѣлается грязно. Тогда поселяне говорятъ: «вотъ пришли и Дарьи грязныя пролубницы».

22. Замѣчанія.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи поселяне выходятъ утромъ смотрѣть вокругъ солнца красныхъ круговъ. Эти круги, по ихъ замѣчанію, обѣщаютъ всегда плодородіе.

25. Освобожденіе птицъ.—Капуста.—Сожиганіе постелей.—Примѣты.

На Благовѣщеніе и воронъ гнѣзда не свиваетъ.—На Благовѣщеніе на суровую пряжу не глядятъ.—Каково Благовѣщенье, таково и Свѣтлое Воскресенье.—На Благовѣщеніе дождь, родится рожь.—На Благовѣщеніе весна лѣто поборала.—До Благовѣщенія зимнимъ путемъ либо недѣлю не доѣдешь, либо переѣдешь.

Изстари на Руси заведено, чтобы въ этотъ день освобождать птицъ на волю. Въ Москвѣ этотъ обрядъ доселѣ совершается противъ Охотнаго ряда. Сюда съ утра приходитъ народъ, покупаетъ птицъ и своими руками выпускаетъ ихъ изъ клѣтки на волю. Прежде на исполненіе

этого обычая стекались со всѣхъ сторонъ, и только одна темная ночь прекращала сборище.

Подъ Благовѣщенскій вечеръ наши поселяне приходятъ въ подвалы съ кочаномъ капусты и кладутъ на землю, скрытно отъ всѣхъ. Этотъ кочанъ долженъ быть первый, сорванный осенью съ гряды. На другой день, возвращаясь отъ обѣдни, разсматриваютъ кочанъ. Говорятъ, что будто счастливцы находятъ въ немъ сѣмена, отъ которыхъ родившуюся капусту никакой морозъ не убиваетъ.

Во многихъ селеніяхъ Тульской губерніи осталось вѣрованіе въ огонь. Поселяне подъ Благовѣщеніе, ночью, сожигаютъ свои соломенныя постели, скачутъ чрезъ огонь и окуриваютъ свои платья. Постелю, говорятъ они, будто для того сожигаютъ, чтобы истребить болѣзни; скачутъ чрезъ огонь для того, чтобы избавить себя отъ призора; окуриваютъ платья для того, чтобы предостеречь себя отъ обоянія. Съ сего вечера молодые поселяне переселяются съ новыми постелями въ холодныя клѣти; въ избахъ остаются старики, больные и дѣти.

Пожилыя женщины находятъ нужнымъ въ этотъ день пережигать соль въ печи. Эта соль, по ихъ мнѣнію, оказываетъ чудеса въ разныхъ болѣзняхъ. Съ этою солью онѣ изъ хлѣбнаго тѣста пекутъ *бяшки*, небольшія булки, назначаемыя ими для излеченія скота.

Если на Благовѣщеніе будетъ *день красный*, то наши поселяне предполагаютъ, что этотъ годъ будетъ *пожарный*. Если пойдетъ дождикъ, поселяне думаютъ, что годъ будетъ *грибной*, а рыболовы надѣются на удачный ловъ рыбы. Если на этотъ день будетъ морозъ, то они ожидаютъ нѣсколько утренниковъ. Въ Шенкурскѣ и Вагѣ насчитываютъ отъ сего мороза еще сорокъ утренниковъ.

У нашихъ поселянъ есть странное понятіе о птицахъ, свивающихъ гнѣзда въ сей день. Они полагаютъ, что такія птица за свой поступокъ теряютъ силу въ крыльяхъ и въ наказаніе осуждаются ходить по землѣ. Не отсюда ли произошло замѣчаніе: «на Благовѣщеніе и воронъ гнѣзда не свиваетъ».

26. Примѣты.

Поселяне замосковныхъ селеній, замѣтивъ на этотъ день свѣтлый восходъ солнца, убираютъ всю санную сбрую, и говорятъ: «выверни оглобли». Между тѣмъ женщины на этотъ день оканчиваютъ послѣднюю пряжу. Если же которыя продолжаютъ еще прясть послѣ сего дня, тѣмъ говорятъ: «не пойдетъ въ прокъ».

27. Наставицы.—Полурѣпницы.

Слово: наставицы имѣетъ двойное значеніе. Пиголки, птицы, прилетающія къ этому дню въ Нерехту и Кострому, называются тамъ наставицами. Поверхность снѣга, замерзаемая утренниками послѣ большихъ оттепелей, называется: настъ. Въ это время поселяне наши говорятъ: «пойдемъ по настамъ — иди по наставицѣ».

Въ селеніяхъ Рязанской губерніи этотъ день называется: полурѣпницы. Въ этотъ день они отбираютъ годныя рѣпы для сѣмянъ, что составляетъ у нихъ отдѣльную, неприкосновенную половину.

30. Бѣды съ домовымъ.

Многіе изъ нашихъ суевѣрныхъ поселянъ, вѣрующіе въ домовыхъ, боятся въ этотъ день и вечеромъ ходить по

двору. Они думаютъ, что домовой въ тѣ поры бѣсится и не узнаетъ своихъ домашнихъ. Съ заходомъ солнца запираютъ весь домашній скотъ и птицъ, а сами боятся уже подойти и къ окну во всю ночь. Вотъ ихъ разсказы объ этомъ странномъ положеніи домового.

Домовой, какъ и всякая нечистая сила, съумѣетъ сотворить бѣду православнымъ людямъ, если противъ него не будутъ приняты предосторожности. Ровно цѣлый годъ, онъ, окаянный, живетъ смирно, радѣетъ о хозяйскомъ добрѣ, пуще заботливаго мужика, бережетъ скотъ, холитъ лошадей, смотритъ за огородомъ, не дастъ потѣшиться въ саду лѣшему, не дастъ въ обиду злой вѣдьмѣ коровъ изуродовать. У добраго домового все въ домѣ исправно, во всемъ спорина, отъ всего прибыль, всѣмъ сытно. Вдругъ встоскуется онъ, окаянный, невѣсть почему. Въ тѣ поры онъ на всѣхъ злится, всѣхъ бы радъ известь, готовъ сокрушить весь домъ. Одного только за нимъ не водится: не наложитъ рукъ на себя. За то ужъ всѣмъ домашнимъ отъ него приходитъ жутко: лошадей забьетъ подъ ясли, у коровъ отобьетъ охоту отъ ѣды, перекусаетъ со зла всѣхъ собакъ, раскидаетъ по всему двору сани и телѣги, хозяину подкатывается подъ ноги. И все это бываетъ 30 марта, съ ранней утренней зари, до полуночи, какъ запоютъ пѣтухи. Много ходитъ толковъ по міру крещеному о такой бѣдѣ съ домовымъ. Одни говорятъ, что у него въ началѣ весны спадаетъ старая шкура, и отъ этой боли онъ бѣсится. Другіе думаютъ, что на него находитъ чума, вотъ хоть бы какъ на собакъ, или на коровъ, и оттого онъ такъ проказитъ по всему двору. Третьи знаютъ навѣрное, что въ этотъ день бываетъ имъ расправа отъ нечистой силы за цѣлый годъ. Хоть онъ и домовой, а все-

таки набьютъ ему спину не хуже виноватаго мужика. Вѣдь тутъ нечистая сила не даетъ пощады и своему брату: отваляетъ на обѣ корки по-своему. А иначе, отчего бы и взбѣситься домовому? Четвертые разсказываютъ за тайну, что хозяинъ когда-то поссорился съ знахаремъ не шутя, и что за такую обиду знахарь и удружилъ ему лихимъ домовымъ. Бываютъ же такія бѣды съ мужикомъ: все ладитъ съ знахаремъ, такъ вдругъ и завеличается: «я, дескать, и самъ не хуже его съумѣю сдѣлать». Извѣстное дѣло, гдѣ мужику стоять противъ знахаря? Хоть бы онъ былъ и посадскій человѣкъ: такъ развѣ достанетъ силы тягаться съ знахаремъ? Пятые, люди дальніе и посторонніе, увѣряютъ со всею правотою, что въ этотъ день приходитъ домовому смертная охота жениться на вѣдьмѣ. Извѣстное дѣло на Руси, что нечистая сила весь свой вѣкъ живетъ неженатая; да и гдѣ имъ, бездомовымъ, будетъ поселиться съ своей семьей, когда шатаются гдѣ день, гдѣ ночь? Ужъ и по всему видно, что это неправда. Вотъ какъ думаютъ и поговариваютъ мои земляки объ этой бѣдѣ съ домовымъ; а вы, люди православные, потрудитесь сами добиться правды, если у васъ есть охота заниматься съ домовымъ.

Мѣсяцъ апрѣль.

Слово: апрѣль, или апріллій нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки назвали его: березозоль, малоруссы и поляки: квѣтень, цвѣтень, чехи и словаки: дубень, сорабы: налѣтній, ячманъ, венды: чтерникъ (четвертый) малъ-травенъ,

кроаты: травенъ и джюджревчакъ (Юрьевъ день), иллирійцы: травяный. Въ старой русской жизни апрѣль считался вторымъ пролѣтнимъ мѣсяцемъ; а когда годъ стали считать съ сентября, то онъ былъ восьмымъ. Съ 1700 года онъ приходится по счету уже четвертымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Наши поселяне говорятъ: съ апрѣля земля прѣетъ.— Ни въ мартѣ воды, ни въ апрѣлѣ травы.—Апрѣль всѣхъ напоитъ. — Дождались полой водицы, ай да батюшка апрѣль. — Апрѣль сипитъ да дуетъ, бабамъ тепло сулитъ, а мужику что-то будетъ.— Играй, матушка Ока, пока апрѣль на дворѣ.— Не ломай печи, еще апрѣль на дворѣ.

1. Примѣты.

Въ замосковскихъ селеніяхъ замѣчаютъ, что если на этотъ день разольется полая вода, то будетъ большая трава и ранній покосъ.

«Захотѣлъ ты въ апрѣлѣ кислыхъ щей». Зимній запасъ капусты у нашихъ поселянъ всегда оканчивается въ мартѣ. Апрѣльскія щи у нихъ называются пустыми. Почему они и говорятъ тогда: «пришли на Марью пустыя щи».

3. Примѣты.—Угощеніе водяного.

Рыболовы на Окѣ замѣчаютъ: если ледъ не пройдетъ въ этотъ день, то рыбный ловъ будетъ самый худой.

Многіе суевѣрные рыболовы приходятъ въ полночь полакомить гостинцами водяного дѣдушку. Это угощеніе водяного происходитъ у нихъ слѣдующимъ порядкомъ.

Покупаютъ у цыганъ самую негодную лошадь, не торгуясь, ровно за три дни. Въ эти три дни они стараются откормить ее хлѣбомъ и коноплянными жемыхами. Въ послѣдній вечеръ вымазываютъ у лошади голову медомъ съ солью, въ гриву вплетаютъ множество красныхъ лентъ, ноги спутываютъ веревками, на шею навязываютъ два старыхъ жернова. Ровно въ полночь отправляются къ рѣкѣ. Если еще ледъ не прошелъ, то связанную лошадь опускаютъ въ прорубь; если же рѣка очистилась отъ льда, то сами, садясь на лодки, стараются утопить лошадь середь рѣки. Въ то время, старшій изъ рыболововъ находится на берегу рѣки, прислушивается къ водѣ и даетъ знакъ другимъ, когда можно утопить лошадь. Большое несчастіе бываетъ для рыболововъ, если водяной не желаетъ угощенія, или онъ перешелъ на другую усадьбу. По ихъ замѣчанію, водяной всю зиму лежитъ въ водѣ и спитъ крѣпкимъ сномъ. Съ 1-го апрѣля онъ просыпается голоднымъ, сердитымъ. Съ досады и голода онъ ломаетъ ледъ, замучиваетъ мелкую рыбу до смерти, а большія сами убѣгаютъ въ другія рѣки. Когда же рыболовы задобрятъ его добрымъ гостинцемъ, лошадкою, то онъ смиряется, стережетъ рыбу, переманиваетъ къ себѣ большихъ рыбъ изъ другихъ рѣкъ, спасаетъ рыболововъ отъ бури и потопленія, не рветъ неводовъ и бредней. Во время своего гнѣва и голода, водяной три дня дожидается гостинца, и если рыболовы не поспѣютъ съ приносомъ, то онъ, по истребленіи рыбы, удаляется въ сосѣднюю усадьбу. Желаніе водяного получить гостинецъ узнается по сильному колыханію воды и глухому подземному стону. Когда надѣлятъ водяного гостинцемъ, то старшій рыболовъ, выливая въ рѣку масло, говоритъ: «вотъ тебѣ, дѣдушка, гостинцу на новоселье. Люби

да жалуй нашу семью». Возвращаясь съ этой тризны, рыболовы съ радостью проводятъ всю ночь въ пьянствѣ.

5. Примѣты.

По замѣчаніямъ поселянъ, въ этотъ день начинаютъ дуть теплые, весенніе вѣтры. Тогда они говорятъ: «пришелъ Ѳедулъ, теплый вѣтеръ подулъ». Или «на Ѳедула растворяй оконницу».

Съ первымъ весеннимъ вѣтромъ, говорятъ поселяне, прилетаютъ сверчки и разселяются по огородамъ.

8. Примѣты.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи есть старинная примѣта, что на этотъ день солнце встрѣчается съ мѣсяцемъ. По ихъ замѣчаніямъ, эти встрѣчи бываютъ добрыя и худыя. Добрая встрѣча обозначается яснымъ солнцемъ и свѣтлымъ днемъ. Изъ этого выводятъ они предположенія о хорошемъ лѣтѣ. Худая встрѣча обозначается туманнымъ и пасмурнымъ днемъ и остается худымъ предзнаменованіемъ на все лѣто. По разсказамъ поселянъ, солнце и мѣсяцъ съ перваго мороза расходятся въ дальнія стороны: одинъ на востокъ, другой на западъ, и съ той поры не встрѣчаются другъ съ другомъ до самой весны. Солнце не знаетъ, не вѣдаетъ, гдѣ живетъ мѣсяцъ и что онъ дѣлаетъ; а мѣсяцъ не болѣе того знаетъ о солнцѣ. Когда же они весною повстрѣчаются, то долго разсказываютъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, гдѣ были, что видѣли, что подѣлывали. Часто случается, что мѣсяцъ съ солнцемъ на этой встрѣчѣ доходятъ до ссоры; а это всегда оканчивается землетрясеніемъ. Наши поселяне въ этой ссорѣ обвиняютъ болѣе всего мѣсяцъ, называя его гордымъ и задорнымъ.

11. Водополы.

Въ замосковной сторонѣ полагаютъ, что съ этого дня должны рѣки вскрываться и вода выходить изъ береговъ. Изъ этого наблюденія они выводятъ свои замѣчанія: вскрытіе рѣкъ къ этому дню обѣщаетъ хорошій урожай, благополучное лѣто. Позднее вскрытіе—всегда обѣщаетъ худое.

12. Примѣты.

Наблюдательные поселяне говорятъ: на день св. Василія весна землю паритъ.—На день св. Василія выверни оглобли, закинь сани на повѣть.

Охотники утверждаютъ, что на этотъ день медвѣдь выходитъ изъ берлоги и прячется въ кустахъ. Между тѣмъ объ зайцахъ говорятъ: «заяцъ, заяцъ, выскочи изъ куста».

14. Примѣты.

По примѣтамъ охотниковъ, на этотъ день будто лисицы переселяются съ старыхъ гнѣздъ на новыя, и что въ первые три дня своего переселенія онѣ бываютъ слѣпы и глухи. Онѣ пробуждаются изъ этого усыпленія не иначе, какъ вороны начнутъ ихъ клевать. Слѣпота лисицъ, по разсказамъ поселянъ, происходитъ отъ куричьей слѣпоты.

На этотъ день старожилы изъ поселянъ замѣчаютъ, что воронъ купаетъ своихъ дѣтей и отпускаетъ въ отдѣлъ, на особное семейное житье.

15. Пчелы.

Пчельники на этотъ день осматриваютъ пасеки и амшеники. Когда бываетъ ранняя весна, то они выпимаютъ

ульи изъ амшеника. Нашъ народъ сохранилъ поговорку, вѣроятно занесенную съ юга: «на день св. Пуда, вынимай пчелъ изъ-подъ спуда».

16. Разсадницы.

Поселяне Московской и Ярославской губерній на этотъ день сѣютъ разсаду на особенныхъ приготовленныхъ насадахъ, или срубахъ. Между тѣмъ на сѣверѣ этотъ посѣвъ, въ Шенкурской, Вельской и Важской областяхъ, совершаютъ 5 мая.

По замѣчанію сибиряковъ, на этотъ день вскрывается Иртышъ рѣка.

17. Пчелы.

Вынутыхъ пчелъ изъ амшеника пчельники разставляютъ въ пасѣкахъ; а набожные наши поселяне иначе не принимаются за это дѣло, какъ по совершеніи молебствій св. Зосимѣ и Савватію.

18. Посѣвы.

Рачительные поселяне засѣваютъ на этотъ день морковь и свеклу. Предъ посѣвомъ они выходятъ утромъ къ обѣтнымъ студенцамъ для смачиванія сѣмянъ и, въ надеждѣ на будущій урожай, бросаютъ мѣдныя деньги на дно студенца. Другіе считаютъ болѣе приличнымъ смачивать сѣмена рѣчной водой въ продолженіе трехъ утреннихъ зорей. Въ такомъ случаѣ скрытность есть важное дѣло: иначе урожай будетъ худой. Завистливый глазъ здѣсь много вредитъ.

19. Новины.

Поселянки на этотъ день, откавши свои холсты, выходятъ съ обѣтнымъ концомъ въ поле, раскланиваются на всѣ стороны и, обращаясь на востокъ, говорятъ: «вотъ тебѣ, матушка-весна, новая новинка!» Послѣ сего разстилаютъ конецъ холстины по лугу, кладутъ на него пирогъ и уходятъ домой съ надеждою, что матушка-весна одѣнется въ новину и за хлѣбъ-соль уродитъ въ изобиліи ленъ и конопли.

20. Окликаніе родителей.

По какому-то непонятному предчувствію наши поселяне догадываются, что ихъ покойники въ этотъ день скорбятъ о прежней своей жизни и желаютъ повидаться съ родными. Это предчувствіе находитъ только на пожилыхъ женщинъ и старухъ. Рано утромъ онѣ выходятъ на могилы и съ причитаніемъ окликаютъ родителей. Вотъ два причитанія:

«Родненькія наши батюшки! не надсажайте своего сердца ретиваго, не рудите своего лица бѣлаго, не смежите очей горючей слезой. Али вамъ, родненькимъ, не стало хлѣба-соли, не достало цвѣтна платья? Али вамъ, родненькимъ, встосковалося по отцу съ матерьей, по милымъ дѣтушкамъ, по ласковымъ невѣстушкамъ? И вы, наши родненькіе, встаньте, пробудитесь, поглядите на насъ, на своихъ дѣтушекъ, какъ мы горе мычемъ на семъ бѣломъ свѣтѣ. Безъ васъ-то, наши родненькіе, опустѣлъ высокъ теремъ, заглохъ широкъ дворъ; безъ васъ-то, родимые, не цвѣтно цвѣтутъ въ широкомъ полѣ цвѣты лазоревы, не красно растутъ дубы въ дубровушкахъ. Ужъ

вы, наши родненькіе, выгляньте на насъ, сиротъ, изъ своихъ домковъ, да потѣшьте словомъ ласковымъ».

«Родимые наши батюшки и матушки! Чѣмъ-то мы васъ, родимыхъ, прогнѣвали, что нѣтъ отъ васъ ни привѣту, ни радости, ни тоя прилуки родительской? Ужъ ты, солнце, солнце ясное! Ты взойди, взойди съ полуночи, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, не съ бѣдой горевать, не съ тоской вѣковать. Ужъ ты, мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! Ты взойди, взойди со вечера, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ по милымъ дѣтушкамъ. Ужъ ты, вѣтеръ, вѣтеръ буйный! Ты возвѣй, возвѣй со полуночи, ты принеси вѣсть радостну нашимъ покойничкамъ, что по нихъ ли всѣ родные въ тоскѣ сокрушилися, что по нихъ ли всѣ дѣтушки изныли во кручинушкѣ, что по нихъ ли всѣ невѣстушки съ гореваньица надсадилися».

23. Наблюденія.— Обряды.— Угощенья.

Наблюдательные поселяне говорятъ: «Егорій съ тепломъ, а Никола съ кормомъ. — Сѣй разсаду до Егорья, будетъ щей вдоволь. — Коли на Егорьевъ день морозъ, то и подъ кустомъ овесъ. — Коли на Егорьевъ день листъ въ полушку, на Ильинъ день клади хлѣбъ въ кладушку.—Пришелъ бы на Егорій морозъ, а то будетъ просо и овесъ.—Коли весенній Егорій съ кормомъ, то Никола осенній будетъ съ мостомъ. — Выгоняй скотъ на Юрьеву росу. — Егорій съ водой, а Никола съ травой. —

На Руси два Егорья, холодный да голодный, а вездѣ Божья благодать.—Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ.—Онъ сытъ, какъ Юрьева гора,—говорятъ нерехонцы про богатаго мужика. — Святый Юрій коровъ запасаетъ, а Никола коней, —говорятъ бѣлоруссы. — Егорій съ полувозомъ, а Никола съ цѣлымъ возомъ. Въ Чухломскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ говорятъ: въ поле стадо сгонять и Егорья окликать».

Въ день святого Георгія выгоняютъ скотъ на траву вербою, оставленной отъ Вербной недѣли. Рано утромъ служатъ молебны на студенцахъ, рѣкахъ, или лугахъ отъ всего міра, и послѣ благословенія отъ священника, провожаютъ всею деревнею скотину въ поле. Здѣсь угощаютъ пастуховъ сытною мірскою яишницею, надѣляютъ холстомъ и деньгами. На этомъ праздникѣ пастуховъ веселятся всѣ поселяне.

Въ Тульской губерніи выходятъ на засѣянныя поля служить молебны съ водоосвященіемъ, окропляютъ нивы св. водой. Послѣ сего мужчины и женщины катаются по полямъ, въ надеждѣ быть сильными и здоровыми, какъ Юрьева роса. Въ Курскѣ, на Юрьевъ день бываетъ ярмарка, гдѣ продаютъ деревянныя, глиняныя коровки. Въ Муромскомъ уѣздѣ бывали прежде крестные ходы вокругъ пашенъ; а въ другихъ мѣстахъ вокругъ селъ и всѣхъ полей. Въ Малоруссіи 23 апрѣля бываетъ крестный ходъ на жито. Вятчане, въ память ихъ предковъ, хлыновцовъ, одержавшихъ побѣду надъ чудью и вотяками, на Юрьевъ день, изъ села Волкова приносили въ Вятку образъ св. Георгія вмѣстѣ съ желѣзными стрѣлами.

На Юрьевъ день начинаются сельскія гулянья. Въ Шен-

курскѣ и Вельскомъ округѣ разыгрываются вечерніе хороводы. Въ Солигаличѣ и Буѣ выходятъ поселяне ночью пѣть пѣсни, которыя всегда оканчиваются припѣвами о сохраненіи стадъ. Смоленскіе жители выходятъ за городъ освѣжаться на горахъ, и гуляютъ до поздней зари.

Между знахарками и колдуньями есть тайное преданіе, что ранняя юрьевская роса бываетъ чрезвычайно вредна для животныхъ. Для этого самаго онѣ выходятъ на поле сбирать росу. Сборъ росы производятъ напитываніемъ холстины въ утренней росѣ. По ихъ примѣтамъ, юрьевская роса сушитъ рогатый скотъ, у коровъ отнимаетъ молоко, телятъ ослѣпляетъ. Стоитъ только этой холстиной покрыть рогатый скотъ, и тогда всѣ бѣды польются на нихъ рѣкой. Одно только можетъ не вредить скотинѣ, если поселяне выгоняютъ ее на Юрьевъ день вербой.

Съ Юрьева дня поселяне начинаютъ производить всѣ торговыя сдѣлки, назначаютъ сроки. Работники, по старому обычаю, нанимаются: «съ весенняго Юрья по Семенъ день, или по Покровъ». Торговцы говорятъ: «выставь къ Юрьеву дню—доспѣю къ Юрьеву дню». Для нихъ этотъ день служитъ указаніемъ событій: «а это было до Юрьева дня — кажись, случилось на Юрьевъ день».

Нашъ народъ сохранилъ древнее сказаніе о Георгіи Храбромъ — искоренителѣ басурманства и поборникѣ свѣтлой Руси. Приводимъ здѣсь это сказаніе.

Во святой землѣ, православной,
Нарожается желанное дѣтище
У тоя ли премудрыя Софіи;
И нарекаетъ она по имени
Свое то дѣтище Георгій,
По прозваньицу Храброй.

Возростаетъ Георгій Храброй
Промежъ трехъ родныхъ сестеръ,
Отъ добра дѣла не отходючи,
Святымъ словомъ огрожаючи,
Міру крещеному угожаючи.
Какъ и сталъ онъ, Георгій Храброй,
Во матеръ возрастъ приходити,
Умъ-разумъ сознавати,
И училъ онъ во тѣ поры
Думу крѣпкую оповѣдати
Своей родимой матушкѣ,
А и ей ли, премудрой Софіи:
„Соизволь, родимая матушка,
Осударыня, премудрая Софія,
Ѣхать мнѣ ко землѣ свѣтло-Русской
Утверждать вѣры христіанскія“.
И даетъ ему родимая матушка,
Она ли, осударыня премудрая Софія,
Свое благословеніе великое:
Ѣхать ко той землѣ свѣтло-Русской,
Утверждать вѣры христіанскія.
Ѣдетъ онъ, Георгій Храброй,
Ко той землѣ свѣтло-Русской,
Отъ востока до запада поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бесерменскую вѣру побѣждаючи.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
На тѣ лѣса, на темные,
На тѣ лѣса, на дремучіе;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя Храброму туто подумати.
И Георгій Храброй проглаголуетъ:
„Ой вы, лѣса, лѣса темные!
Ой вы, лѣса, лѣса дремучіе!
Зароститеся, лѣса темные,
По всей землѣ свѣтло-Русской,

Раскиньтеся, лѣса дремучіе,
По крутымъ горамъ, по высокіимъ,
По Божьему все велѣнью,
По Георгіеву все моленію,
По его слову, Георгіеву,
По его ли, Храброго, моленью!"
Заростали лѣса темные
По святой землѣ свѣтло-Русской,
Раскидалися лѣса дремучіе
По крутымъ горамъ, по высокіимъ.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй
На тѣ горы, на высоікя,
На тѣ холмы на широкіе;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, Храброй, туто proторити;
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя Храброму туто подумати.
И Георгій Храброй проглаголуетъ:
„Ой вы, горы, горы высокія!
Ой вы, холмы, холмы широкіе!
Разсыптеся, горы высокія,
По всей землѣ свѣтло-Русской,
Становитесь, холмы широкіе,
По степямъ, полямъ зеленымъ,
По Божьему все велѣнію,
По Георгіеву все моленію!"
По его ли слову, Георгіеву,
По его ли, Храброго, моленію,
Разсыпалися горы высокія
По всей землѣ свѣтло-Русской,
Становилися холмы широкіе
По степямъ, полямъ зеленымъ.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
На тѣ моря, на глубокія,
На тѣ рѣки, на широкія;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, Храброй, туто протори́ти:
Нельзя Георгію туто проѣхати,

Нельзя храброму туто подумати.
И Георгій Храброй проглаголуетъ:
„Ой вы, моря, моря глубокія!
Ой вы, рѣки, рѣки широкія!
Потеките, моря глубокія,
По всей землѣ свѣтло-Русской,
Побѣгите, рѣки широкія,
Отъ востока да и до запада,
По Божьему все велѣнію,
По Георгіеву все моленію!“
По его ли слову, Георгіеву,
По его ли, Храброго, моленію,
Протекали моря глубокія
По всей землѣ свѣтло-Русской,
Пробѣгали рѣки широкія
Отъ востока да и до запада.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
На тѣхъ звѣрей, на могучіихъ,
На тѣхъ звѣрей, на рогатыихъ;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити:
Нельзя Георгію туто проѣхати,
Нельзя Храброму туто подумати.
И Георгій Храброй проглаголуетъ:
Ой вы, звѣри, звѣри могучіе!
„Ой вы, звѣри, звѣри рогатые!
Заселитеся, звѣри могучіе,
По всей землѣ свѣтло-Русской,
Плодитеся, звѣри рогатые,
По степямъ, полямъ безъ числа,
По Божьему все велѣнію,
По Георгіеву все моленію!“
И онъ, Георгій Храброй, заповѣдуетъ
Всѣмъ звѣрямъ могучіимъ,
Всѣмъ звѣрямъ рогатыимъ:
„А и есть про васъ на съѣдомое —
Во поляхъ трава муравчата,
А и есть про васъ на пойлипо —

Во рѣкахъ вода студеная".
По его ли слову, Георгіеву,
По его ли, Храброго, моленію,
Заселялися звѣри могучіе
По всей землѣ свѣтло-Русской;
Плодились звѣри могучіе
По степямъ, полямъ безъ числа;
Они пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
Повелѣнное, заповѣданное
Отъ его, Георгія Храброго.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
На то стадо, на зміиное,
На то стадо, на лютое;
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити.
И стадо зміиное возговоритъ
Ко тому ли Георгію Храброму:
„А ли ты, Георгій, не вѣдаешь,
А ли ты, Храброй, не знаешь:
Что та земля словомъ заказана,
Словомъ заказана, заповѣдана.
По той землѣ, заповѣданной,
Пѣшъ человѣкъ не прохаживалъ,
На коню никто не проѣзживалъ.
Уйми ты, Георгій, своего коня ретиваго,
Воротися ты, Храброй, самъ назадъ".
Вынималъ Георгій саблю острую,
Нападалъ Храброй на стадо зміиное.
Ровно три дня и три ночи
Рубитъ, колетъ стадо зміиное;
А на третій день ко вечеру
Посѣкъ, порубилъ стадо лютое.
Наѣзжаетъ онъ, Георгій Храброй,
На ту земю свѣтло-Русскую,
На тѣ поля, рѣки широкія,
На тѣ высоки терема, златоверхіе.
Хочетъ онъ, Георгій, туто проѣхати,
Хочетъ онъ, Храброй, туто проторити.

Какъ и тутъ ли ему, Георгію,
Выходятъ на встрѣчу красны дѣвицы,
Какъ и тутъ ли ему, Храброму, проглаголуютъ:
„А и тебя ли мы, Георгій, дожидаючись,
Тридцать три года не вступаючи
Съ высока терема, златоверхаго,
А и тебя ли мы, Храброго, дожидаючись,
Держимъ на роду великъ обѣтъ:
Отдать землю свѣтло-Русскую,
Принять отъ тебя вѣру крещеную“.
Пріимаетъ онъ, Георгій Храброй,
Ту землю свѣтло-Русскую
Подъ свой великъ покровъ,
Утверждаетъ вѣру крещеную
По всей землѣ свѣтло-Русской.

Подобная легенда отыскана была Колляромъ и напечатана въ собраніи Чермно-Русскихъ пѣсенъ, въ которой воспѣвается побѣда надъ зміемъ и освобожденіе дѣвицы. Нѣмцы сохранили старинную рыцарскую пѣсню о сраженіи Бернскаго Дидриха съ дракономъ — Dieterichs Drachenkampf.

Въ Кологривскомъ уѣздѣ сохранилось Егорьевское окликанье:

Мы вокругъ поля ходили,
Егорія окликали,
Макарья величали.
Егорій ты нашъ Храбрый...
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго.

Благоговѣніе къ св. Георгію Побѣдоносцу принадлежитъ всѣмъ христіанамъ; но славянскій міръ болѣе всѣхъ ознаменовалъ себя. Сербы на Юрьевъ день купаются до восхожденія солнца и выгоняютъ скотину въ поле вербою. Они говорятъ: «нѣтъ лѣта безъ Юрьева дни». Сербянки въ своихъ пѣсняхъ поютъ: «о праздникъ св. Георгія, приди и найди меня замужемъ»! Булгары на Юрьевъ день закалаютъ агнца, безъ пролитія крови на землю. Этою кровью они мажутъ у дѣтей чело, ланиты и бороду. Барашка зажариваютъ при собраніи всѣхъ домашнихъ и родныхъ неженатыхъ мужчинъ. Послѣ совершенія молитвы священникомъ, начинается пиршество. Вечеромъ всѣ косточки барашка зарываютъ въ землю. Жареніе барашка совершаютъ сербы, боснійцы и герцеговинцы. Въ Галиціи отправляютъ на Юрьевъ день праздникъ пастуховъ съ конскими ристаніями и пѣснями.

Въ старину, у нашихъ отцовъ было преданіе, что въ Лукоморьѣ есть люди, которые 26-го ноября умираютъ, а 23-го апрѣля оживаютъ. Предъ смертью будто они сносили свои товары въ одно мѣсто, гдѣ зимою сосѣди могли ихъ брать за извѣстную цѣну, безъ всякаго обмана. Съ безсовѣстными покупателями они разсчитывались весною, при своемъ оживленіи. (Кар. Ист. Т. VII, стр. 233). Это преданіе, извѣстное еще Геродоту, вѣроятно, было занесено на Русь съ востока.

25. Примѣты.

Заботливые поселяне выходятъ утромъ въ поле и смотрятъ: если птицы летятъ на конопляное поле, то ожидаютъ хорошаго урожая конопли. Въ такомъ случаѣ они

бросаютъ по двору конопляное сѣмя для домашнихъ и залетныхъ птицъ.

Въ замосковныхъ селеніяхъ бывало прежде, что поселяне на этотъ день отправлялись ловить тенетами чижей. Въ Тулѣ, на оружейной сторонѣ, продолжается этотъ обычай и доселѣ. Онъ часто измѣнялся временемъ и появленіемъ самой весны; но старики всегда были неизмѣнны ему, не смотря ни на какую погоду.

28. Примѣты.

Больныхъ, страждущихъ весенними лихорадками, въ Тульской губерніи начинали поить съ этого дня березовымъ сокомъ. Предъ этимъ временемъ всегда ихъ купали въ дождевой водѣ, а другіе вытирали сбереженымъ мартовскимъ снѣгомъ. День ясный и теплый всегда предвѣщалъ больнымъ здоровье. Въ туманные и холодные дни никто не прибѣгалъ къ этому средству. Суевѣрныя старушки и здѣсь находили себѣ дѣло: съ обѣтными ладонками выходили на перекрестки и дожидались попутнаго, теплаго вѣтра съ юга. По ихъ понятію, вѣтеръ южный приносилъ съ собою здоровье и поселялся въ обѣтную ладонку, которую послѣ надѣвали на больного. Увѣренность въ средство и простая жизнь были лучшими цѣлителями ихъ болѣзней.

30. Наблюденія.

Въ замосковныхъ селеніяхъ въ этотъ день замѣчали: если вечеромъ взойдутъ звѣзды и подуетъ съ юга теплый вѣтеръ, то оставались съ полною увѣренностью, что лѣто будетъ грозное и теплое, плодородіе изобильное. Старики всегда ручаются за эту примѣту.

Въ Тулѣ было преданіе, что на этотъ день никогда не должно выѣзжать въ дальній путь, не искупавшись напередъ въ водѣ изъ мартовскаго снѣга. Старушки увѣряли, что съ этого дня будто въ чужихъ сторонахъ начинаютъ бродить тощія, замореныя, весеннія болѣзни, и что безъ мартовской воды будто заѣзжему нѣтъ отъ нихъ спасенія. По ихъ понятіямъ, весеннія болѣзни на зиму запираются въ снѣжныя горы, гдѣ сидятъ всю зиму до оттепелей. Когда солнце отогрѣетъ землю, растаетъ снѣгъ, тогда весеннія болѣзни разбѣгаются по бѣлому свѣту и нападаютъ на неосторожныхъ. Одинъ только мартовскій снѣгъ будто спасаетъ отъ ихъ нападеній.

Наши чадолюбивые старики съ этого дня прекращали всякое сватовство. По ихъ понятіямъ, наступающій май мѣсяцъ очень невыгоденъ бываетъ для новобрачныхъ. Всякое предложеніе о сватовствѣ считалось дѣломъ обиднымъ и даже зазорнымъ. Худая бы молва пронеслась о томъ семействѣ, когда прослышатъ сосѣди, что есть люди, помышляющіе въ это время о свадьбѣ. Въ старину строго держались этой примѣты.

Въ селеніяхъ Рязанской губерніи наблюдали въ этотъ день восходъ солнца. Если оно восходило на чистомъ, ясномъ небѣ, то ожидали, что все лѣто будетъ ясное и ведреное.

Май мѣсяцъ.

Слово: май, или маій — не-русское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки называли его: травень, травный; чехи и словаки: кветень или цвѣ-

тень; кроаты: розоцвѣтъ, litрознякъ, великъ травенъ, шебой или швибанъ; сербы: рожелони, майскій; карніольцы: великъ травенъ, венды: майникъ, пятникъ, желтопушникъ, цвѣтичнекъ; иллирійцы: швибанъ, швибаный. Въ старой русской жизни май считался третьимъ пролѣтнимъ мѣсяцемъ; а когда годъ считали наши отцы съ сентября, онъ былъ тогда девятымъ. Съ 1700 года, по счету, онъ приходится уже пятымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ маѣ мѣсяцѣ.

Въ маѣ добрые люди не женятся. — Радъ бы жениться, да май не велитъ.—Кто въ маѣ женится, тотъ будетъ вѣкъ маяться.—Захотѣлъ ты въ маѣ добра. — Живи, веселись, да каково-то будетъ въ маѣ. — Нашъ пономарь понадѣялся на май, и безъ коровы сталъ.—Коли мартъ сухъ, да мокоръ май, такъ будетъ каша и каравай.—Майская трава и голоднаго кормитъ. — Сѣй и холь яровое въ маѣ, такъ будетъ зимой добро.—Понадѣялся на май, да на сладимой вѣтерокъ, вотъ тебѣ и хлѣбецъ.—Даромъ, что соловей птица малая, а знаетъ когда май.— Захотѣлъ ты у мужика да въ маѣ перепутья.—Ай, ай, осударь май, тепелъ да холоденъ.

1. Посѣвы.— Гулянья.

Майское гулянье заведено жителями въ позднее время; наши поселяне не знаютъ и не вѣдаютъ объ немъ. Этотъ западный праздникъ переселился въ наши загородныя

рощи и раскатывается только въ экипажахъ со всѣми заморскими причудами. Русскіе любятъ гулять пѣшкомъ, безъ всякихъ затѣй, въ кругу своего семейства. Московское майское гулянье отправляется въ Сокольницкой рощѣ, гдѣ прежде наши цари потѣшались охотами звѣриною и соколиною. Простой народъ сокольницкое гулянье называетъ нѣмецкими станами. Есть преданіе, что здѣсь когда-то были поселены заѣзжіе нѣмцы, и что этотъ праздникъ выдумали они на поминъ своей землѣ. Въ Петербургѣ первое майское гулянье отправляется въ Екатерингофѣ и заведено съ недавнихъ временъ. Наши старые, школьные майскіе праздники перешли къ намъ изъ Польши и Литвы. Тамошніе maiowki, reckreacie maiowe поселились въ прежней Кіевской академіи и оттуда распространились по духовнымъ и свѣтскимъ училищамъ въ XVIII столѣтіи. Въ рекреаціонный день, т. е. перваго мая, въ Кіевѣ выходили на гору Скавыку, при урочищѣ Глубочица. Здѣсь ученики меньшаго возраста забавлялись играми, студенты пѣли канты, разыгрывали комедіи и произносили діалоги. Комедіи для рекреаціоннаго дня сочиняли учители поэзіи, а діалоги писали учители философіи и риторики. Здѣсь былъ зародышъ нашего театра.

Наши поселяне съ первой майской росы выходятъ на посѣвы. Тогда они говорятъ: подымай сѣтево—лукошко съ сѣменами. Въ старину они прихаживали въ церковь, служивали молебны св. пророку Іереміи и потомъ выходили въ посѣвъ. Вступая въ поле, засѣвальщики молятся на всѣ три стороны, кромѣ сѣверной, бросаютъ на каждую сторону по горсти жита, съ низкими поклонами, и потомъ уже засѣваютъ.

Наблюдательные старики, по своимъ замѣчаніямъ, увѣ-

ряютъ: если этотъ день будетъ погожій, то все время для хлѣбной уборки будетъ хорошее. При худой погодѣ говорятъ они: «всю зиму будемъ маяться».

Воспоминая объ этомъ днѣ, они обыкновенно говорятъ: «посѣвъ-то былъ на Іеремію запрягальника». Опытные наши поселяне иначе не сѣвали хлѣбъ, какъ при теплой погодѣ, клали обѣ руки на землю и замѣчали, что если земля тепла, то уже нѣтъ никакой опасности для посѣва. По ихъ замѣчаніямъ, холодная земля сама сказывается, что она въ глубинѣ еще не оттаяла, и что будущій ростъ легко уничтожится въ самомъ зародышѣ. Знатоки увѣряютъ, что это замѣчаніе никогда не обманывало наблюдателей. Посѣвъ съ перваго мая не вездѣ принятъ поселянами. Въ Вологодской губерніи начинаютъ его съ Юрьева дня; въ другихъ мѣстахъ, костромичи и владимірцы, за три дни до пророка Іереміи. Двухнедѣльный посѣвъ есть общій въ цѣлой Россіи. Объ немъ говорятъ старики: «сѣй недѣлю послѣ Егорья, да другую сѣй послѣ Іеремія».

О посѣвѣ овса и другого ярового хлѣба поселяне сохранили свои наблюденія въ поговоркахъ: Раннее яровое сѣй, когда вода сольетъ, а позднее, когда цвѣтъ калины будетъ въ кругу. — Лягушка квачетъ, овесъ скачетъ. — Когда на дорогѣ грязь, тогда овесъ князь.—Овесъ сквозь лапоть проростаетъ. — Яровой хлѣбъ сѣй съ одышкой и поглядкой.—Рожь говоритъ: сѣй меня въ золу, да въ пору; а овесъ говоритъ: топчи меня въ грязь, а я буду князь. — Сѣй овесъ хоть въ воду, да въ пору.

2. Примѣты.

Наши поселяне говорятъ, что съ этого дня начинаютъ пѣть соловьи. Въ Перехтѣ 2 мая называютъ соловьиный день. Тульскіе оружейники въ старину отправлялись въ этотъ день на соловьиную охоту въ Носильскіе и Курскіе лѣса, съ надеждою поймать бѣлаго соловья. Странствіе ихъ по лѣсамъ обыкновенно продолжалось по мѣсяцу и оканчивалось путешествіемъ въ Москву для продажи наловленныхъ птицъ.

5. Разсадницы.

Въ замосковныхъ селеніяхъ въ этотъ день начинаютъ разсаживать по грядамъ разсаду. Предпріимчивыя старушки съ вечера еще выносятъ на гряды горшокъ, кладутъ въ него крапиву съ корнемъ и ставятъ вверхъ дномъ на средовую гряду. При сажаніи разсады приговариваютъ: «не будь голенаста, а будь пузаста; не будь пустая, а будь тугая; не будь красна, а будь вкусна; не будь стара, а будь молода; не будь мала, а будь велика».

6. Горошники.

Съ этого дня поселяне начинаютъ сѣять горохъ. Этотъ день слыветъ у нихъ подъ именемъ Горошника; а въ другихъ мѣстахъ говорятъ: «приходи работать на бѣлые горохи».

Въ Тульской губерніи сѣяніе гороха сопровождалось особеннымъ приговоромъ: «сѣю, сѣю бѣлъ горохъ; уродися, мой горохъ, и крупенъ, и бѣлъ, и самъ тридесятъ, старымъ бабамъ на потѣху, молодымъ ребятамъ на веселье».

Огородники въ этотъ день замѣчаютъ росу: если будетъ большая роса, то ожидаютъ большого рода огурцамъ. Этотъ день извѣстенъ у нихъ подъ именемъ Росенника.

8. Посѣвъ.

Въ степныхъ мѣстахъ съ этого дня начинаются ранніе посѣвы пшеницы, а въ Костромской губерніи еще только оканчиваютъ паханіемъ подъ пшеницу. Зажиточные поселяне на этотъ день пекли обѣтные пироги и угощали ими бѣдныхъ сосѣдей и прохожихъ людей. Старики для встрѣчи прохожаго человѣка выхаживали на большія дороги и перекрестки. Худая примѣта западала на сердце старика, когда онъ возвращался назадъ съ пирогомъ; съ отчаяніемъ встрѣчали его всѣ домочадцы. До обѣтнаго пирога никто не касался: его отдавали птицамъ на съѣденіе. Замѣчательны и слова тоскующаго старика надъ обѣтнымъ пирогомъ: «прогнѣвилъ я Господа Создателя при старости лѣтъ; не послалъ мнѣ добраго человѣка раздѣлить хлѣбъ трудовой; не въ угоду Его святой милости было накормить мнѣ горемычнаго, при истомѣ усладить мнѣ стараго старика въ безвременьицѣ. А и какъ-то будетъ мнѣ на міръ Божій глядѣть, на добрыхъ людей смотрѣть! А и какъ-то мнѣ будетъ за хлѣбъ приниматься!» Такъ крѣпко блюлись завѣтные обычаи нашей родной старины.

9. Примѣты.

Наши наблюдательные поселяне сохранили свои примѣты объ этомъ днѣ въ поговоркахъ: «Никола осенній лошадь на дворъ загонитъ, а Никола весенній лошадь откормитъ.—Егорій съ ношей, а Никола съ возомъ.—Никола

вешній съ тепломъ.—До Николы крѣпись, а съ Николы живи, не тужи.—Прошелъ бы Николинъ день, а то будетъ тепло.—Городи городьбу послѣ Николина дня.—Не хвались на Юрьевъ день посѣвомъ, а хвались на Николинъ травой.—Велика милость мужику на Николинъ день, когда поле польетъ дождичкомъ».

Въ замосковныхъ селеніяхъ съ этого дня выгоняютъ лошадей на ночнину. Для этого вечера изъ каждаго семейства снаряжаются холостые ребята и всѣмъ селомъ провожаютъ ихъ до поля. Для этого дня пекутся пироги съ грешневой кашей. Ребята всю ночь проводятъ въ играхъ. Въ бѣлорусскихъ селеніяхъ бываетъ на этотъ день праздникъ конюховъ. Конюхи съ подарками и пирогами, послѣ угощеній, ѣдутъ на ночлегъ съ лошадьми и цѣлую ночь проводятъ въ гуляніи.

10. Посѣвъ.

Въ селеніяхъ Смоленской и бѣлорусскихъ губерніяхъ сѣятъ на этотъ день пшеницу. Тамошніе поселяне говорятъ: «кто сѣетъ пшеницу на день св. Симона Зилота, у того родится пшеница аки золото».

11. Замѣчанія.

Въ селеніяхъ Костромской губерніи замѣчаютъ, если этотъ день будетъ мокрый, то и все лѣто будетъ мокрое. Въ Тульской губерніи, по замѣчаніямъ поселянъ, случившіеся въ этотъ день туманы означаютъ также сырое лѣто. Тамъ же замѣчаютъ: если солнце восходитъ въ этотъ день на красномъ небѣ, то ожидаютъ лѣта грознаго и пожарнаго.

13. Комарницы.

Въ Рязанской губерніи въ этотъ день, говорятъ поселяне, появляются комары вмѣстѣ съ теплымъ вѣтромъ. Этотъ день у нихъ извѣстенъ подъ именемъ комарницы. Наши поселяне думаютъ, что комары предъ осенью уносятся вѣтрами на теплыя моря и весною опять приносятся на Русь, гдѣ всего урожается вдоволь на всѣ души.

Въ Москвѣ на этотъ день, въ старину, было гулянье на Дѣвичьемъ полѣ.

14. Прилетаніе птицъ.

Въ Тульской и другихъ смежныхъ губерніяхъ утверждаютъ поселяне, что на этотъ день прилетаютъ изъ-за теплыхъ морей стрижи и касаточки, а съ ними приносится тепло.

Въ селеніяхъ: Московской, Ярославской и Костромской губерній полагаютъ, что съ этого дня прекращаются сѣверные вѣтры. Тамъ говорятъ: «на день св. Исидора отойдутъ всѣ сиверы», или: «какъ пройдетъ Исидоровъ день, такъ пройдутъ и сиверы».

18. Примѣты.

По медленному развертыванію дубовыхъ листовъ въ Тульской губерніи замѣчаютъ о будущемъ урожаѣ ярового хлѣба. Тамъ говорятъ: «сѣй овесъ, когда дубъ развернется въ заячье ухо.—На дубу листъ въ пятакъ, быть яровому такъ.—Коли на день св. Ѳедота на дубу макушка съ опушкой, будешь мѣрять овесъ кадушкой.—Не сѣй пшеницу прежде дубоваго листа». Поселяне на этотъ день,

увидѣвши совершенно развернутый дубъ, предполагаютъ, что земля принялась за свой родъ.

20. Огуречники.

Въ Рязанской губерніи на день св. Филиппа начинаютъ садить огурцы. Тамъ эти дни извѣстны подъ именемъ огуречниковъ.

21. Посѣвъ льна.

На день св. Елены поселяне начинаютъ сѣять ленъ. Этотъ день они называютъ: длинные льны. Въ надеждѣ на хорошій урожай льна, старушки съ каждой бабы сбираютъ по парѣ печеныхъ куриныхъ яицъ и кладутъ ихъ тихонько въ мѣшокъ съ сѣменами. Мужикъ-сѣяльщикъ, хотя бы и зналъ объ этомъ заранѣе, но долженъ молчать— иначе ему не будетъ житья отъ бабъ, и на все село прослыветъ озорникомъ. Выѣзжая на поле, онъ прежде всего принимается за завтракъ, и домой привозитъ одни только скорлупки.

Въ Костромской губерніи поселяне говорятъ: «ленъ съ ярью не ладитъ». Потому-то самому они никогда на льнищахъ не сѣютъ яроваго хлѣба, будто другое ничто не родится на нихъ.

23. Примѣты.

Въ Тульской губерніи на день св. Леонтія садятъ огурцы. Тамъ наблюдаютъ, чтобы первую посадку никто не видалъ, и потому всегда скрываютъ первую гряду и первый выросшій огурецъ. Этотъ первенецъ тутъ же зарывается. Огородники думаютъ, что по его только милости могутъ рости огурцы. Вѣтви желтыя, поблекшія на грядахъ счи-

таютъ зазозрѣнными отъ посторонняго глаза, подсмотрѣвшаго на росту первый огурецъ.

25. Примѣты.

Поселяне замѣчаютъ, что съ этого дня будто появляются худыя, вредныя росы. Заболитъ ли скотина, и они говорятъ: «вѣрно напали на мѣдяную росу». Заблекнутъ ли на сухомъ деревѣ листья, считаютъ, что завелась мѣдяная роса. Заболитъ ли ребенокъ, думаютъ навѣрное, что онъ бѣгалъ по мѣдяной росѣ. Отъ мѣдяной росы не скоро избавляется больной: надобно знахаря, да знахаря. Въ этотъ день замѣчаютъ рябину. Если на ней бываетъ много цвѣтовъ, то полагаютъ, что будетъ хорошій урожай овса. При маломъ цвѣтѣ, говорятъ: «знать рябину на цвѣту, что идетъ къ мату».

29. Колосяницы.

По замѣчанію поселянъ, на день св. Ѳеодосіи начинаетъ рожь колоситься. Отъ этого самаго и сей день у нихъ извѣстенъ подъ именемъ колосяницы. Старики поселяне говорятъ: рожь двѣ недѣли зеленится, двѣ недѣли колосится, двѣ недѣли отцвѣтаетъ, двѣ недѣли наливаетъ, двѣ недѣли подсыхаетъ. Въ Архангельской губерніи говорятъ: «хлѣбъ поспѣваетъ изъ закрома въ закромъ въ восемь недѣль».

Съ этого дня начинаютъ скотину кормить печеными сочнями и хлѣбными баранками, съ надеждою, чтобы она болѣе плодилась.

30. Примѣты.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи замѣчаютъ, что съ этого дня будто бродятъ змѣи по лѣсамъ станицами и что ихъ тогда убивать очень опасно. Поселяне думаютъ, что змѣи тогда идутъ поѣздомъ на свои свадьбы и что каждому встрѣчному готовы мстить безъ милосердія, и что отъ укушенія змѣи въ этотъ день ни одинъ колдунъ не можетъ заговорить.

На этотъ день начинаютъ садить бобы. Дальновидныя старушки иначе не приступаютъ къ сажанію бобовъ, какъ напередъ не вымочивши ихъ въ озимой водѣ. Озимую воду для этого собираютъ въ лѣсныхъ оврагахъ, гдѣ долго лежитъ снѣгъ. При сажаніи бобовъ, онѣ приговариваютъ: «уродитесь, бобы, и крупны и велики, на всѣ доли, на старыхъ и малыхъ, на весь міръ крещеный».

Мѣсяцъ іюнь.

Слово іюнь, или іуній — нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя, славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки называли его: изокъ, поляки: червецъ, чехи и словаки: червень, иллирійцы: липань, кроаты: розенцвѣтъ, иванчакъ, клисень, сорабы: смазникъ, розовой, карніольцы: розенцвѣтъ, кресникъ, венды: шестникъ, прашникъ, кресникъ. Въ старой русской жизни мѣсяцъ іюнь былъ четвертымъ. Когда годъ начинали считать съ сентября, онъ былъ десятымъ; а съ 1700 года онъ приходится, по счету, шестымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ іюнѣ мѣсяцѣ.

1. Примѣты.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи замѣчаютъ старики восходъ солнца. Если солнце восходитъ на чистомъ небѣ, ясно освѣщаетъ поля, то полагаютъ, что будетъ хорошій наливъ ржи. По дождливому и мрачному дню старушки угадываютъ о добромъ урожаѣ льна и конопель.

3. Наблюденія.

Въ Владимірской, Ярославской и Тверской губерніяхъ поселяне наблюдаютъ теченіе вѣтровъ: вѣтеръ московскій, или южный приноситъ съ собою скорый ростъ яровымъ хлѣбамъ; вѣтеръ сѣверо-западный предвѣщаетъ сырую погоду и приноситъ болѣзни; вѣтеръ восточный, по ихъ замѣчаніямъ, всегда уже влечетъ за собою наносныя болѣзни.

Въ Тульской губерніи поселяне болѣе всего опасаются сѣверо-восточнаго вѣтра, который, будто бы, приноситъ съ собою безпрерывные дожди, вредные при наливаніи ржи.

8. Наблюденія.

Громъ и молнія, появляющіеся съ этого дня, по замѣчанію поселянъ Тульской губерніи, предвѣщаютъ худую уборку сѣна. Старушки съ этого дня наблюдаютъ восходъ льна и конопель по утреннимъ росамъ. Онѣ замѣчаютъ, что если утренниками появляются большія росы, хотя бы лѣто было и сухое, урожай будетъ хорошій и выгодный для сбыта.

Колодезники, особенный классъ народа на Руси, выво-

дящіе начало своего искусства изъ Вологодской и Пермской губерніи, считаютъ сей день важнымъ въ своихъ работахъ. Съ вечера подъ этотъ день, они кладутъ сковороды на мѣста, назначенныя для колодезей. На другое утро, при солнечномъ восходѣ, они снимаютъ ихъ и, по отпотѣвшей сковородѣ, выводятъ свои наблюденія: сковорода, покрытая водяными струями, указываетъ на обильныя водяныя жилы; сковорода, слегка отпотѣвшая, обѣщаетъ маловодный колодезь; сковорода, совершенно сухая, ничего не обѣщаетъ хорошаго; сковорода, облитая дождемъ, предвѣщаетъ всѣ невыгоды ихъ лѣтнихъ занятій.

10. Повѣрья.

По замѣчаніямъ поселянъ, будто къ голодному году на этотъ день бываютъ разныя знаменія: то по гумнамъ бѣгаютъ вереницами мыши, что никакой глазъ сосчитать ихъ не можетъ; то по полямъ во все утро бродятъ голодные волки стадами, что ужасъ нападаетъ и на самаго безстрашнаго; то вороны стадами летятъ изъ-за лѣсовъ, что и свѣту Божьяго не видно; то будто самая земля стонетъ, и такъ жалобно, что у крѣпкаго мужика текутъ слезы отъ надсады; то будто яровой и озимый хлѣбъ играетъ отъ межи до межи, что православному человѣку и глядѣть страшно на такія ужасти; то будто весь скотъ ходитъ по полю избитымъ и изломаннымъ, что у мужика опускаются съ горя руки. Всего этого вдругъ будто въ одномъ мѣстѣ не бываетъ: одно знаменіе покажется въ одномъ мѣстѣ, другое въ другомъ. За то въ селахъ знаютъ все, что дѣлается въ другихъ мѣстахъ. Стоитъ только одному мужику съѣздить на базаръ, такъ ужъ къ вечеру

вѣрно будутъ знать въ десяти деревняхъ, что дѣлается и было добраго и худого у сосѣдей.

12. Примѣты.

Наблюдательные поселяне говорятъ, что на день св. Петра Аѳонскаго солнце укорачиваетъ свой ходъ, а мѣсяцъ на прибыль идетъ. Это будто происходитъ оттого, что солнце поворачивается на зиму, а лѣто на жары.

Огородники производятъ на этотъ день послѣдній посѣвъ огурцамъ и разсаживаютъ послѣднюю разсаду. Этотъ день у нихъ извѣстенъ подъ именемъ: запоздалаго капустника.

13. Гречишницы.

Въ степныхъ губерніяхъ поселяне начинаютъ сѣять гречиху, смотря по погодѣ. Обыкновенный срокъ сѣянія гречихи, по ихъ замѣчаніямъ, наступаетъ «или за недѣлю до Акулинъ, или спустя недѣлю послѣ Акулинъ». Наши поселяне сохранили о гречихѣ свои наблюденія въ поговоркахъ: гречиху сѣй, когда рожь хороша. — Или: не ровна гречиха, не ровна и земля: въ пную и возъ бросишь, да послѣ зерна не сберешь. — Или: холь гречиху до посѣва, да сохни до покоса. — Или: осударыня гречиха ходитъ бояриней, а какъ хватитъ морозу, веди на калѣчій дворъ. — Не вѣрь гречихѣ на цвѣту, а вѣрь закрому.

По старому русскому обычаю наши степные поселяне варили въ этотъ день мірскую кашу для нищей братіи. На такой радушный привѣтъ сходились нищіе и слѣпые со всѣхъ сторонъ. Послѣ небогатаго, но сытнаго стола,

нищія братія благодарила хозяевъ ласковымъ словомъ: «спасибо вамъ, хозяинъ съ хозяюшкой, со малыми дѣтками и со всѣмъ честнымъ родомъ — на хлѣбѣ, на соли, на богатой кашѣ! Уроди Боже вамъ, православнымъ, гречи безъ счету. Безъ хлѣба да и безъ каши ни во что и труды наши».

Наши слѣпцы изъ нищей братіи сохранили народную сказку о переселеніи гречи на Русь. Вотъ она:

«За синими морями, за крутыми горами, жилъ-былъ царь съ царицей. На старость послалъ имъ Господь на утѣху единое дѣтище, дочь, красоты несказанныя. Вотъ они, царь съ царицей, и думаютъ думу крѣпкую: какъ бы имъ назвать свое нарожденное дѣтище? И молвитъ царь: а кабы такъ назвать? А царица молвитъ: а и то-то имя есть у боярина. И молвитъ царь на инако? А царица молвитъ: а и то-то имя есть у княжича. И молвитъ царь: ну инъ такъ звать? А царица молвитъ: а и то-то имя есть у посадскаго.—Думали, думали и придумали: пошлемъ де посла на встрѣчнаго спрошать по имени и по изотчеству, и во то имя наречемъ нарожденное дѣтище. И ту свою думу крѣпкую оповѣдали князьямъ и боярамъ. И князья и бояре приговорили: быть дѣлу такъ! Снарядили посла.

«По слову царскому, по приговору боярскому идетъ посолъ искать встрѣчнаго, спрошать его по имени и по изотчеству, чѣмъ бы можно наречи нарожденную дочь у царя съ царицей. Сидитъ посолъ на перекресицѣ день, сидитъ и другой. На третій день ко вечеру идетъ на встрѣчу старая старуха во Кіевъ градъ Богу молитися. Вотъ и молвитъ ей посолъ думу царскую: «Богъ на помочь старъ человѣкъ! Скажи всю правду, не утай: какъ тебя звать по имени, да и какъ величать по изотчеству?» И молвитъ

въ отповѣдь ему старая старуха: осударь, ты мой бояринъ милостивой! Какъ народилась я волею Божьею на бѣлый свѣтъ, и туто де отецъ съ матерью нарекли меня: Крупеничкою, а какъ звали батюшку родимаго, то она во своемъ сиротствѣ не помнитъ. — И учалъ посолъ пытать старую старуху; «али ты, старая, изъ ума выжила, али на те, старую, дурь нашла — что не вѣсть, что говоришь? Да такого имя слухомъ не слыхать, видомъ не видать, какъ бѣлый свѣтъ стоитъ. Буде ты, старая, на правду не идешь, ино не ходить тебѣ на сырой землѣ. Спокайся и молви безъ утайки». И взмолилась старая старуха: осударь, ты мой бояринъ милостивой! Не вели казнить, вели слово вымолвить. Оповѣдала я тебѣ, боярину, всю правду со истиной, молвила все дѣло безъ утайки. А во всемъ во томъ кладу порукою всѣхъ святыхъ и угодниковъ. Умилосердись, осударь, ты мой бояринъ милостивой! Пусти душу на покаяніе, не дай во грѣхахъ умереть. И думаетъ бояринъ самъ съ собой: а и что? Никакъ старая правду молвила? А и что старую до пытки доводить? Быть дѣлу такъ, какъ молвила старая. Отпускалъ бояринъ старую старуху во Кіевъ градъ Богу молитися, а на отпускѣ надѣлялъ золотой казной, да и крѣпко наказывалъ: молитися за царя съ царицей, да и за ихъ нароженное дѣтище. Съ диву дивовалася старая, что съ нею содѣялось, а со того дива еле душа во тѣлѣ осталася.

«Идетъ посолъ ко князьямъ и боярамъ оповѣдати содѣянное. Входитъ онъ, посолъ, во палату боярскую, посередь пола становится, на всѣ стороны поклоняется, а самъ и молвитъ имъ, боярамъ, рѣчь посольскую: по слову царскому, по приговору боярскому, правилъ я посольство на перекресицѣ на встрѣчнаго, а на томъ посольствѣ было

дѣло такъ: сидѣлъ я на перекресицѣ три дня съ мѣста не сходючи, ни едину ночь не всыпаючи, а на третій день идетъ встрѣчная старая старуха, а ей-то молвилъ: скажи всю правду, не утай: какъ звать тебя по имени, да и какъ величать по изотчеству? И на ту рѣчь посольскую молвитъ въ отповѣдь старая старуха: какъ народилась она волею Божьею на бѣлый свѣтъ, и туто де отецъ съ матерью нарекли ее: Крупеничкой, а какъ звали ея батюшку родимаго, про то она, старая, во своемъ сиротствѣ, не помнитъ. И онъ де, посолъ, выслушавши такія рѣчи небывалыя, пыталъ старую старуху крѣпко-на-крѣпко, да и съ угрозою. И она де, старая, крѣпко стояла на своемъ словѣ: оповѣдала де всю правду со истиной, молвила де все дѣло безъ утайки. И онъ де, посолъ, принялъ тѣ рѣчи за правдивыя, отпустилъ старую старуху во Кіевъ градъ Богу помолитися, а на отпускѣ надѣлялъ золотой казной да и крѣпко наказывалъ: молитися за царя съ царицей, да за ихъ нарожденное дѣтище. А опослѣ того онъ, посолъ, клалъ на столъ статьи писанныя, что дѣялось во посольствѣ. Отъ тоя рѣчи посольскія всѣ князья и бояре съ диву дивовалися, что содѣялось. И приговорили бояре: оповѣдать царю все дѣло посольское, а на челобитьѣ поднесть статьи писанныя всему дѣлу посольскому.

«Идутъ князья и бояре во теремъ княженецкой со словомъ посольскимъ, со статьями писанными. Какъ взошли они, князья и бояре, во теремъ ко своему осударю царю, били челомъ, о сыру землю кланялись, а на челобитьицѣ молвили всю рѣчь и подносили статьи писанныя всему дѣлу посольскому. Слушаетъ осударь царь рѣчь посольскую, читаетъ статьи писанныя всему дѣлу посольскому,

да и возговоритъ опослѣй того: быть дѣлу тому такъ, какъ содѣялось.

«И нарекали царь съ царицей свое нароженное дѣтище, во имя встрѣчнаго, Крупеничкой. Выростаетъ та царская дочь Крупеничка не по днямъ, а по часамъ, спознаваетъ всякую мудрость книжную болѣй старыхъ стариковъ, а на возрастѣ печаловалась о старомъ и о маломъ. Вотъ и задумали царь съ царицей: кабы свое дѣтище замужъ отдать? И опосылаютъ пословъ во всѣ царства и государства, да и по всѣмъ королевствамъ искать себѣ зятя, а своему дѣтищу мужа.

«Не думано, не гадано подымалась золота орда бесерменская на его, осударя царя, войной воевать, его царство полономъ полонить, его слугъ вѣрныхъ сгубить. Выходилъ осударь царь на золоту орду бесерменскую войной воевать со всѣми князьями и боярами, со всѣмъ своимъ царствомъ, опричь бабъ и ребятъ и старыхъ стариковъ. На той войнѣ ему, осударю царю, не посчастливилось: положилъ онъ, осударь царь, свою голову со всѣми князьями и боярами, со всѣмъ своимъ воинствомъ. А и та золота орда бесерменская полонила полономъ всѣхъ бабъ и ребятъ, всѣхъ старыихъ стариковъ. А и того царства кабы не бывало.

«Доставалась та царская дочь Крупеничка злому татарину во полонъ. И онъ ли, злой татаринъ, нудилъ Крупеничку во свою вѣру бесерменскую. Я де тебя, Крупеничка, молвитъ онъ, собака, за то наряжу во нарядъ оксамитной, во монисто съ ожерельицемъ. Будешь ты, Крупеничка, молвитъ онъ, окаянной, ходить въ чистомъ золотѣ, будешь спать на хрустальчатой кроватушѣ, будешь ѣсть яства лебединыя, будешь пить питья медвяныя. Его-то

рѣчамъ бесерменскимъ она, Крупеничка, вѣры нейметъ; его-то словамъ окаяннымъ она, Крупеничка, и отповѣди не даетъ. А и думаетъ онъ, злой татаринъ: ай постой ты, Крупеничка, ай погоди ты, упрямая! А я те во работу отдамъ, а я те во неволю пошлю. И мучалъ онъ, окаянной, Крупеничку работою великою, неволею тяжкою ровно три года; а на четвертый годъ нудить сталъ во свою вѣру бесерменскую. И стояла она, Крупеничка, крѣпко на своей православной вѣрѣ.

«Во тѣ поры проходила старая старуха изъ Кіева черезъ золоту орду бесерменскую. Вотъ и видитъ она, старая, Крупеничку въ работѣ великой, во неволѣ тяжкой. И стало жаль ей, старой, Крупеничку. И оборачиваетъ она, старая, Крупеничку во гречневое зернышко и кладетъ то гречневое зернышко во свою калиту. Идетъ она, старая, путемъ, дорогой немалою на святую Русь. И въ тѣ поры возговоритъ ей Крупеничка: сослужила ты для меня службу немалую, спасла меня отъ работы великія и тяжкія; сослужи еще службу послѣднюю: какъ придешь на святую Русь, на широки поля, привольныя, схорони меня въ землю.—Старуха по сказанному, какъ по писанному, все сдѣлала, что заповѣдала ей Крупеничка. Какъ схоронила она, старуха, гречневое зернышко на святой землѣ русской, на широкомъ полѣ, привольномъ, и учало то зернышко въ ростъ идтить, и выросла изъ того зернышка греча о семидесяти семи зернахъ. Повѣяли вѣтры со всѣхъ со четырехъ сторонъ, разнесли тѣ семьдесять семь зернъ на семьдесять семь полей. Съ той поры, на святой Руси расплодилась греча. А то старина, а то и дѣянье добрымъ людямъ во услышанье».

Поселяне Нерехотскаго уѣзда день 13 іюня называютъ:

бызы. По ихъ замѣчаніямъ, въ этотъ день нападаютъ мухи на скотину, которая съ безпокойствомъ отмахивается отъ нихъ хвостомъ и бѣгаетъ взадъ и впередъ. Глядя на тревогу скотины, они говорятъ: «пошли бызы на скотину».

16. Примѣты.—Толока.

Поселяне думаютъ, съ этого дня начинаютъ затихать пѣвчія птицы, кромѣ соловья, который, будто, только поетъ до Петрова дня.

Въ бѣлорусскихъ селеніяхъ на этотъ день отправляется толока, пиръ для тружениковъ, собранныхъ на помочь унавоживать поля. Избранныхъ охотниковъ угощаютъ обѣдомъ, виномъ и брагою; пѣсни и игры оканчиваютъ пиршество толоки. Въ Вятской и Пермской губерніяхъ удобреніе полей начинается съ Петрова дня. Тамъ вмѣсто толоки весь сборъ рабочихъ называется помочи. Смоленскія толоки описалъ Кельхенъ въ своей Лифляндской исторіи и говоритъ, что слово толоки происходитъ отъ древняго эстскаго слова: Talek, означающаго работу за питье и кушанье. Русскія помочи заведены съ другою цѣлью — обезпечить бѣдныя семейства, и самыя увеселенія, отправляемыя рабочими, называются: въ назьмы играть.

20. Примѣты.

Съ этого дня перепелиные охотники наблюдаютъ примѣты объ удачномъ ловѣ. По ихъ замѣчаніямъ, если надъ озимымъ хлѣбомъ носится паутина, летаетъ мушкара, то здѣсь-то болѣе всего будутъ сбираться перепела. Каждый охотникъ старается для будущаго счастья непремѣнно въ этотъ день поймать хоть одну птичку. Другіе наблюдаютъ,

что тамъ, гдѣ болѣе слышно перепелинаго свиста, всегда менѣе можно ожидать успѣха. Охотники заранѣе пріучаются къ свистку и другимъ инструментамъ, завлекающимъ подражательнымъ звукомъ къ сбору перепеловъ. И у нихъ есть своя страсть: поймать совершенно бѣлаго перепела, предводителя птицъ своего рода, обѣщающаго всегдашній успѣхъ въ ловлѣ. Записные охотники странствуютъ во ржахъ по цѣлому мѣсяцу.

23. Купальницы. — Обряды.

Наши поселяне лупальницею называютъ особенную траву, извѣстную подъ именемъ: кошечьей дремы (trollius europaeus). Другіе это имя относятъ къ лютику (ranunculus). Этой травѣ приписываютъ разныя цѣлебныя дѣйствія. На Вагѣ и въ Вологодской губерніи сбираютъ утромъ траву купальницу, когда она бываетъ еще въ росѣ, и сохраняютъ въ стклянкахъ для леченія. Въ селахъ изъ этой травы взрослые дѣлаютъ вѣнки и парятся ими въ баняхъ. Дѣти изъ нея плетутъ вѣнки, колпаки, шапки и надѣваютъ ихъ на головы во время игръ.

На Руси изстари велось париться въ сей день, утреннею порою въ баняхъ, а днемъ купаться въ рѣкахъ, или прудахъ. Поселяне Рязанской губерніи этотъ день называютъ: лютые коренья. Смышленые старые люди, моясь въ банѣ, парились лютыми кореньями въ надеждѣ помолодѣть. Въ степныхъ селеніяхъ вмѣсто соломы набрасывали въ печь жгучей крапивы и на ней паривались. Все это дѣлалось для исцѣленія болѣзней. По выходѣ изъ бани, садились за столъ завтракать, гдѣ заранѣе становилась обѣтная каша. Больныхъ старухъ и хворыхъ людей

выносили въ баню на жгучей крапивѣ и паривали цѣлебными травами. Купанье въ рѣкахъ начиналось съ полдня и продолжалось до вечеренъ. Въ Переславлѣ-Залѣсскомъ купались въ озерѣ Клещинѣ съ пѣснями и играми. Тамъ, пока одни купались, другіе на берегу пѣли пѣсни. Въ Зарайскѣ выхаживали купаться на рѣку Осетръ, къ бѣлому колодцу. Здѣсь между купаньемъ происходили игры и пиршества. Въ Тулѣ прежде купанье дѣтей происходило въ прудѣ (нынѣ уничтоженномъ), на Ивановскомъ монастырѣ. Пожилыя старушки выходили съ дѣтьми умываться къ студенцамъ. Здѣсь онѣ, умывая дѣтей, бросали въ студенцы мѣдныя деньги, старыя сорочки или дарили нищей братіи, или сжигали въ лѣсу.

Купальницкая обѣтная каша отправлялась съ разными обрядами. Поселяне Нерехотскаго уѣзда предоставляли это дѣло краснымъ дѣвицамъ. Тамъ онѣ сбирались къ одной изъ своихъ подругъ съ вечера: толокчи въ ступѣ ячмень. Пѣснями и веселыми играми сопровождается толченіе ячменя. Рано утромъ варили изъ этого ячменя кашу, которую съѣдали во время полудень, съ масломъ. Послѣ полудника, вывозили изъ сарая передовой станокъ отъ телѣги, на улицу. Однѣ изъ нихъ садились на ось, другія, схватясь за оглобли, возили ихъ по селенію съ пѣснями, потомъ выѣзжали на поле, гдѣ, при появленіи вечерней росы, умывались для здоровья. Въ степныхъ селеніяхъ обѣтную кашу варили пожилыя женщины. Изъ разныхъ семействъ сносилась крупа, оставляемая для сего обряда отъ перваго рушенія. На эту кашу сзывались почетные старики и старушки послѣ баннаго мытья. Въ селеніяхъ Тульской губерніи въ старину извѣстна была еще мірская каша. Зажиточныя семейства варивали эту кашу

для нищей братіи. Увѣчные, безпріютные люди заранѣе приглашались въ баню и послѣ угощаемы были мірскою кашею. Многія семейства считали это дѣло за необходимую обязанность въ жизни. Усердные и сострадательные люди сами нашивали эту кашу по домамъ къ бѣднымъ больнымъ и по тюремнымъ заведеніямъ къ колодникамъ. Все это дѣлалось по обѣщанію, въ память какого нибудь избавленія отъ бѣдъ или болѣзней.

Во многихъ мѣстахъ имя Купальницы усвоивалось вмѣсто названій. Въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, бываемая въ этотъ день ярмарка, при Владимірской церкви, называется Купальницею. Другіе называли этимъ именемъ поляны, гдѣ они сбирали цѣлебныя травы. Иные называли самые студенцы купальницами.

Въ старину слѣпцы и нищая братія, послѣ баннаго мытья и угощенія мірскою кашею, воспѣвали стихеры про убогую вдовицу Купальницу.

«Какъ во старомъ городѣ, во Кіевѣ, какъ у богатаго князя-боярина, у Неупокоя Мироновича жила во сиротствѣ убогая вдовица Купальница. Какъ у того ли у князя боярина, у Неупокоя Мироновича, было всякаго богачества на всѣ доли убогія. Золотой казной одѣлялъ онъ, князь-бояринъ, храмы Божіи, чистымъ серебромъ питалъ убогое сиротство. Къ его ли столамъ бѣлодубовымъ, къ его ли скатертямъ бранымъ сходились калики перехожіе со всѣхъ сторонъ. Всего было у князя-боярина вдоволь, одного только — не было желаннаго дѣтища. Скорбитъ князь-бояринъ о своей бѣдѣ, не знаетъ, не вѣдаетъ въ своемъ гореваньицѣ ни малой утѣхи. А и во той скорби дожилъ онъ и до старости. Во едину нощь видитъ онъ, князь-бояринъ, чудный сонъ: а кабы за городомъ за Кіе-

вомъ, подалѣй перевѣсища, лежитъ никѣмъ не знаема убогая вдовица во хворости и болѣсти. А и тутъ ему, князю-бояриму, послышался голосъ невѣдомой: возьми ты, князь-бояринъ, тую убогую вдовицу къ себѣ во дворъ, пои и корми до исхода души. А и за то тебѣ будетъ во грѣхахъ отрада. Просыпается князь-бояринъ на утренней зарѣ, выходитъ за Кіевъ градъ, ко тому ли перевѣсищу, и видитъ онъ туто на яву убогую вдовицу во хворости и болѣсти. И спрошаетъ князь-бояринъ ту убогую вдовицу: а и скажи ты по правдѣ и по истинѣ, откуда родомъ ты, да и какъ тебя величать по имени и по изотчеству?—И молвитъ ему убогая вдовица: родомъ де я изъ Новагорода, а и зовутъ де меня Купальницей; а опричь того за старостію де своего роду и племени не помню.—И нудилъ онъ, князь-бояринъ, тую убогую вдовицу на житье къ себѣ во дворъ, а самъ возговоритъ: а и буду те поить, кормить до исхода души.—И въ отповѣдь молвитъ ему та убогая вдовица: спасибо те, князь-бояринъ дорогой, на ласковомъ словѣ, на великомъ жалованьѣ. А созови ты напередъ того нищую братію, всѣхъ каликъ перехожіихъ, да напой и накорми сытой медовой, кашей грешневой. Идетъ бояринъ къ себѣ во дворъ, опосылаетъ своихъ вѣрныхъ слугъ по всѣмъ дорогамъ и перепутьицамъ кликать кличъ на нищую братію, каликъ перехожіихъ. Сходилася нищая братія, всѣ калики перехожіе ко князю-боярину на широкъ дворъ. А и тутъ къ нему опослѣй всѣхъ приходила убогая вдовица Купальница, а садилась съ нищей братіей за столы бѣлодубовые, за скатерти браныя. И выходилъ туто къ нимъ князь-бояринъ дорогой, билъ челомъ всей нищей братіи, каликамъ перехожіимъ, поилъ, кормилъ ихъ сытой медовой, кашей грешневой. Со той поры поселилась у князя-боярина

во дворѣ убогая вдовица Купальница; съ той поры строилъ онъ кормы ежегодъ про всю нищую братію, про всѣхъ каликъ перехожіихъ; а на тѣхъ кормахъ была сыта медовая, да каша грешневая. И жила та убогая вдова Купальница у князя-бояриня во дворѣ до исхода души».

24. Ивановъ день. — Купало. — Обряды.

Народное празднество, отправляемое на Руси въ Ивановскую ночь, извѣстно во всемъ славянскомъ мірѣ. Отличительные обряды этого празднества составляютъ: зажженные костры, пѣсни, игры, перепрыгиваніе чрезъ огонь и крапивные кусты, купанье ночью въ росѣ, а днемъ въ рѣкахъ, пляски вокругъ дерева марины и погруженіе его въ воду, зарываніе травъ, повѣрье о полетѣ вѣдьмъ на Лысую гору. Купало и Купальскіе огни извѣстны болѣе въ Великой Россіи, Малоруссіи и Бѣлоруссіи. Новѣйшіе миѳографы включили Купало въ число славянскихъ божествъ; но его не было ни въ Кіевѣ, ни въ другихъ славянскихъ земляхъ. Объ немъ не говорятъ ни Несторъ, ни другіе писатели; это слово извѣстно въ нашихъ письменныхъ памятникахъ съ XVII столѣтія.

Русское Ивановское празднество извѣстно у чеховъ, сербовъ, моравовъ, карпато-россовъ, болгаръ и поляковъ. Тамъ Ивановская ночь извѣстна подъ именемъ Соботокъ. Самое величественное торжество этого дня совершается славянами въ Силезіи и чехами. Тамъ ивановскіе огни горятъ на Карпатскихъ горахъ, Судетахъ и Корнопошахъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ. Гулевой народъ опоясывается перевязями изъ цвѣтовъ, на головы надѣваютъ вѣнки изъ травъ, составляютъ хоро-

воды, поютъ пѣсни, старики добываютъ изъ деревъ живой огонь. Послѣ перепрыгиванія чрезъ костры огней, купаются въ росѣ. Поляки, по описанію Кохановскаго, отправляли этотъ день въ черномъ лѣсу въ Сендомирскомъ воеводствѣ. Въ пѣснѣ купальской они поютъ тамъ, что это празднество передали имъ матери:

Takto matki nam podaly,
Same takze z drugich mialy
Ze na dzien Swietego Iana
Zawzdy Sobotka palana.

Голембовскій говоритъ, что польскіе поселяне, опоясанные чернобыльникомъ, цѣлую ночь прыгаютъ около огней. Ивановскія празднества въ Краковѣ отправлялись на Креміонкахъ, въ Варшавѣ на берегу Вислы и на островѣ Саксонскомъ. Огіеръ, путешествовавшій по Польшѣ въ 1635 г., говоритъ, что огни изжигались на площадяхъ, около лѣсовъ и въ разныхъ окрестностяхъ, въ дома сносились цвѣты, травы. Ивановскій огонь назывался тогда у нихъ: kresz. Польскій писатель Мартинъ свидѣтельствуетъ объ участіи поляковъ XVI вѣка въ этомъ торжествѣ: «съ вечера Иванова дня женщины зажигали огни, плясали кругомъ ихъ, пѣли пѣсни, воздавая честь и мольбы демону. Сего языческаго обычая доселѣ не оставляютъ въ Польшѣ, приносятъ жертвы изъ травы чернобыльника, зажигаютъ костры огнемъ, полученнымъ чрезъ треніе дерева объ дерево». Сербы думаютъ, что Иванъ денъ столь великъ, что для него солнце на небѣ трижды останавливается. У Вука Стефановича находимъ сербскія Ивановскія пѣсни: «Иваньско цвѣдье, Петровско» и проч. Литовцо-руссы называютъ Ивановское празднество — праздникомъ росы. Съ вечера, подъ Ивановскую ночь они собираются на избран-

номъ мѣстѣ, на полянѣ ставятъ шалаши, разводятъ огни, поютъ пѣсни, пляшутъ съ факелами и перескàкиваютъ чрезъ огонь. Рано утромъ отправляются въ лѣсъ—на росу. Утренніе сборы называются у нихъ стадомъ, а пляска коркодономъ. Утромъ собирались травы для врачеванія и чарованія. Литовцо-руссы вѣрятъ и въ папортниковъ цвѣтъ.

Въ письменныхъ памятникахъ великорусскіе ивановскіе обряды извѣстны не ранѣе XVI вѣка. О псковскихъ обрядахъ говоритъ игуменъ Памфилъ въ своемъ посланіи къ псковскому намѣстнику: «егда приходитъ великій праздникъ день Рождества Предтечева, исходятъ огньницы, мужіе и жены чаровницы по лугамъ, и по болотамъ, и въ пустыни, и въ дубровы, ищущи смертныя отравы и привѣтрочрева, отъ травнаго зелія на пагубу человѣкомъ и скотомъ; тутже и дивіи коренія копаютъ на потвореніе мужемъ своимъ. Сія вся творятъ дѣйствомъ діаволимъ въ день Предтечевъ съ приговоры сатанинскими. Егда бо пріидетъ самый праздникъ Рождество Предтечево, тогда во святую ту нощь мало не весь градъ возмятется, и въ селѣхъ возбѣсятся въ бубны, и въ сопели, и гуденіемъ струннымъ и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвкамъ и главами киваніемъ и устнами ихъ непріязненъ кличь, вся скверныя бѣсовскія пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; что же бысть во градѣхъ и въ селѣхъ». На Стоглавомъ соборѣ говорили: «противъ праздника Рождества великаго Іоанна Предтечи, и въ нощи на самый праздникъ, и въ весь день и до нощи, мужи и жены и дѣти въ домѣхъ и по улицамъ ходя и по водамъ глумы творятъ всякими играми, и всякими скомрашествы, и пѣсни сатанинскими и плясками, гусльми и иными многими виды и скаредными

образованіи. И егда нощь мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рощѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсы омываются росою». Въ указѣ 1721 года, 17 апрѣля сказано: «къ тому-жъ будто бы воспоминаютъ мерзкихъ идоловъ, въ нихъ же былъ нѣкій идолъ Купало, ему же на Великъ день приносили жертву онымъ купаніемъ; о чемъ пространно зрится въ Лѣтописцѣ Кіевскомъ». О малорусскихъ обрядахъ Ивановской ночи, Гизель, въ своемъ Синопсисѣ писалъ посвоему: «пятый идолъ Купало, его же бога плодовъ земныхъ быти мняху, и ему прелестію бѣсовскою омраченніи благодаренія и жертвы въ началѣ жнивъ приношаху. Того же Купало бога, истинны бѣса, и доселѣ по нѣкінмъ странамъ россійскимъ еще память держится; наипаче же въ навечеріи Рождества св. Іоанна Крестителя, собравшеся ввечеру юноши мужеска, дѣвическа и женска пола соплетаютъ себѣ вѣнцы отъ зелія нѣкоего, и возлагаютъ на главу и опоясуются ими. Еще на томъ бѣсовскомъ игралищѣ кладутъ и огнь, и окрестъ его емшеся за руцѣ нечестиво ходятъ и скачутъ, и пѣсни поютъ, сквернаго Купала часто повторяюще и чрезъ огнь прескачуще, самихъ себя тому же бѣсу Купалѣ въ жертву приносятъ». Въ Потребникѣ 1639 года находимъ: «нѣцыи пожаръ запаливъ предскакаху по древнему нѣкоему обычаю». Таковы извѣстія, сохранившіяся въ нашихъ письменныхъ памятникахъ. Перейдемъ теперь къ описанію народнаго празднества, отправляемаго въ разныхъ мѣстахъ. Слѣды обрядовъ ивановскаго празднества, сохранившагося въ новгородскихъ окрестностяхъ, суть слѣдующіе:

Въ старой Ладогѣ ивановскіе огни совершаются на горѣ Побѣдищѣ, при впаденіи рѣчки въ Волховъ. Тамъ сей огонь, добытый при треніи изъ дерева, извѣстенъ подъ

именемъ: живого, лѣсного, царя огня, лекарственнаго. Тихвинцы купаются въ озерѣ, находящемся близь Антоніева Дымскаго монастыря. Послѣ купаютъ тамъ и лошадей хворыхъ. Въ окрестностяхъ Петербурга, по рижской дорогѣ бывали въ XVIII вѣкѣ ивановскіе огни, гдѣ участвовали вмѣстѣ съ русскими и ижорцы. Послѣдніе это игрище называли: кокуемъ. Въ Лужскомъ уѣздѣ, по рѣкѣ Лугѣ, ивановское празднество извѣстно болѣе подъ именемъ Соботокъ. Вѣроятно, что это названіе занесено изъ Литвы.

Въ Парголовѣ ростовскіе переселенцы справляютъ ивановскіе огни со всѣми обрядами. Зажженные костры, игры, пѣсни и купанье тамъ одинаковы со всѣми другими обычаями, встрѣчаемыми въ московскихъ окрестностяхъ.

Въ московскихъ окрестностяхъ ивановскіе огни зажигались на горахъ, поляхъ и по берегамъ рѣкъ. Чрезъ эти огни перескакивали мужчины и женщины, перегоняли скотъ. Игры и пѣсни продолжаются до утренней зари. Замѣтимъ важное обстоятельство: великоруссы не поютъ пѣсенъ съ именемъ Купало, какъ это находимъ у малоруссовъ. Москвитяне Ивановъ день празднуютъ на трехъ горахъ. Въ Тулѣ это празднество отправлялось близь Щегловской засѣки. Вечеромъ 23 іюня крестьяне выходятъ въ поле въ чистыхъ бѣлыхъ рубашкахъ, составляютъ костры изъ хворосту; другіе приносятъ съ собою дегтярныя баклаги. Старики садятся въ кружокъ и начинаютъ чрезъ треніе добывать огонь изъ двухъ старыхъ, сухихъ деревъ. Кругомъ ихъ всѣ стоятъ въ глубокомъ молчаніи. Едва показался огонь, все ожило, запѣло и развеселилось. Зажигаются костры и баклаги. Молодые поютъ и пляшутъ, старики сидятъ въ кружкахъ, бесѣдуютъ о

старинѣ и отъ радости попиваютъ винцо. Часто случалось видѣть, какъ надъ этимъ костромъ старушки-матери сжигали сорочки, взятыя съ больныхъ дѣтей, съ полною увѣренностью, что отъ сего обряда прекратятся болѣзни. Нашъ народъ думаетъ, что перескакиваніе чрезъ огонь избавляетъ отъ очарованія. Въ купаньи утренней росою они полагаютъ очищеніе тѣла и избавленіе отъ болѣзней. Другихъ повѣрій мнѣ не случилось слышать. Напрасно я доискивался повѣрить на мѣстѣ остроумныя замѣчанія нашихъ изыскательныхъ археологовъ, которые въ празднествахъ Купалы и Купальницы отыскиваютъ миѳы физическіе и астрологическіе, видятъ въ нихъ почитаніе солнца и луны, находятъ благоговѣніе къ стихіямъ природы — огню и водѣ. Нашъ народъ этого не знаетъ и не понимаетъ. Можетъ быть, или самое время истребило эти понятія въ народѣ, или гг. археологи слишкомъ умствуютъ въ идеяхъ водопоклоненія и травоволхвованія. По крайней мѣрѣ остается одно вѣрнымъ, что въ этихъ идеяхъ не участвуетъ великорусскій народъ.

Въ малорусскихъ селеніяхъ ивановскіе огни соединяются съ особенными обрядами, которыхъ нѣтъ у великорусскаго народа. Здѣсь видимъ: крапивный кустъ, куклу, пированіе около дерева марины; здѣсь слышимъ пѣсни съ именемъ Купало. Въ Харьковской губерніи поселяне сбираются въ назначенное мѣсто и перепрыгиваютъ чрезъ крапивный кустъ. Въ старину перепрыгиваніе бывало чрезъ зажженную солому съ пѣснями купальскими. Другіе срубаютъ дерево марину, украшаютъ его вѣнкомъ изъ цвѣтовъ и относятъ его въ отдаленное мѣсто. Здѣсь подъ деревомъ сажали куклу, изукрашенную разными уборами. Подлѣ дерева ставили столъ съ горѣлкою и закусками.

Молодые, схватясь руками, ходили вокругъ дерева и пѣли пѣсни. По окончаніи игръ, снимали дерево съ пѣснями и относили къ рѣкѣ. Во время сего поѣзда пьютъ горѣлку и ѣдятъ закуски. Съ приходомъ къ рѣкѣ начинали всѣ купаться. Дерево марину потопляли въ рѣкѣ. Въ другихъ мѣстахъ куклу дѣлали не болѣе трехъ четвертей аршина, украшали цвѣточнымъ вѣнкомъ и съ ней перепрыгивали чрезъ огонь. Иные дѣлали куклу изъ соломы въ ростъ человѣка, одѣвали въ женскую рубашку, голову убирали лентами и намистами. Кукла съ именемъ Купала ставилась подлѣ дерева марины, черноклена. Женщины одѣвались въ праздничное платье, вѣнки для головы сплетались изъ цвѣтовъ и перевивались капуферомъ и другими душистыми травами. Вѣнками закрывали лица до половины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, когда приносили дерево и куклу къ рѣкѣ, то прежде снимали съ себя вѣнки, которые или прямо бросали въ воду, или надѣвали на куклу. Другіе тайно уносили съ собой вѣнки и вѣшали ихъ въ сѣняхъ, для предохраненія отъ бѣдъ и напастей. Въ селеніяхъ Подольской и Волынской губерній, поселяне, приходя въ назначенное мѣсто, приносили съ собой вѣтвь вербы, убранной цвѣтами. Эта верба, называемая у нихъ Купайло, утверждалась въ землю, вокругъ ея ходили и пѣли купальскія пѣсни. Послѣ пѣсенъ, дѣвицы становились подлѣ вербы, а мужчины отходили въ сторону. Потомъ вдругъ мужчины нападали на дѣвицъ, похищали вербу и обрывали ее въ клочки.

Зарываніе травъ на Ивановъ день производится великоруссами и малоруссами. Повѣрье о цвѣтѣ папоротника или кочедыжника, цвѣтущаго огненнымъ цвѣтомъ въ Ивановскую ночь — есть общее въ народѣ. Знахарки отыски-

ваютъ разрывъ-траву, терличъ и архилинъ. О последней говорятъ, что «она ростетъ при большой рѣкѣ, срывать ее должно чрезъ золотую или серебряную гривну, а кто носитъ на себѣ, и тотъ не будетъ бояться ни дьявола, ни еретика, ни злого человѣка». Народъ сбираетъ свои травы: купаленку, медвѣжье ушко, богатенъку. Эту послѣднюю траву поселяне Новгородской губерніи вѣшаютъ на стѣну на имя каждаго человѣка. Чей цвѣтъ завянетъ, тотъ или умретъ, или заболѣетъ на этотъ годъ. Тихвинцы и ладожане въ истопленную баню приносятъ вѣники съ травою Иванъ-да-Марья и парятся ими на здоровье. Въ муравьиныхъ кочкахъ отыскиваютъ цѣлебное масло. Въ садахъ, подъ корнемъ чернобыльника, отыскиваютъ земляной уголь, исцѣляющій черную немочь и падучую болѣзнь. Въ Малоруссіи сбираютъ: голубыя сокирки, красные пахучіе васильки, пунцовые черевички, панскій макъ, желтый звѣробой, ноготки, разноцвѣтъ, мьяту, капуперъ, колокольчики, полынь. Изъ этихъ травъ свиваютъ: купальскій вѣнокъ, а полынь носятъ подъ мышками, въ предохраненіе отъ обаянія нечистой силы. Въ Бѣлоруссіи есть народное преданіе о мужикѣ, которому цвѣтъ папоротника попалъ въ лапоть. Этотъ счастливецъ зналъ, гдѣ закопаны были клады, гдѣ лежали деньги; но онъ его какъ-то подъ хмѣлькомъ потерялъ, а съ нимъ исчезло и все знаніе о кладахъ.

Народное преданіе о полетѣ вѣдьмъ на Лысую гору извѣстно по всей Руси. Народъ твердо увѣренъ, что онѣ въ Ивановскую ночь летаютъ на эту гору на помелахъ. Малоруссы знаютъ, что они слетаются на Чортово Беремище подъ Кіевомъ. У поляковъ эта Лысая гора извѣстна

подъ Сендоміромъ. Бѣлоруссы говорятъ, что сборище вѣдьмъ бываетъ на горѣ Шатріи, гдѣ могила Альциса и гдѣ угощаетъ ихъ чародѣйка Яусперита. Подробности о вѣдьмахъ будутъ изложены въ демонологіи. Бѣлоруссы изъ предосторожности запираютъ въ Ивановскую ночь лошадей, боясь, чтобы на нихъ не поѣхали вѣдьмы на Лысую гору. Малоруссы для защиты отъ вѣдьмъ вѣшаютъ на окнахъ и порогахъ дверей жгучую крапиву. Великоруссы думаютъ, что съ этой ночи появляются свѣтляки— ивановскіе червячки. Дѣти, кладя ихъ на ладонь, говорятъ: Иванушка, Иванушка! полетай за Волгу, тамъ тепленько, а здѣсь холодненько. Наши огородники по обильной ивановской росѣ угадываютъ о большомъ урожаѣ огурцовъ.

26. Примѣты.

Въ замосковныхъ селеніяхъ полагаютъ, что съ этого дня начинаетъ поспѣвать земляника. Пчельники твердо увѣрены, что тогда же пчелы вылетаютъ изъ ульевъ за медовымъ сборомъ.

27. Примѣты.

Въ сѣверныхъ губерніяхъ замѣчаютъ въ сей день о погодѣ. Если на день св. Самсона будетъ дождь, то все лѣто будетъ мокрое до бабьяго лѣта. Въ Сибири сей день называется: Никола обыденный. Въ Тобольскѣ приводятъ на этотъ день лошадей къ церкви Рождества Богородицы, служатъ молебны и послѣ кропятъ лошадей св. водою.

29. Примѣты.—Обряды.—Играніе солнца.

Поселяне всѣ свои наблюденія сохранили объ этомъ въ поговоркахъ: на Петровъ день и солнышко играетъ.—

Съ Петрова дни красное лѣто, зеленой покосъ. — Женское лѣто по Петровъ день.—Съ Петрова дни и барашка въ лобъ.—Съ Петрова дни зорница зоритъ хлѣбъ.—Петръ и Павелъ два часа прибавилъ.—Утѣшили бабу Петровскіе жары голодухой. У мужика то и праздникъ, что Петровъ день. — Строй косы и серпы къ Петрову дню, такъ будешь мужикъ.—Не хвались, баба, что зеленъ лугъ, а смотри каковъ Петровъ день.

Въ старину Петровъ день былъ срокомъ судовъ и взносовъ дани и пошлинъ. Извѣстна еще Петровская дань, въ которой «тянули попы». По зазывнымъ грамотамъ пріѣзжали въ Москву ставиться на судъ. Петровскіе торги, извѣстные съ XVI вѣка, составляли особенныя мѣстныя ярмарки по селамъ.

На Петровъ день бываютъ обѣтныя угощенія. Такъ на Вагѣ и въ Вельскомъ уѣздѣ тещи приносятъ почетный сыръ своимъ зятьямъ, во второй годъ бракосочетанія. Зять угощаетъ тещу при сборѣ всѣхъ родныхъ. Въ степныхъ селеніяхъ бывало въ старину провѣдываніе крестниковъ. Кумы припашивали своимъ крестникамъ пшеничные пироги. Въ Тульской губерніи сваты со стороны женниной родни угощали сватовъ ужиномъ, что называлось у нихъ отводнымъ столомъ.

Поселяне Тульской губерніи выходятъ подъ Петровъ день караулить солнце, какъ оно будетъ играть на небѣ при восходѣ. Это вѣрованіе, извѣстное исландцамъ, сохранилось только въ одной Тульской губерніи. Поселяне всѣхъ возрастовъ собираются на пригорки, раскладываютъ огонь и въ ожиданіи солнца проводятъ ночь въ играхъ и пѣсняхъ. Едва начинаетъ восходить солнце, всѣ

испускаютъ радостные клики. Старики наблюдаютъ какъ солнышко играетъ по небу: оно то покажется, то спрячется; то взойдетъ вверхъ, то опустится внизъ; то заблещетъ разными цвѣтами—голубымъ, розовымъ и бѣлымъ, то засіяетъ ясно, что ничьи глаза не стерпятъ. Молодые поютъ пѣсню: «Ой, ладо! на курганѣ».

Петровскія гулянья отправляются почти во всей Великой Россіи съ пѣснями, хороводами и рельными качелями. Въ Тулѣ гуляютъ на оружейной сторонѣ, и самое гулянье слыветъ Облупою. Тамъ говорятъ: «пойдемъ на Облупу.—Былъ ты на Облупѣ?» Въ Тулѣ къ этому дню окрашиваютъ яйца въ желтую краску пупавками и продаютъ ихъ на гуляньяхъ. Въ Кашинѣ бываетъ гулянье у Клобукова монастыря, близъ Петропавловской церкви, подлѣ родника. Старики умываются изъ родника для здоровья, молодые веселятся. Тамъ прежде бывало ночное гулянье съ особеннымъ обрядомъ: холостые парни прогуливались съ закрытымъ лицомъ, а дѣвицы съ полуоткрытымъ. Въ это время дѣвицы должны были угадывать мужчинъ. Часто отъ соперничества и за нескромное слово гулянье обращалось въ побоище. Въ Старицахъ народъ выходилъ на три ключа, за четыре версты отъ города, пить воду изъ родниковъ и веселиться. Въ Переславлѣ-Залѣсскомъ бываютъ гулянья на разныхъ мѣстахъ: у села Веськова на Гремячемъ ключѣ, на Александровской горѣ около села Городища, на берегу озера Клещина. Въ Ярославлѣ въ Таборахъ, близъ Петропавловской церкви, гдѣ, по преданію, стоялъ князь Пожарскій со своими дружинами въ 1612 году.

Поселяне замѣчаютъ, что если на Петровъ день пойдетъ

дождь, то сѣнокосы будутъ мокрые. Въ Тульской губерніи говорятъ, что сего дня перестаютъ пѣть соловьи.

30. Провожаніе весны.

Провожаніе весны принадлежитъ къ сельскимъ обрядамъ. Въ степныхъ губерніяхъ въ этотъ день поселяне, сбираясь на сѣнной покосъ, одѣваются во все лучшее платье и веселятся весь вечеръ. Это называется у нихъ: проводы весны. Въ Саратовской губерніи дѣлаютъ соломенную куклу, убираютъ ее въ кумачный сарафанъ, на голову надѣваютъ —чуплюкъ — кокошникъ съ цвѣтами, на шею подвязываютъ ожерелье. Эту куклу носятъ по селу съ пѣснями и потомъ, раздѣтую, бросаютъ въ рѣку. Кажется, что этотъ обрядъ занесенъ изъ Польши. Тамъ соломенная кукла, убранная въ видѣ женщины, называется маржаною и съ обрядами потопляется въ рѣкѣ. Въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ провожаніе весны отправляется на заговѣнье Петровскаго поста. Въ селеніяхъ Тульской губерніи бываетъ послѣдняя окличка весны. Поселяне, при солнечномъ закатѣ, выходятъ на пригорки играть въ хороводы и поютъ пѣсни: «Весна красна, ты когда, когда пришла, когда проѣхала». Потомъ садятся въ кружки, размѣниваются яйцами, окрашенными въ желтую краску, угощаются брагою и всѣ расходятся навеселѣ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ угощаютъ пастуховъ вечеромъ яишницами и на отходѣ надѣляютъ желтыми яицами.

Мѣсяцъ іюль.

Слово іюль, или іюлій — нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя, славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки называли его: червень, малоруссы и поляки: липецъ, чехи и словаки: червенецъ и сѣчень, карніольцы: серпанъ, венды: седмникъ, серпанъ, иллирійцы: шерпенъ и шарпанъ. Поселяне Тульской губерніи сей мѣсяцъ называютъ: сѣнозорникъ, Тамбовской: макушка лѣта. Въ старой русской жизни онъ былъ пятымъ мѣсяцемъ, а когда начали считать годъ съ сентября, онъ приходился одиннадцатымъ. Съ 1700 года его считаютъ седьмымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Наблюденія поселянъ о іюлѣ мѣсяцѣ сохранились въ поговоркахъ: въ іюлѣ хоть раздѣнься, а все легче не будетъ.—Въ іюлѣ на дворѣ пусто, да на полѣ густо.—Не топоръ кормитъ мужика, а іюльская работа.—Сбилъ сѣнозорникъ у мужика мужицкую спѣсь, что некогда и на печь лечь. — Знать мужикъ доможилъ, что на сѣнозорникъ не спитъ.— Плясала бы баба, да макушка лѣта настала.— Макушка лѣта устали не знаетъ, все прибираетъ. — Всѣмъ лѣто пригожо, да макушка тяжела.

1. Наблюденія.

Поселяне Тульской губерніи выходятъ съ этого дня на покосы. Огородники начинаютъ полоть гряды и вырывать

корневыя овощи для продажи. Въ окрестностяхъ московскихъ и степныхъ мѣстахъ сбираютъ красильныя растенія.

4. Примѣты.

Въ степныхъ мѣстахъ замѣчаютъ, что съ этого дня озимый хлѣбъ вполнѣ наливается. Тогда поселяне говорятъ: озимы въ наливахъ дошли. Объ овсѣ: батюшка овесъ до половины уросъ. О гречихѣ: овесъ въ кафтанѣ, а на гречѣ и рубахи нѣтъ.—Озимы въ наливахъ, а греча на всходѣ.

5. Примѣты.

Въ за-московныхъ селеніяхъ вечеромъ выходятъ смотрѣть на играніе мѣсяца. Если мѣсяцъ при всходѣ своемъ виденъ, то онъ будто кажется перебѣгающимъ съ мѣста на мѣсто, или измѣняетъ свой цвѣтъ и прячется за облака. Все это, по ихъ замѣчаніямъ, будто происходитъ оттого, что у мѣсяца бываетъ свой праздникъ. Играніе мѣсяца обѣщаетъ хорошіе урожаи.

8. Наблюденія.

Поселяне замѣчаютъ, что если съ этого дня начинаетъ поспѣвать черника, то озимый хлѣбъ бываетъ готовъ къ жатвѣ.

Есть странное повѣрье у поселянъ, что на этотъ день является сама собою камаха, краска червецъ. Они думаютъ, что камаха заносится вѣтрами на наши поля съ теплыхъ странъ, свивается въ клубокъ и первому счастливцу, который ей встрѣтится, подкатывается подъ ноги. Находка камахи предвѣщаетъ счастливцу благополучіе на

цѣлый годъ. Въ старину бывали страстные охотники отыскивать камаху. Неудачные искатели говорятъ, что она достается тѣмъ только, кому написано на роду такое счастіе. Въ Тулѣ бываетъ на этотъ день ярмарка, куда сходятся поселяне для продажи холста и нитокъ и возвращаются домой съ глиняными куклами.

12. Примѣты.

По замѣчаніямъ поселянъ, будто съ этого дня наступаютъ большія росы. До этого дня они спѣшатъ высушивать сѣно грядушками. Большія росы будто загнаиваютъ сѣно. Старушки-лечейки сбираютъ большія росы для очнаго врачеванія. Этой де водицей, говорятъ онѣ, изводится очной призоръ.

16. Жатва.

Въ Тульской губерніи съ этого дня начинаютъ жать рожь. Тульскіе жители праздновали сей день въ селѣ Высокомъ. Первый сжатый снопъ называется именинным ъ. Въ старину бывало, что вечеромъ именинный снопъ приносили съ пѣснями на гумно. Впереди шелъ хозяинъ съ снопомъ, за нимъ всѣ рабочіе. Когда наши бояре живали въ деревняхъ, именинный снопъ приносился на барскій дворъ. Его, какъ дорогого гостя, встрѣчалъ бояринъ со всей семьей, и за приносъ угощалъ крестьянъ виномъ. Именинный снопъ въ старину имѣлъ много чудеснаго: съ него начинали молотьбу, соломой кормили больную скотину, зерны ржи считались цѣлебными въ болѣзняхъ для людей и птицъ. Безъ именниннаго зерна не бывало посѣва. Все время жнитвы хлѣба наши поселяне называютъ: рабо-

чая пора, страдная пора, страда. Они говорятъ тогда: пойдемъ на жнивы — умаялся на жнитвѣ. Въ Костромской губерніи при началѣ жнитвы оставляютъ на полянѣ клокъ несжатаго хлѣба, что называется у нихъ: Волотка на бородку. Волоткою называютъ они верхъ снопа, а колосъ волокномъ. Въ Малоруссіи старухи предъ жатвою завиваютъ бороду Волосу. До этой бороды во все жнитво не касается рука жницъ.

19. Мокриды.

Поселяне по погодѣ сего дня замѣчаютъ и о будущей осени. Хорошій день предвѣщаетъ сухую осень; если идетъ дождь, то осень будетъ мокрая и сырая. Этотъ день они называютъ Мокриды. Тогда они говорятъ: смотри осень по Мокридамъ. — Прошли бы Мокриды, а то будешь съ хлѣбомъ. — Коли на полѣ Мокриды, а ты свое смекай.

20. Наблюденія.

Поселяне свои наблюденія объ этомъ днѣ сохранили въ поговоркахъ: на Илью до обѣда лѣто, а послѣ обѣда осень. — На Ильинъ день и камень прозябаетъ. — До Ильина дни подъ кустомъ сушитъ, а послѣ Ильина дни и на кустѣ не сохнетъ. — Илья пророкъ три часа приволокъ. — До Ильина дня сѣно сметать, пудъ меду въ него накласть. — Богатъ какъ ильинскій сотъ. — Ильинская соломка деревенская перинка. — Новый хлѣбъ на Ильинъ день. — Знать осень на Ильинъ день по снопамъ. — До Ильина дня мужикъ купается, а съ Ильина дня

съ рѣкой прощается.—То и веселье Ильинскимъ ребятамъ, что новой хлѣбъ.—У мужика та обнова на Ильинъ день, что новинкой сытъ.—Знать бабу по наряду, что на Ильинъ день съ пирогомъ.

Въ этотъ день на Руси совершаются многіе мѣстные обряды. Въ Тульской губерніи, въ Шенкурской и Вельской округахъ пекутъ изъ новой ржи хлѣбъ и приносятъ для благословенія въ церковь. Въ старину, безъ благословенія священника, никто не дотрогивался до новины. Въ Новгородской и Тульской губерніяхъ поселяне устраиваютъ себѣ постели изъ новой соломы, о которой они говорятъ: «Ильинская соломка деревенская перинка». Пчельники на этотъ день осматриваютъ свои ульи и запродаютъ прасоламъ соты. Отъ этого взошло у нихъ въ поговорку про богатыхъ пчельниковъ говорить: «богатъ какъ ильинской сотъ». Къ Ильину дню стараются скошенное сѣно высушить и убрать въ стоги. Здѣсь-де, говорятъ поселяне, сладимая яства въ цвѣтахъ для скотинки. И о такомъ душистомъ сѣнѣ въ Костромской и Владимірской губерніяхъ говорятъ: «до Ильина дни сѣно сметать, пудъ меду въ него накласть». Изъ мірскихъ складчинъ устраиваютъ на Ильинъ день обѣды. Такъ видѣлъ Лепехинъ въ селѣ Обычинскомъ, Пермской губерніи, что поселяне, на мірскую складчину, приводили съ собою быка, другіе теленка, убивали ихъ и съѣдали всею деревнею. Въ старину въ Тульской губерніи на мірскую складчину поселяне пекли новый хлѣбъ и раздавали нищей братіи отъ всей деревни. По наблюденіямъ поселянъ, съ Ильина дня начинается осень, появляются холодные утренники. Отчего у нихъ взошло въ поговорку: «на Ильинъ день и камень прозябаетъ». Съ этого дня они перестаютъ купаться. Старинные наши

охотники выѣзжали въ сей день съ собаками въ отъѣзжее поле травить волковъ. У нихъ была своя примѣта: если они затравятъ тогда звѣря, то весь годъ будутъ счастливы. Поселяне увѣрены, что волки выходятъ изъ своихъ норъ послѣ покосовъ; а до тѣхъ поръ, будто никто не можетъ открыть волчьихъ выходовъ.

Суевѣрные наши поселяне увѣрены, что въ сей день звѣри и гады выходятъ изъ своихъ норъ и бродятъ по лугамъ и лѣсамъ. Скотина, выпущенная на лугъ, бываетъ растерзана звѣрями, или ужалена змѣями. Они думаютъ, что нечистые духи поселяются тогда въ звѣрей и гадовъ, мстятъ домашнему скоту и людямъ и что только одинъ громъ въ состояніи разогнать этихъ враговъ. Безстрашные знахари, не смотря на всѣ опасности, отваживаются сбирать змѣй и вытапливать изъ нихъ сало на свѣчи. Поселяне увѣрены, что въ рукахъ знахаря змѣиныя свѣчи производятъ непостижимыя чудеса. Другіе изъ непонятнаго страха отгоняютъ отъ себя кошекъ и собакъ. Недовѣрчивость поселянъ и въ нихъ находитъ своихъ враговъ. По замѣчаніямъ ворожеекъ, дождь, собранный на Ильинъ день, избавляетъ отъ очнаго призора и всякой вражей силы. Въ старину, въ засѣкахъ Тульской губерніи поселяне отыскивали старыхъ дубовъ, при которыхъ вытекали бы ключи. Съ такихъ дубовъ они сдирали кору, вымачивали ее въ ключахъ, а потомъ привѣшивали себѣ на ладонки — въ предохраненіе отъ зубной боли.

22. Примѣты.

Поселяне Тульской губерніи съ разсвѣтомъ солнца замѣчаютъ появленіе росы на льнахъ. Если роса будетъ обильная, то ожидаютъ сѣраго льна. По ихъ наблюде-

ніямъ, роса уничтожаетъ бѣлизну льна и укоротываетъ самый ростъ. Тогда они говорятъ: «коли на день св. Марьи росы, то льны будутъ сѣры и косы».

24. Поликопны.

Малоруссы говорятъ: «на Глѣба и Бориса за хлѣбъ не берися». Въ Рязанской губерніи говорятъ: «на Борисъ и Глѣбъ поспѣваетъ хлѣбъ». Въ Бѣлой и Черной Руси называютъ сей день: поликопомъ. У поселянъ Тульской губерніи онъ извѣстенъ подъ именемъ: поликопны. По замѣчанію стариковъ, будто въ старину на этотъ день бывали большія грозы и спаливали копны у тѣхъ, которые работали въ полѣ.

26. Примѣты.

По замѣчаніямъ поселянъ, если на этотъ день наступитъ холодный утренникъ, то зима будетъ ранняя и холодная. Тогда они говорятъ: «на день св. Анны зима припасаетъ холодные утренники».

29. Наблюденія.

Въ сѣверныхъ губерніяхъ полагаютъ, что появляющіеся съ сего дня морозы убиваютъ на жнивахъ хлѣбъ. Отчего въ Архангельской губерніи говорятъ: пронеси, Господи, калиники морокомъ. Слово морокъ у нихъ значитъ: туманъ сырой. Въ Тульской губерніи говорятъ поселяне: коли на калиники туманы, припасай косы про овесъ съ ячменемъ.

30. Повѣрья.

Между поселянами есть старое повѣрье, что на этотъ день обмираютъ вѣдьмы. Все это будто происходитъ оттого, что онѣ опиваются молокомъ. Кому неизвѣстно, что вѣдьмы умѣютъ задаивать коровъ до смерти, тотъ не можетъ себѣ представить, какъ онѣ приходятъ въ такое состояніе. Ужъ если обомретъ вѣдьма, говорятъ поселяне, то ее ничѣмъ не пробудишь. Жги скорѣй пяты соломой; все дѣло пойдетъ на ладъ. Наши поселяне были бы очень рады видѣть ихъ всѣхъ мертвыми, да то бѣда: умираютъ страшно. Страшнѣй того смотрѣть на вѣдьму, когда она обомретъ: подъ ней и земля трясется, и въ полѣ звѣри воютъ, и отъ воронъ на дворѣ отбою нѣтъ, и скотъ нейдетъ на дворъ, и въ избѣ все стоитъ не на мѣстѣ. Отъ такой напасти поневолѣ примешься за солому, да жечь пяты. Говорятъ старухи, что вѣдьмы, послѣ такого пробужденія, никогда уже не дотрагиваются до коровъ и не смотрятъ на молоко. Услужливые знахари снабжаютъ нашихъ поселянокъ разными снадобьями, спасающими коровъ отъ нападенія вѣдьмъ. Мужики знаютъ, что такія снадобья не всегда помогаютъ. Хитрыя вѣдьмы умѣютъ ихъ отхаживать назадъ пятами.

Мѣсяцъ августъ.

Слово августъ — нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя, славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки называли его: заревъ, малоруссы, поляки, чехи и словаки: серпень, сорабы: женчь, жнейска, прашникъ, яцменски, карніольцы:

великъ серпенъ, венды: осемникъ (осьмой), госпожникъ, кроаты: великомешнякъ, кимовецъ, иллирійцы: коловоцъ. — Народное названіе: зорничникъ. Въ старой русской жизни августъ былъ шестымъ мѣсяцемъ, съ XV вѣка двѣнадцатымъ. Съ 1700 года онъ считается восьмымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ августѣ мѣсяцѣ.

Наши поселяне объ августѣ сохранили въ поговоркахъ свои наблюденія: батюшка августъ крушитъ, да послѣ тѣшитъ. — У мужика въ августѣ три заботы: и косить, и пахать, и сѣять.—Кому работа, а нашимъ бабамъ и въ августѣ праздникъ. — Овсы да льны въ августѣ смотри.

1. Наблюденія.

Наши поселяне говорятъ: во что Маккавеи, во то и розговины. — Съ перваго Спаса и росы хороши. — Олень обмакиваетъ лапу въ воду.

Съ этого дня въ селахъ зачинаютъ защипывать горохъ, выѣзжаютъ пахать подъ озимы, заламываютъ въ ульяхъ соты, отдѣлываютъ овины, очищаютъ гумны.

Поселяне увѣрены, что съ этого дня пчелы перестаютъ вырабатывать медъ. Если пчельникъ не заломаетъ сота, то они говорятъ, что сосѣднія пчелы вытаскаютъ весь медъ.

Неизвѣстно откуда зашло къ нашимъ поселянамъ странное понятіе о розахъ. Они думаютъ, что когда перестаютъ цвѣсть розы, тогда происходитъ перемѣна и въ росахъ. Общее мнѣніе ихъ, что съ 1 августа выступаютъ росы

хорошія и безвредныя — извѣстно повсюду. Перенесеніе розъ въ русскую землю послѣдовало въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Слѣдовательно, это повѣрье нестарое. На этотъ день бываютъ народныя гулянья. Въ Москвѣ сходятся гулять подъ Симоновымъ; въ Тулѣ бываетъ собраніе на Поповомъ болотѣ, за городомъ.

2. Повѣрье.

Многіе поселяне поятъ въ сей день лошадей чрезъ серебро. Искупавши лошадей, они проводятъ ихъ къ студенцамъ, бросаютъ въ воду мелкую серебряную монету и потомъ поятъ лошадей изъ шапки, гдѣ также лежитъ монета. Поселяне думаютъ, что отъ этого обряда лошади добрѣютъ, не боятся лихого глаза, приходятъ въ милость у домового. Серебряную монету берутъ изъ шапки и кладутъ, скрытно отъ всѣхъ, въ конюшню подъ яслями. Такая монета въ старину часто переходила отъ отца къ сыну.

3. Примѣты.

Поселяне замѣчаютъ, что если въ сей день будетъ вѣтеръ съ юга и появятся вихри, то ожидаютъ зимою большихъ снѣговъ. Отчаянные люди выходятъ на перекрестки допрашивать вихрь о зимѣ. Для сего они заранѣе запасаются ножомъ и пѣтухомъ. Выходя на перекрестокъ, они сторожатъ вихрь. Едва онъ появится, отважный втыкаетъ въ самый вихрь ножъ и, въ то же время, держитъ за голову пѣтуха. Послѣ сего допрашивается вихрь. Люди, испытавшіе это на самомъ дѣлѣ, увѣряютъ, что вихрь имъ сказывалъ всю правду. Замѣтимъ одно: всѣ такіе разсказы основаны на преданіяхъ. Подробности такихъ подвиговъ будутъ изложены въ русской демонологіи.

4. Сѣногнойки.

По замѣчанію сибиряковъ, съ этого дня начинаютъ идти дожди, вредные для сѣна. Эти дожди называютъ сѣногнойками.

5. Жнивы.

Рачительные домоводцы изъ нашихъ поселянъ находятъ нужнымъ заклинать жнивы. Это, говорятъ они, будто нужно для того, чтобы нечистая сила не поселилась на жнивахъ и не выжила съ пажитей скотъ. Для сего они, раннею зарею, выходятъ на жнивы съ масломъ конопляннымъ. Обращаясь на востокъ, говорятъ: «мать сыра-земля! уйми ты всяку гадину нечистую отъ приворота, оборота и лихого дѣла». Проговоривши, выливаютъ на землю масло. Потомъ, обращаясь на западъ, говорятъ: «мать сыра-земля! поглоти ты нечистую силу въ бездны кипучія, въ смолу горючую». Послѣ сего выливаютъ масло на землю. Обращаясь на югъ, говорятъ: «мать сыра-земля! утоли ты всѣ вѣтры полуденные со ненастью, уйми пески сыпучіе со мятелью». И здѣсь опять выливается масло. Обращаясь на западъ, говорятъ: «мать сыра-земля! уйми ты вѣтры полуночные со тучами, содержи морозы со мятелями». Здѣсь бросаютъ стклянцу на землю. Есть люди, которые увѣряютъ васъ, что такое дѣло необходимо должно исполнять всякое лѣто. Многіе изъ робости не рѣшаются на такой подвигъ, не смотря на свое непреодолимое желаніе.

6. Наблюденія.

Во всей Великой Руси съ этого дня начинаютъ ѣсть плоды и фрукты. Люди, имѣвшіе сады, въ старину приношивали въ храмы плоды для освященія. Здѣсь они, изъ

рукъ священника, раздавались всѣмъ прихожанамъ. Кромѣ того, наши предки поставляли себѣ въ обязанность надѣлять всѣхъ бѣдныхъ плодами, а больнымъ посылать въ домъ. Неисполнившіе сего стараго обычая почитались людьми недостойными общенія. Объ нихъ говаривали наши старики: «а не дай-то Боже съ нимъ дѣла имѣть! Забылъ онъ стараго и сираго, не удѣлилъ имъ отъ своего богачества малаго добра, не призрилъ своимъ добромъ хвораго и бѣднаго». Къ сожалѣнію должно замѣтить здѣсь, что заморскія новизны вытѣсняютъ этотъ старый обычай. Со слезами смотрятъ старики на равнодушіе молодыхъ людей.

Во многихъ мѣстахъ на этотъ день бываютъ народныя гулянья. Въ Москвѣ гулянье бываетъ у Новаго Спаса, въ Тулѣ з ι городомъ, въ селѣ у Спаса на Рогожни.

Поселяне наблюдаютъ въ этотъ день захожденіе солнца. Выходя вечеромъ на пригорки, они съ пѣснями и плясками проводятъ время. Едва начнетъ скрываться солнце на западъ, они поютъ:

Солнышко, солнышко, подожди!
Пріѣхали господа бояре
Изъ Велика де Новагорода
На Великъ день пировать.
Ужъ и вы ли, господа бояре,
Вы, бояре старые, новгородскіе!
Стройте пиръ большой
Для всего міра крещенаго,
Для всей братіи названой.
Строили господа бояре пиръ,
Строили бояре новгородскіе
Про весь крещеный міръ.
Вы сходитеся, люди добрые,
На великъ званый пиръ;

Есть про вась медъ, вино,
Есть про васъ яства сахарныя.
А и вамъ, крещеный міръ,
Бьемъ челомъ и кланяемся.

10. Примѣты.

Въ Тульской губерніи поселяне на этотъ день примѣчаютъ въ полдень колебаніе воды. Если рѣки, озера и болоты не волнуются вѣтромъ, лодки стоятъ покойно, то ожидаютъ, что осень будетъ тихая и зимой не будетъ мятелей.

11. Повѣрье.

Въ Рязанской губерніи, въ селеніяхъ, расположенныхъ на берегахъ рѣкъ Вожи и Быстрицы, есть преданіе, что на могилкахъ Перекольскихъ бываетъ чудо чудное, диво дивное. Тамъ, на болотѣ Ермачковомъ, бываетъ свистъ, слышны пѣсни. Кто свиститъ, кто поетъ—никто не вѣдаетъ. Изъ болота выбѣгаетъ на могилки бѣлая лошадь. Эта бѣлая лошадь обѣгаетъ всѣ могилки, прислушивается къ землѣ, раскапываетъ землю и жалобно плачетъ надъ покойниками. Зачѣмъ она бѣгаетъ, чтд слушаетъ, о чемъ плачетъ, никто не знаетъ, не вѣдаетъ. Ночью надъ могилками появляются огни и перебѣгаютъ на болото. А эти огни не то, что въ городахъ бываютъ на свѣчахъ, а въ деревняхъ на лучинѣ; нѣтъ эти огни горятъ по-своему, свѣтятъ иначе. Какъ загорятъ они, такъ видно каждую могилку, а какъ засвѣтятъ, то видно, что и на днѣ болота лежитъ, да ужъ такъ видно, что въ избѣ лавка. Пытались добрые люди поймать бѣлаго коня, дознать кто свиститъ, кто поетъ, поймать огонь на могилкахъ и на болотѣ. Не тутъ-то

было. Конь никому въ руки не дается, отъ свисту и отъ пѣсней только глохнутъ, а про огонь и нечего говорить. Вѣстимо дѣло: кто огонь поймаетъ? Поселяне говорятъ, что здѣсь когда-то было побоище. Сражались русскіе князья съ татарами, бились не на-животъ, а на-смерть. Татары начали одолѣвать князей, какъ ни отсюдова, ни оттудова выѣзжаетъ на бѣломъ конѣ невѣдомый богатырь съ своими сотнями. Бьетъ и колетъ татаръ, направо и налѣво и добилъ ихъ чуть не всѣхъ. Тутъ подоспѣлъ окаянный Батый; онъ убилъ богатыря, а бѣлаго коня загналъ въ болото. Съ тѣхъ поръ бѣлый конь ищетъ своего богатыря; а его сотня удалая поетъ и свищетъ, авось откликнется удалый богатырь.

15. Обычаи.

Во многихъ селеніяхъ Великой Руси, съ проходомъ Оспожинокъ, празднуютъ окончаніе жатвы. Этотъ праздникъ слыветъ у народа Успенщиною. Поселяне на мірскую складку варятъ пиво, убиваютъ барана, пекутъ пироги и сзываютъ родныхъ и сосѣдей на пиръ пировать. Наши старые бояре угощали на этотъ день своихъ крестьянъ и праздновали съ ними окончаніе жатвы. Поселянки выходятъ въ поле, обвязываютъ послѣдней соломой всѣ серпы, потомъ катаются по жнитвѣ, приговаривая: «жнивка, жнивка! отдай мою силку на пестъ, на колотило, да на молотило и на криво веротіоно». Послѣ сего послѣдній снопъ, именинный, наряжаютъ въ сарафанъ и кокошникъ, и съ пѣснями несутъ на гостиный дворъ. Здѣсь ихъ бояре встрѣчаютъ и угощаютъ обѣдомъ и виномъ. Снопъ во весь обѣдъ стоитъ на столѣ. Въ Юхновскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, къ именинному снопу придѣ-

лываютъ руки, на кичку надѣваютъ бѣлую насовку. Именинный снопъ двѣ бабы несутъ на рукахъ на господскій дворъ, а другія бабы вокругъ ихъ поютъ и пляшутъ. Приходя на дворъ, одна изъ бабъ выходитъ съ вѣникомъ и сѣчетъ снопъ съ припѣвами. Мужчины въ старое время прихаживали отъ всего міра съ караваемъ на барскій дворъ ударить боярину челомъ на новой новинѣ. Бояринъ угощалъ челобитчиковъ и всему міру крещеному посылалъ подарки. Въ Гродненской губерніи, по Украйнѣ, Подоліи и Волыніи, съ сжатіемъ послѣдняго снопа, сплетали съ пѣснями вѣнокъ и клали на голову почетной дѣвицѣ. Послѣ сего всѣ отправлялись на боярскій дворъ ударить челомъ своему боярину. Дѣвица на дворѣ вручала боярину вѣнокъ, а бояринъ, принимая вѣнокъ, цѣловалъ дѣвицу и угощалъ поселянъ. Такъ въ старину праздновалися на Руси Дожинки. Все это было воочію и быльемъ поросло. Старина, старина! Какъ была ты мила нашимъ предкамъ, и какъ мы, ихъ потомки, успѣли скоро промѣнять тебя на заморскія причуды!

Съ 15 августа начинаются осенніе хороводы въ городахъ и селахъ. Въ селахъ съ этого дня въ старину начиналось молодое бабье лѣто и продолжалось до 29 августа, до Ивана постнаго.

16. Посѣвы.

Степные поселяне посѣвъ озимаго хлѣба начинаютъ за три дня до Успеньева дня и продолжаютъ еще три дня послѣ. Все это зависѣло отъ погоды и скорой уборки. Были времена, говорятъ старики, что въ старину наши отцы отсѣвались къ Преображенію, а къ Успенію весь хлѣбъ стоялъ на гумнѣ. Предъ посѣвомъ, вся семья приносила

усердныя моленія ко Господу, женщины провожали мужей съ хлѣбомъ и солью, на телѣгу клали три снопа, а на нихъ въ мѣшкахъ укладывали рожь. На полѣ встрѣчали засѣвальщика ребята съ грешневой кашей. Послѣ отсѣванія, пирогъ и каша съѣдались всей семьей. Досѣвки въ старину отправлялись цѣлымъ міромъ и въ складчину. Въ городахъ съ этого дня начинаются великоденскія гулянья. Въ Тулѣ сходбище бываетъ на кладбищѣ, за оружейной стороной.

18. Примѣты.

Въ старину къ этому дню оканчивали поселяне посѣвъ. О лѣнивыхъ они говаривали: «кто сѣетъ рожь на Флоровъ день, у того родятся флорки». Въ Костромской губерніи говорятъ: «Съ Флорова дня засиживаютъ ретивые, а съ Семена лѣнивые».

Наши поселяне этотъ день празднуютъ съ своими лошадками. Купаютъ ихъ въ рѣкѣ, для корма даютъ овса, гривы убираютъ лентами, приводятъ къ церкви, гдѣ, послѣ молебна, кропятъ ихъ св. водой.

Въ степныхъ губерніяхъ съ этого дня начинаются помочи, работы, предпринимаемыя крещенымъ міромъ въ пользу вдовъ и сиротъ. Нашъ народъ говоритъ: на вдовій дворъ хоть щепку брось. На такихъ сходкахъ косятъ сѣно, сжинаютъ хлѣбъ, удобряютъ поля, рубятъ дрова, молотятъ снопы. Всѣ эти работы имѣютъ свои названія: полотушки, потрепушки, супрядки, назьмы, дровяницы, сѣновницы. Помочи у зажиточныхъ людей сопровождаются угощеніями. Для рабочихъ тогда выставляются на дворѣ столы съ хлѣбомъ-солью, пирогами,

или калачами, кадки съ брагой, сулейки съ виномъ. Такое угощеніе продолжается во все время работы.

19. Наблюденія.

Поселяне степныхъ мѣстъ наблюдаютъ въ это время теченіе вѣтра. Если дуетъ вѣтеръ съ юга, тогда они говорятъ: пошли овсы на спѣхъ. — Батюшка югъ пустилъ вѣтеръ на овесъ.

Въ Москвѣ на этотъ день бываетъ народное гулянье подъ Донскимъ монастыремъ; въ Тулѣ веселятся у Николы за валомъ.

22. Повѣрье.

Въ Тульской губерніи поселяне выходятъ ночью осматривать снопы и караулить ихъ отъ потѣхи лѣшаго. Они увѣрены, что въ эту ночь лѣшій выходитъ на луга и гумны потѣшиться надъ соломкой. Потѣхи лѣшаго заключаются въ раскидываніи сноповъ съ одного гумна на другое, или въ развязываніи ихъ. Если хозяинъ караулитъ свое гумно, то будто лѣшій тогда не смѣетъ подойти къ загороди. Поселяне, сбираясь въ ночную, надѣваютъ тулупъ навыворотъ, голову обвязываютъ полотенцемъ, для обороны берутъ кочергу. Приходя на гумно, они кочергою обводятъ кругъ и садятся въ него. Съ этими предосторожностями никакой лѣшій не смѣетъ подойти къ полю и гумну.

24. Наблюденія.

Поселяне замѣчаютъ въ этотъ день: если поспѣла брусника, то и овесъ созрѣлъ. Другіе говорятъ, что на этотъ день льны лупятся. По ихъ наблюденіямъ: ленъ двѣ

недѣли цвѣтетъ, четыре недѣли спѣетъ, а на седьмую сѣмя летитъ. Въ Сибири появляются съ этого дня первые морозы. Объ осеннихъ морозахъ тамъ говорятъ: морозы лупенскіе, покровскіе, екатерининскіе, михайловскіе.

26. Овсяницы.

Съ этого дня начинаютъ косить овесъ. Поселяне, въ первый день покоса, скосивши пукъ овса, вяжутъ снопъ, несутъ его съ пѣснями на боярскій дворъ, или въ свои избы. Снопъ ставятъ въ большой кутъ, подъ образа, въ сутки. Хозяинъ съ своими работниками садится за столъ. Здѣсь хозяйка начинаетъ угощать ихъ деженемъ — толокномъ, замѣшаннымъ на кисломъ молокѣ, или на водѣ съ медомъ, потомъ овсяными блинами. Гости, вставая изъ-за стола, благодарятъ хозяевъ: за сладкій деженъ и за сытые блины, спасибо, хозяинъ съ хозяюшкой! Въ старину угощеніе на боярскомъ дворѣ за овсяный снопъ состояло мужикамъ изъ деженя и браги, а бабамъ изъ грешневой каши. Во все время овсянаго покоса, за паужиною — полдникомъ, поселяне лакомятся толокномъ.

Въ Москвѣ на этотъ день бываетъ народное гулянье у Срѣтенскаго монастыря; въ Тулѣ веселятся у Георгія на Ржавцахъ.

28. Скирдницы.

Съ этого дня степные поселяне начинаютъ убирать сжатый хлѣбъ въ скирды. Тамъ изъ 13 сноповъ складываются прежде на поле: хрестцы, изъ хрестцовъ дѣлаютъ одонья и копны, изъ копенъ и одоней уже уби-

раютъ скирды. Въ сѣверныхъ губерніяхъ вмѣсто хрестцовъ дѣлаютъ суслоны, изъ озимаго хлѣба въ 13, изъ ярового въ 6 сноповъ. Въ другихъ мѣстахъ вмѣсто скирдовъ дѣлаютъ городки. Эти городки складываются въ три большихъ стѣны, а четвертая вполовину; или треугольникомъ въ три стѣны, или длинною полосою съ углами. Число сноповъ въ одоньяхъ и копнахъ соразмѣряется мѣстными обычаями.

29. Наблюденія.

Въ Тульской губерніи поселяне наблюдаютъ полетъ птицъ. Если журавли летятъ на Кіевъ, къ югу, тогда говорятъ: скоро наступятъ холода. Вообще, всѣ наблюденія о птицахъ они сохранили въ поговоркахъ: лебедь летитъ къ снѣгу, а гусь къ дождю. — Лебедь несетъ на носу снѣгъ. — Ласточка день начинаетъ, а соловей вечеръ оканчиваетъ. — Сколько разъ бухало (филинъ) будетъ бухать, по столько кадей хлѣба будетъ молотить съ овина.—Одна ласточка весны не дѣлаетъ. — Пѣтухъ не человѣкъ, а свое все скажетъ и бабѣ научитъ. — Чай, примѣчай, куда чайки летятъ. — Прилетѣла бы чайка, а то будетъ весна. — Видна птица, что журавль, коли летитъ на югъ. — У журавля та и дорога, что на теплыя воды летѣть.

Мѣсяцъ Сентябрь.

Слово: сентябрь, или септемврій — нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя, славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки назы-

валиего: рюинъ и рюенъ, малоруссы: вресень, поляки: вржесень, чехи: заржи, словаки: груденъ, сорабы: назимскій, карніольцы: кимовцъ, венды: деветникъ, лѣсеникъ и косаперскъ, кроаты: маломешнякъ, михолчакъ и рюянъ, иллирійцы: рюянъ. Народное названіе сентября: ревунъ. Первая недѣля сентября у народа извѣстна подъ именемъ семенской, вторая михайловской, третья никитской, четвертая дмитріевской. Въ старой русской жизни сентябрь былъ седьмымъ мѣсяцемъ; а когда годъ начали считать съ Семена лѣтопроводца, онъ былъ первымъ. Съ 1700 года онъ считается девятымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Наблюденія поселянъ о сентябрѣ мѣсяцѣ сохранились въ поговоркахъ: батюшка сентябрь не любитъ баловать. — Въ сентябрѣ держись крѣпче за кафтанъ. — Считай баба осень съ сентября по шапкамъ да по лаптямъ. — Понеслись вѣтерки съ полуночи, айда сентябрь! — Хвалилися бабы да бабьимъ лѣтомъ па Семенъ день, а того бабы не вѣдали, что на дворѣ сентябрь. — Зажигай огонь съ сентября въ избѣ и на полѣ. Въ сентябрѣ одна ягода, да и та горькая рябина. — Въ сентябрѣ и листъ на деревѣ не держится. — У мужика въ сентябрѣ только тѣ и праздники, что новыя новины.

1. Обычаи.

Первое сентября въ замосковныхъ селеніяхъ называется: бабьимъ лѣтомъ. Тамъ говорятъ: бабье лѣто восемь

дней. Это лѣто извѣстно у чеховъ, сербовъ, малоруссовъ и поляковъ. Малоруссы справляютъ свое бабыно лѣто. У чеховъ бабье лѣто слыветъ подъ именемъ паутиннаго, и отъ чего даже произошла у нихъ поговорка: «бабье лѣто летаетъ (babj leto ljta)». У карпаторуссовъ есть преданіе, что бабинъ морозъ заморозилъ на Полониныхъ горахъ (Альпійскихъ) бабу чародѣйку. Бабье лѣто въ другихъ мѣстахъ начинается съ 8 сентября. Въ Саратовской и Пензенской губерніяхъ этотъ день называется: пасиковымъ. Тамъ въ это время убираютъ улья. Въ Ярославской и Вологодской губерніяхъ тотъ же день называется луковымъ днемъ. Тамъ въ это время вырываютъ съ грядъ лукъ и чеснокъ. Въ Рязанской губерніи онъ слыветъ Аспосовымъ днемъ. Тамъ говорятъ: бабье лѣто по Аспосовъ день.

По погодѣ бабьяго дня судятъ поселяне объ осени. Въ Тульской губерніи замѣчаютъ: если первый день бабьяго лѣта будетъ яснымъ, то вся осень выдетъ теплая и ведряная. Въ Костромской губерніи есть свои примѣты. Тамъ, если на бабье лѣто луга будутъ опутаны тенетникомъ, гуси гуляютъ стадами, скворцы не летятъ, то осень будетъ протяжною и ведряною. Въ московскихъ окрестностяхъ по вечерней зарѣ также замѣчаютъ о теплой осени.

Въ Московской и Тульской губерніяхъ поселяне подъ Семенъ день тушатъ огонь, кромѣ тепла лампаднаго. Едва только начнетъ заниматься утренняя заря, вздуваютъ новый огонь. Въ старину новый огонь добывали изъ сухого дерева. Старики и старухи садились середи двора и терли сухое дерево объ дерево. Молодая невѣстка или дѣвица, или сынъ зажигали спицею новый огонь. Этимъ огнемъ топили печи въ избахъ и баняхъ, на засидкахъ зажигали свѣчи и лучину.

Въ селахъ съ Семена дня зачинались бабьи работы. Дневная работа начиналась съ пеньки и льна. Съ ранняго утра мнутъ и треплютъ пеньку, лепъ моютъ въ водѣ и стелятъ по лугамъ. На этотъ же день затыкаютъ красна. Вечеромъ садятся за пряслицы и веретены. Въ селахъ съ бабьяго лѣта начинаются осенніе хороводы.

Въ городахъ на Семенъ день отправляются игры, хороводы и обряды. Въ Тулѣ и Серпуховѣ дѣвушки хоронятъ мухъ и таракановъ. Серпуховскія дѣвушки хоронятъ мухъ въ морковныхъ и свекловичныхъ гробахъ. Въ это время выходятъ женихи смотрѣть невѣстъ. Тульскія дѣвушки хоронятъ мухъ въ садахъ въ рѣпныхъ гробахъ, а таракановъ въ щепкахъ. Это повѣрье основано на томъ, что будто отъ такого погребенія погибаютъ мухи и тараканы. Матушки, приглашая красныхъ дѣвушекъ, родныхъ и сосѣднихъ, позабавиться со своими дѣтками, приказывали чрезъ своихъ зватыхъ объявить гостямъ: у насъ де пироги напечены и медъ наваренъ. Въ старину богатые посадскіе люди ставили у воротъ ушаты съ брагой и пивомъ. Хороводники подходили къ воротамъ, гдѣ хозяева угощали ихъ.

Съ перваго августа начинаются у рабочихъ засидки, или Семенинскіе вечера. На этихъ засидкахъ зажигаются свѣчи, хозяева угощаютъ рабочихъ, и весь вечеръ проводится въ пѣсняхъ. Въ Кіевѣ объ этихъ засидкахъ говорятъ: женить Семена.

Семенъ день, бывшій прежде первымъ днемъ новаго года, отправлялся на Руси со всѣми веселіями. Московское празднество преимуществовало передъ всѣми. Москвичи, собравъ у себя гостей, проводили съ ними встрѣчный вечеръ до пѣтуховъ. Эти вечера бывали семейные: молодые

и старые сходились на Семенины посидѣлки къ старшему въ родѣ, съ тишиною и скромностію встрѣчать новое лѣто. Съ посидѣлокъ отправлялись къ заутрени въ церковь Симеона Столпника. Въ полночь ударяла въ Кремлѣ вѣстовая пушка, гудѣлъ колоколъ на Иванѣ Великомъ и городскія ворота растворялись настежъ. Такъ новый годъ возвѣщался на Руси. Съ разсвѣтомъ дня москвичи спѣшили въ Кремль, гдѣ патріархъ и царь встрѣчали новый годъ въ Успенскомъ соборѣ. Въ книгѣ: глаголемой Потребникъ мірской, 1639 г. находимъ: «чинъ препровожденію лѣту», или «на̂чало индикта, еже есть новое лѣто». Патріархъ Филаретъ совершалъ этотъ обрядъ на Ивановской площади, между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами. У Благовѣщенскаго собора устраивалось царское шатерничье мѣсто съ паволоками, а патріаршеское съ коврами. Патріархъ выходилъ, послѣ утренней службы, изъ Успенскаго собора въ западныя двери со святыми образами и духовенствомъ и на дворѣ, предъ вратами, совершалъ молитвословіе. Послѣ сего царь подходилъ къ евангелію и принималъ благословеніе отъ патріарха. Осѣнивши государя животворящимъ крестомъ, спрашивалъ о царскомъ здравіи. Потомъ отправлялись на Ивановскую площадь, гдѣ совершалось молебствіе съ водоосвященіемъ. Въ это время государь и патріархъ стояли на своихъ мѣстахъ. По окончаніи чина, патріархъ подходилъ къ государю и привѣтствовалъ его рѣчью:

«А государь боговѣнчанный, и благочестивый и христолюбивый царь и великій князь владимірскій, московскій, новгородскій, царь казанскій, царь астраханскій, и многихъ государствъ государь и обладатель и всея Русіи самодержецъ! Въ нынѣшній и настоящій день праздника

начало индикту, сирѣчь новаго лѣта, соборнѣ молили всемилостиваго, и всещедраго и человѣколюбиваго, въ Троицѣ славимаго Бога и пречистую Его Матерь, и всѣхъ святыхъ о вселенскомъ устроеніи святыхъ Божіихъ церквей, и о вашемъ государевѣ многолѣтномъ здравіи, Богомъ вѣнчаннаго, и благочестиваго и христолюбиваго государя нашего, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, и о болярѣхъ, и о христолюбивомъ воинствѣ, и о доброхотѣхъ, и о всѣмъ православномъ христіанствѣ, чтобы всемилостивый, въ Троицѣ славимый Господь Богъ нашъ, въ нынѣшній и въ настоящій годъ, и въ предбудущія многія лѣта, вамъ, великому государю, царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи, умножилъ лѣтъ живота вашего и даровалъ бы Господь Богъ вамъ, великому государю, и христолюбивому нашему воинству свыше побѣду, и крѣпость, и храбрость, и одолѣніе на вся видимые и невидимые враги, и возвысилъ бы Господь Богъ вашу царскую десницу надъ бесерменствомъ, и надъ латинствомъ, и надъ всѣми иноплеменными языки, иже бранемъ хотящая; и покорилъ бы Господь Богъ подъ нозѣ ваша всякаго врага и супостата, и царство бы ваше устроилъ мирно и немятежно во благоденствіи и во изобиліи плодовъ земныхъ. Дай Господи, чтобы вы, государь, царь и великій князь, всея Русіи самодержецъ, здравъ былъ съ своею государевою царицею и великою княгинею, а съ нашею великою государынею, и съ своими государевыми благородными чады, и съ своими государевыми богомольцы, съ преосвященными митрополиты, съ архіепископы и епископы, и со архимандриты и игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ боляры, и съ христолюбивымъ воинствомъ, и съ доброхоты, и со всѣми православными христіаны. Здравствуй, госу-

дарь, нынѣшній годъ и въ предбудущія многія лѣта въ родъ и родъ и во вѣки».

Послѣ сего, патріархъ, осѣнивъ государя крестомъ и окропивъ его св. водою, возвращался въ Успенскій соборъ. Государь привѣтствовалъ весь народъ своимъ милостивымъ словомъ. На его царскія рѣчи народъ восклицалъ: «здравствуй, здоровъ будь на многія лѣта, надежа государь». Изъ царской казны въ этотъ день раздавалась милостыня бѣднымъ и нищимъ — молить о многолѣтнемъ здравіи государя царя. Послѣднее торжество лѣтопровожденія было въ Москвѣ 1699 года. Здѣсь великій Петръ справлялъ старый обычай своихъ предковъ, сидя на престолѣ, въ царской одеждѣ. Въ 1689 году патріархъ Іоакимъ, отправляя чинъ лѣтопровожденія, поздравлялъ государя и говорилъ рѣчь по письму. Вѣроятно, эта рѣчь была одна и та же, что говорилъ патріархъ Филаретъ.

Въ старину, на Семенъ день пріѣзжали въ Москву ставиться на судъ предъ государемъ и его боярами. Неявившіеся на этотъ срочный судъ считались виноватыми. Челобитчикъ получалъ правую грамоту и по суду считался правымъ. Судебная формула: копиться жалобнымъ людямъ на судебный день въ Москву извѣстна со временъ великаго князя Іоанна Васильевича. Для монастырскихъ слугъ и крестьянъ были три срока въ году ставиться на судъ: Рождество Христово, Троицынъ и Семенъ дни. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій въ 1607 году уложилъ: «если не подадутъ челобитья по первое сентября о крестьянахъ, то, послѣ того срока, написать ихъ въ книги за тѣмъ, за кѣмъ они нынѣ живутъ».

Семенъ день считался срочнымъ днемъ для взноса оброковъ, даней и пошлинъ. Съ него начинались и оканчива-

лись всѣ условія между поселянами и торговыми людьми; съ него отдавались въ наемъ земли, рыбныя ловли и другія угодья. Въ условіяхъ писали: «платить оброкъ ежегодно на срокъ по Семенъ день лѣтопроводца».

Въ старину наши бояре выѣзжали на Семенъ день поохотиться за зайцами. Выѣзды бывали сборные, отъ богатаго боярина. У нихъ было повѣріе, что отъ Семенинскаго выѣзда лошади смѣлѣютъ, собаки добрѣютъ и не болятъ, первая затравка наводитъ зимою большія добычи. Выѣзды барскіе продолжались отъ одной недѣли до двухъ и болѣе, объѣзжали по всѣмъ островамъ (лѣсамъ). Для выѣздовъ готовились запасныя кушанья, наливки, меды и романеи, для ночлеговъ бирались шатры. Выходя на дворъ, бояре садились на коней, а псари, держа на сворахъ собакъ, кричали: восяй! Здѣсь-то раздавались завѣтныя, охотничьи слова: бери, бери, улю, лю, лю! Ту тутъ былъ, тутъ игралъ, тутъ сметку далъ.

Съ Семенина дня начинались запашки, особенное празднество поселянъ при опахиваніи полей. Для этого пиршества на мірскую складчину варилась брага, пекли пироги, убивался баранъ. Въ Костромской губерніи говорятъ: на Семенъ день до обѣда паши, а послѣ обѣда пахаря и валькомъ погоняй. Въ Тверской и Новгородской губерніяхъ говорятъ: на Семенъ день съ головней на постать (пахатная полоса земли) ходи. Костромичи говорятъ: на Семенъ день сѣмена выплываютъ долой изъ колосьевъ.

Наши предки на Семенъ день перебирались въ новые дома. Для сего сзывали родныхъ и почетныхъ гостей. На такое новоселье хаживалъ сзывать гостей самъ хозяинъ. Первыми гостями считались тесть съ тещей, сваты, дяди и кумовья. Гости напередъ присылали на новоселье хлѣбъ-

соль, по усердію и состоянію. Тесть присылалъ коня любимому зятю, а теща корову для внучатъ. Коня встрѣчалъ зять у воротъ съ поклонами и почетами изъ полы, у крыльца кормилъ ячменемъ и пшеницей изъ рукавицы, а въ конюшнѣ поилъ сытой медовой чрезъ серебро, изъ ковша. Корову провожала сама теща до зятина двора. Хозяинъ съ хозяйкой встрѣчали корову на дворѣ съ поклонами и ласковымъ словомъ, у крыльца кормили хлѣбомъ и съ радостью провожали всѣ свою буренушку до сарая. Кумъ съ кумой приносили на новоселье мыло и полотенцо. Встрѣча имъ была въ сѣняхъ, гдѣ угощали чаркою вина. Сваты приносили домашнюю птицу, и новыхъ переселенцевъ кормили на дворѣ овсомъ и гречихою. Всѣ званые сходились праздновать новоселье къ обѣду, и пиршество оканчивалось вечеромъ, съ большими проводами гостей.

Перейдемъ теперь къ тайной сторонѣ новоселья, раскроемъ повѣрье нашихъ отцовъ и ихъ заботу съ новымъ домомъ. Домъ готовъ, все отдѣлано, все припасено, все убрано; но не сдѣлано важнаго, не исполнено нужнаго. Это важное, это нужное не продается, не покупается. Объ немъ всѣ старшіе въ домѣ со страхомъ вспоминаютъ. А безъ этого нужнаго, какъ перейти въ новый домъ? Какъ будетъ жить? Давно ли были примѣты у сосѣдей, что въ новомъ домѣ пропадало и счастье, и богатство, и веселье? Если вы знаете завѣтныя тайны нашихъ отцовъ, вы уже догадались, что въ новый домъ нельзя перейти безъ домового дѣдушки. Онъ въ старомъ домѣ берегъ все хозяйское добро, холилъ домашній скотъ, радѣлъ и заботился о дворѣ пуще хозяйскаго глаза. И его ли оставить, бросить на старомъ попелищѣ? Можетъ быть, на новомъ дворѣ заведется лихой и грозный домовой? И вотъ хозяева рѣшаются пере-

весть съ собою и домового дѣдушку. Свекровь, или бабка, или старшая нянька отправляетъ съ стараго попелища молодую хозяйку, а сама топитъ печь въ послѣдній разъ. Весь жаръ выгребаетъ она изъ печи въ печурку и дожидается полдня. У ней уже заранѣе приготовленъ горшокъ съ скатертью. Ровно въ полдень, по солнцу, свекровь кладетъ въ горшокъ горячія уголья и накрываетъ его скатертью. Потомъ растворяетъ двери и, обращаясь къ заднему куту, говоритъ: милости просимъ, дѣдушка, къ намъ на новое жилье. Послѣ сего отправляется изъ стараго пепелища на новый дворъ. Здѣсь хозяинъ съ хозяйкой, у растворенныхъ воротъ, ожидаютъ уже дѣдушку съ хлѣбомъ-солью. Подходя къ воротамъ, свекровь стучится въ верею и спрашиваетъ: рады ли хозяева гостямъ? Ей отвѣчаютъ молодые хозяева съ низкими поклонами: милости просимъ, дѣдушка, къ намъ на новое мѣсто. Свекровь идетъ въ новые покои; впереди несетъ хозяинъ хлѣбъ-соль; сзади провожаетъ хозяйка. Входя въ избу, свекровь ставитъ горшокъ на загнетку, беретъ скатерть и трясетъ ее по всѣмъ угламъ, какъ будто выпуская домового; потомъ высыпаетъ всѣ уголья въ печурку. Съ восторгомъ и радостью садятся всею семьею за столъ и ѣдятъ хлѣбъ-соль. Горшокъ разбиваютъ и зарываютъ ночью подъ передній уголъ дома. Для предосторожности, чтобы злые люди не напустили на дворъ лихого домового, вѣшаютъ въ конюшню медвѣжью голову. Все это дѣлается будто для того, чтобы лихой не вступалъ въ борьбу съ добрымъ за жилое и не обезсилилъ бы его.

Въ старину, на Семенъ день бывали постриги и сажаніе на коня. Постриги совершались въ однихъ семействахъ на каждомъ сынѣ, а въ другихъ на одномъ пер-

венцѣ. Этотъ древній русскій обычай нынѣ прекращается. Въ нашихъ лѣтописяхъ, мы находимъ его въ 1191 г. едва ли не въ первый разъ. Онъ тогда былъ совершенъ надъ Ярославомъ, сыномъ великаго князя Всеволода (Кенигсбер. списокъ лѣтоп., стр. 286). Великій Всеволодъ III постригалъ сына своего Георгія: «быша постриги у великаго князя Всеволода Юрьева сына Долгорукаго сыну его князю Юрію въ градѣ Суздалѣ; того-же дни и на конь всадиша его (лѣт. по Никон. сп. т. III, стр. 226 подъ годомъ 6699). Въ 1230 году, «князь Михаилъ сотвори постриги сынови своему, Ростиславу въ Новѣгородѣ у святой Софіи; и у я власъ архіепископъ Спиридонъ» (полн. собр. русск. лит. т. III, стр. 46). Константинъ Всеволодовичъ постригалъ сыновей своихъ, Василія и Михаила, въ 1213 году (лѣт. по Никон. сп. т. II, стр. 314). Возрастъ, для постригъ не имѣлъ опредѣленнаго времени. Такъ Георгій Всеволодовичъ, рожденный въ 1189 г., былъ постриженъ въ 1191 г., слѣдственно на третьемъ году. Василій Константиновичъ родился 1209 г., а постриги его были въ 1213 г.,—на 4 году. Всеволодъ Константиновичъ родился въ 1210 г., а постриги его были въ 1213,—на 3 году. Древній обрядъ постриженія надъ великокняжескими дѣтьми совершался въ церкви, отъ руки епископа. Всѣ подробности этой старой жизни нашихъ отцовъ остаются въ неизвѣстности. Историкъ Татищевъ передалъ намъ о своихъ современникахъ, и послѣ него всѣ стали утверждать, что постриги на Руси прекратились. Въ 1840 году М. Н. Макаровъ въ «Русскихъ преданіяхъ» (кн. 3, стр. 52), разсказалъ, что въ родѣ Писаревыхъ сохранялись постриги и сажаніе на коня, и что онъ самъ то же испыталъ на себѣ. Замѣтимъ здѣсь: древнія постриги, вѣроятно, разнились въ

обрядахъ съ новыми, современными намъ. Нынѣ совершаются постриги между старообрядцами и простымъ народомъ болѣе по старой привычкѣ, нежели въ воспоминаніе древняго обряда. Казаки совершали постриги послѣ сорока дней отъ рожденія. Простой народъ совершаетъ постриги на Семенъ день, а другіе въ именинный день. Для сего созываютъ родныхъ, приглашаютъ кума съ кумой. Послѣ молебствія, отецъ подаетъ куму ножницы, а кумъ выстригаетъ у крестника гуменцо. Выстриженные волосы кума передаетъ матери. Волосы зашивали въ ладонку. Кумъ и кума выводили своего крестника на дворъ, гдѣ отецъ ожидалъ ихъ съ конемъ, а мать разстилала для нихъ коверъ. Здѣсь кумъ, на коврѣ, передавалъ своего крестника отцу съ ласковымъ словомъ, а отецъ, принимая своего сына съ поклонами, сажалъ на коня. Послѣ сего кумъ водилъ коня по двору за узду, а отецъ придерживалъ сына. У крыльца, отецъ снималъ сына съ коня и передавалъ его куму; кумъ отдавалъ его изъ-полы своей кумѣ съ поклонами; кума съ ласковымъ словомъ вручала его матери. Наконецъ отецъ съ матерью одаривали кума съ кумой, а они крестника. Подарки кума почти всегда состояли изъ коня, а кума дарила подпоясью и галицами. За обѣдомъ, на головѣ крестника, разламывали кумъ съ кумой именинный пирогъ, съ пожеланіемъ всякаго богатства и счастія. Наши поселяне ранѣе семи лѣтъ не приступаютъ къ постригамъ. Первенца постригаютъ кумъ съ кумой, а всѣхъ другихъ сыновей отецъ съ матерью, по прошествіи трехъ лѣтъ, безъ всякихъ обрядовъ. Выстриженное гуменцо сохранялось до самой смерти. Въ старину, на боярскія постриги прихаживали крестьяне съ челобитьемъ и подарками. Челобитчиковъ угощали виномъ и именниннымъ пирогомъ.

Въ Новгородской губерніи, въ селеніяхъ около Валдая, есть повѣріе, что на Семенъ день рыба угорь утренней зарей выходитъ изъ воды и прогуливается лугомъ на три версты по росѣ. Эта рыба будто тогда смываетъ съ себя всѣ болѣсти. Наши поселяне считаютъ угорь въ числѣ непозволенныхъ яствъ. Одна только крайность заставляетъ мужика покуситься на эту рыбу, но и то съ условіемъ: обойди напередъ семь городовъ, и если не сыщешь никакой яствы, тогда можно ѣсть угорь, не касаясь головы и хвоста. Они считаютъ его за водяного змѣя, хитраго и злобнаго, но, за какіе-то грѣхи, лишеннаго жалить людей и звѣрей. При всемъ томъ колдуны употребляютъ его въ своихъ кудесахъ, когда нужно знать о пропажѣ. Тогда они кладутъ угорь на горячія уголья и по прыжкамъ и движеніямъ гадаютъ, гдѣ скрыта пропажа.

8. Аспосовъ день.

На Аспосовъ день нашъ народъ встрѣчаетъ: осенины играми и пѣснями. Рано утромъ женщины выходятъ къ берегамъ рѣкъ, озеръ и прудовъ встрѣчать матушку осенину съ овсянымъ хлѣбомъ. Старшая женщина стоитъ съ хлѣбомъ, а молодыя вокругъ ея поютъ пѣсни. Послѣ сего разламываютъ хлѣбъ на куски по числу народа и кормятъ имъ домашній скотъ.

Въ Тульской губерніи къ новобрачнымъ сходились всѣ родные и знакомые. Такихъ гостей позыватый приглашалъ: навѣстить молодыхъ, посмотрѣть на ихъ житье-бытье и поучить ихъ уму-разуму. Послѣ сытнаго обѣда, молодая хозяйка показывала въ домѣ все свое хозяйство. Гости, по обыкновенію, должны были хвалить и учить уму-разуму. Хозяинъ водилъ гостей на дворъ, пока-

зывалъ имъ въ амбарахъ жито, въ сараяхъ лѣтнюю и зимнюю упряжь, а въ саду угощалъ пивомъ изъ боченка.

12. Примѣты.

Въ селеніяхъ Московской губерніи есть повѣріе, что змѣи съ этого дня перебираются изъ полей въ лѣса и уходятъ въ землю.

14. Примѣты и обычаи.

Поселяне Рязанской, Тамбовской и Тульской губерній сохранили свои наблюденія въ поговоркахъ: шуба за кафтаномъ тянется. — Гадъ и змѣя не движется, а хлѣбъ съ поля сдвинется. — Вздвиженскія зазимки мужику не бѣда. — Смекай баба про капусту, на Вздвиженьевъ день. — У добраго мужика на Вздвиженьевъ день и пирогъ съ капустой.

Съ сего дня въ городахъ начинаются дѣвичьи вечеринки — капустницы. Это народное торжество, отправляемое горожанками, извѣстно во многихъ мѣстахъ. Въ Алексинѣ, уѣздномъ городѣ Тульской губерніи, дѣвушки, въ богатыхъ уборахъ, ходятъ съ пѣснями изъ дома въ домъ рубить капусту. Въ домахъ, гдѣ приготовлена для гостей капуста, убирается особенный столъ съ закусками. За дѣвицами является молодежь съ своими гостинцами высматривать невѣстъ. Вечеромъ по всему городу разыгрываются хороводы. Въ Сибири на капустенскіе вечерки приглашались сосѣдки. Тамъ капустницы, входя въ домъ, поздравляли хозяевъ съ капустой, какъ съ праздникомъ. Для добрыхъ гостей варилось пиво, приготовлялся обѣдъ и ужинъ, гдѣ все торжество хозяйки составлялъ пирогъ

хлѣбальный. День оканчивался плясками и играми. Капустницы на Руси продолжались двѣ недѣли.

15. Наблюденія.

Гусиные промышленники и охотники празднуютъ сей день съ особенными обрядами. Въ старину охотники хаживали по дворамъ съ пшеницей въ рукахъ. Входя на дворъ они стучали въ притолоку и вызывали хозяина показать свою охоту. Хозяинъ встрѣчалъ гостя на крыльцѣ и уводилъ его на загородь, гдѣ содержались гуси. Здѣсь хозяинъ угощалъ гостя чаркою вина, а гость разсыпалъ гусямъ пшеницу. Такія посѣщенія продолжались во весь день и оканчивались вечеромъ пирушками. Друзья охотники дарили другъ друга лучшими гусями. Гусь передавался изъ полы въ полу, съ особенными пожеланіями и проводами до воротъ, гдѣ чарка съ виномъ скрѣпляла будущія увѣренія въ дружбѣ. Вечернія угощенія происходили въ домѣ богача охотника. Здѣсь круговыя чаши съ виномъ и медомъ стояли съ самаго утра на столѣ. Гость, входя въ домъ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, угощался изъ этой чаши виномъ или медомъ и клалъ на столъ калачъ на новоселье гусямъ. Послѣ сбора всѣхъ гостей, хозяинъ вносилъ въ комнату пару гусей-бойцовъ на похвальбу своей охоты. Гуси-бойцы украшались красными лентами. Надъ головами этихъ красавцевъ всѣ гости пили изъ круговой чаши вино, или медъ. Хозяинъ сбрызгивалъ гусей-бойцовъ медомъ. Нерѣдко бывало, что ретивые охотники на веселой пирушкѣ заводили споры и побоища.

Поселяне сей день называютъ: гусепролетъ, гусари, рѣпорѣзы. По ихъ замѣчаніямъ, съ этого дня дикіе гуси

улетаютъ стадами на теплыя моря. По крику гусей и полету они заключаютъ о наступленіи скорыхъ холодовъ. Огородники начинаютъ на этотъ день вырывать въ поляхъ рѣпу. Тогда они говорятъ: ужъ видно мужика по рѣпѣ, что подошли рѣпорѣзы.—Не дремли баба на рѣпорѣзовъ день. Гусиные промышленники съ этого дня начинаютъ скупать по селамъ гусей. Въ селахъ бой гусей прежде начинался съ 15 сентября. Когда наши бояре живали въ деревняхъ, имъ подносили старики на челобитье гуся съ гусыней отъ всего міра. Гусыню накрывали кумачной ширинкой, а на шею гуся надѣвали льняную плетенку въ видѣ кольца. Челобитчиковъ бояре одаривали ширинками и угощали виномъ.

Наши поселяне сохранили странное повѣрье о гусяхъ: будто они все лѣто живутъ подъ надзоромъ водяного дѣдушки. Чтобы задобрить сего неумолимаго дѣдушку, они ночью, подъ 15 сентября, отрываютъ гусю голову и бросаютъ туловище въ воду. Водяной за такія поминки стережетъ гусей и никому не дастъ ихъ въ обиду. Въ противномъ случаѣ, онъ мучитъ гусей, или изводитъ ихъ. Оставшуюся голову относятъ на птичій дворъ изъ опасенія, чтобы домовой по убыли не узналъ о продѣлкахъ мужика. Извѣстное дѣло, что заботливый домовой ведетъ счетъ по головамъ. Есть голова на-лицо, онъ покоенъ; нѣтъ головы, мужикъ виноватъ.

Во многихъ городахъ на этотъ день бываютъ гулянья, а въ селахъ ярмарки. Въ Ярославлѣ бываетъ гулянье на Никитской улицѣ, въ Москвѣ близь Никитскаго монастыря. Наши поселяне въ старину пріѣзжали съ своими новинами на ярмарки, не то чтобы для продажи, а такъ за-просто, чтобы допытаться: какія цѣны установятся на хлѣбъ?

18. Примѣты.

Наши поселяне замѣчаютъ о послѣднемъ полетѣ журавлей на теплыя моря. Если въ сей день полетятъ журавли, то на Покровъ будетъ первый морозъ. Если не случится замѣтить имъ полета журавлей, то ожидаютъ перваго мороза не ранѣе 20 октября. Тогда дѣти и взрослые, замѣтивши издали журавлей, кричатъ: колесомъ дорога! колесомъ дорога! Они твердо увѣрены, что сей крикъ разстраиваетъ журавлей; отвращаетъ ихъ отъ полета на теплыя моря, а съ ними вмѣстѣ возвращается и зима назадъ Въ Тулѣ очень часто мои земляки спорили о возможности этимъ средствомъ отдалить зиму.

20. Наблюденія.

Поселяне въ сей день замѣчаютъ теченіе вѣтровъ. Такъ на Онегѣ шелоникъ вѣтеръ, дующій съ югозапада, производитъ бури. Рыбаки о немъ говорятъ: вѣтеръ шелоникъ на Онегѣ разбойникъ. Другіе вѣтры называютъ тамъ: зимнякъ, сѣверикъ, подсѣверный, меженецъ. Галицкіе рыбаки вѣтеръ, дующій вдоль озера, называютъ продольнымъ; второй восточный отъ столбища, гдѣ когда-то, близь княжескаго дворца, стоялъ столбъ; третій среднимъ, когда онъ дуетъ съ сѣвера; четвертый ребровскимъ, когда онъ дуетъ отъ села Реброва. Средній вѣтеръ, дующій при началѣ ловли, по ихъ замѣчаніямъ, приноситъ съ собою стужу и дождь. Сѣверный вѣтеръ почитается у нихъ самымъ опаснымъ, а въ окрестности называется: галицкими ершами. О немъ рыбаки говорятъ: подули галицкіе ерши. На озерѣ Селигерѣ есть свои названія. Тамъ попутный вѣтеръ называютъ: повѣ-

теръ, сѣверо-восточный: межникъ, меженецъ, противный: противень, боковой, покачень, боковикъ. Южный вѣтеръ волжскіе рыбаки называютъ: хилокъ, и считаютъ его предвѣстникомъ ведра. Наши степные поселяне имѣютъ свои названія. Сладимые вѣтры, дующіе съ юга, при началѣ посѣва, обѣщаютъ плодородіе. Вѣтеръ веснякъ, дующій съ юго-востока, разбиваетъ почку у деревъ. О вѣтрахъ полуденномъ и полуночномъ они имѣютъ свои повѣрья. Всѣ подробности о вѣтрахъ съ ихъ олицетвореніями будутъ изложены въ Русской народной символикѣ. Свѣжій, юго-восточный вѣтеръ на Волгѣ называется: моряно, моряна. Когда тамъ говорятъ: «дуетъ моряна», то это значитъ, что вѣтеръ дуетъ съ моря. Тамъ онъ всегда поднимаетъ воду въ Волгѣ, что рыбаки называютъ нагономъ. Перекатомъ называютъ перемѣнный, благопріятный вѣтеръ, дующій на Каспійскомъ морѣ. При перекатахъ идетъ рыба на ловлю. Перекатомъ дошелъ — у нихъ значитъ: проплылъ перемѣнными, попутными вѣтрами въ морѣ. Сорочикомъ или соровчакомъ называется въ Каспійскомъ морѣ вѣтеръ, дующій съ сѣверо-восточной стороны. Вѣтры на Байкальскомъ озерѣ имѣютъ свои названія. Встокъ есть вѣтеръ восточный, шелоникъ—юго-восточный, полудникъ—южный, глубникъ—юго-западный, горный—сѣверо-западный, обетонь—дующій прямо, битезь—наискось, колышень—зыбленіе воды подъ вѣтромъ, пурга—вьюга и метелица съ вѣтромъ и снѣгомъ, толкунцы — бурные вѣтры со шквалами. На Бѣломъ морѣ зводнями называются валы, обѣдникомъ — юго-восточный вѣтеръ, шелоникомъ — юго-западный, полудникомъ — сѣверо-западный, полуношникомъ — сѣверо-восточный, голымя — вѣтръ, дую-

щій въ открытое море. Въ Тулѣ московскимъ вѣтромъ называютъ сѣверо-западный; онъ, по мнѣнію ихъ, приноситъ съ собою холодъ и дожди. Кіевскимъ величаютъ южный; объ этомъ думаютъ, что онъ приноситъ съ собою теплую погоду. Можетъ быть, современемъ, успѣемъ привести въ извѣстность всѣ мѣстныя названія вѣтровъ, успѣемъ ими замѣнить нашу морскую технику. Всѣ эти ожиданія скорѣе исполнятся нашими потомками. Мы слишкомъ спѣсивы.

21. Заревницы.

Съ этого дня наши бояре въ старину начинали замолотки. Съ вечера топились овины, около ихъ собирались молотильщики и всю ночь проводили съ пѣснями и играми. Съ полуночи зажигались костры — заревницы и начинались замолотки. Первый овинъ наши поселяне называютъ именининымъ. Для именининнаго овина варятъ молотильщикамъ кашу. Садясь за завтракъ, они говорятъ: хозяину хлѣба ворошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ. Вечеромъ бояре угощали на своемъ дворѣ молотильщиковъ пирогами и брагою.

25. Примѣты.

Наши поселяне по погодѣ сего дня замѣчаютъ объ установленіи зимы. Первый снѣгъ, по ихъ наблюденіямъ, выпадаетъ за 40 дней до зимы. О первомъ снѣгѣ они говорятъ: если выпадетъ первый снѣгъ на Сергіевъ день, то зима установится на Михайловъ день. Они думаютъ, что первый снѣгъ выпадаетъ отъ Сергіева дня въ продолженіе четырехъ семинъ (недѣль). На основаніи этихъ данныхъ выводятся всѣ ихъ разсчеты. Числа: 5, 11 и 21

ноября и 6 декабря принимаются за основныя указанія установки зимы. Впрочемъ, эти правила принадлежатъ мѣстностямъ и имѣютъ свои исключенія.

30. Наблюденія.

Вечеромъ молодыя бабы въ степныхъ селеніяхъ сжигаютъ свои соломенныя постели — однѣ въ печахъ, другія въ овинахъ. Все это дѣлается будто отъ призора недобраго глаза. Съ этой ночи онѣ уже спятъ на новыхъ постеляхъ. Между тѣмъ, старушки сжигаютъ только одни лапти. Дѣтей купаютъ на порогѣ изъ рѣшета. И это все дѣлается въ избѣжаніе будущихъ болѣзней.

Мѣсяцъ октябрь.

Слово октябрь, или октоврій — нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя, славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки, кроаты и иллирійцы называли его: листопадъ, поляки и малоруссы: паздерникъ (паздерыкострики), сорабы: винскій, карніольцы: косаперскъ, чехи и словаки: ржіень, венды: оброчникъ, десетникъ, косоперцъ. Народное названіе сего мѣсяца: грязникъ. Въ старой русской жизни октябрь былъ восьмымъ мѣсяцемъ, съ XV вѣка вторымъ. Съ 1700 года считаютъ его десятымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Наши поселяне объ октябрѣ сохранили свои наблюденія въ поговоркахъ: мни и топчи льны съ половины грязника. — Знать осень въ октябрѣ по грязи. —

Въ октябрѣ та бабамъ и работа, что льны приспѣвать. — Всѣмъ бы октябрь взялъ, да мужику ходу нѣтъ.—Охъ ты, батюшка октябрь! только и добра въ тебѣ, что пивомъ взялъ.—Въ октябрѣ и изба съ дровами и мужикъ съ лаптями, а спорины все нѣтъ.—Въ октябрѣ только и ягодъ, что рябина.—Въ октябрѣ мужикъ живетъ съ оглядкой.

1. Наблюденія.

Въ Сибири говорятъ: Покровъ не лѣто, а Срѣтенье не зима. Въ сѣверныхъ губерніяхъ поселяне говорятъ: на Покровъ первое зазимье. Въ Тульской губерніи замѣчаютъ: Если на Покровъ вѣтеръ подуетъ съ востока, то зима будетъ холодна.

1 октября у нашихъ поселянъ бываетъ срокомъ работъ и наймовъ. Этотъ срокъ у нихъ заключается въ выраженіяхъ: отъ Покрова до Евдокей.— Отъ Покрова до Крещенья.— Приспѣй товарецъ къ Покрову.— Сдамъ на Покровской ярмаркѣ.— Подожди до Покрова: весь долгъ выплачу.

Съ 1 октября въ селахъ начинаются свадьбы. Наши старушки выпаденіе снѣга на этотъ день считаютъ счастливымъ предзнаменованіемъ для обрученныхъ. Тогда дѣвицы говорятъ: Батюшка Покровъ, покрой сыру землю и меня молоду. Иные говорятъ: бѣлъ снѣгъ землю прикрываетъ, не меня ли молоду замужъ снаряжаютъ?

Покровское гулянье считается послѣднимъ игрищемъ у поселянъ и горожанъ. Гулянье въ селѣ Покровскомъ доселѣ напоминаетъ москвичамъ объ окончаніи войны 1613 года.

4. Повѣрье.

Наши поселяне думаютъ, что съ сего дня перестаютъ бродить по лѣсу лѣшіе. Разставаясь съ лѣсомъ, они, будто съ досады, ломаютъ деревья какъ тросточки, въ полянахъ вырываютъ землю на семь пядей, загоняютъ всѣхъ звѣрей по норамъ, а сами проваливаются сквозь землю. Во весь день вѣтеръ воетъ по лѣсамъ, птицы не смѣютъ прилетать къ деревьямъ. Объ мужикѣ и говорить нечего: ни за что изъ доброй воли не пойдетъ въ лѣсъ. Лѣшій не свой братъ— переломаетъ всѣ косточки не хуже медвѣдя. Между поселянами существуетъ преданіе объ удаломъ мужикѣ, желавшемъ подсмотрѣть, какъ лѣшій будетъ проваливаться сквозь землю.

«Жилъ когда-то въ деревнѣ мужикъ, не въ нашей, а тамъ, въ чужой, собой не мудрой, но за то такой проворной, что всегда и вездѣ поспѣлъ первый. Поведутъ ли хороводы, онъ первой впереди; хоронятъ ли кого, онъ и гробъ примѣряетъ и на гору стащитъ; просватаютъ ли кого, онъ поселится отъ рукобитья до самой свадьбы, и поетъ и пляшетъ, обновы закупаетъ и бабъ наряжаетъ. Отродясь своей избы не ставилъ, городьбы не городилъ, а живалъ въ чуждй избѣ, какъ у себя во дворѣ. Хлебалъ молоко отъ чужихъ коровъ, ѣлъ хлѣбъ изо всѣхъ печей, выѣзжалъ на базаръ на барскихъ коняхъ, накупалъ гостинцевъ для всѣхъ деревень. Въ деньгахъ счету не зналъ. У кого нѣтъ избы, онъ дастъ денегъ на избу; у кого нѣтъ лошадки, онъ дастъ денегъ на пару коней. Одного только не знали православные: откуда къ нему деньги валятся? Старики поговаривали, что онъ продалъ свою душу нечистому за деньги, и утверждали за правду, что трудовая копѣйка не велика

и для своей нужи. А у него, отчего же завелись деньги для всѣхъ? Съ работы де не будешь богатъ, а только горбатъ. Бабы говорятъ свое: старики никогда правды не скажутъ. Ну, кто бабъ переспоритъ? Молодые судили по-своему: онъ де кладъ нашелъ съ золотомъ и серебромъ. Вотъ отчего и богатство. Бабы и тутъ стояли на своемъ: что молодые знаютъ? Молодо зелено. Поди, увѣрь ихъ, что молодые не дураки, такъ послѣ и бѣги самъ съ бѣла свѣта. Старушки увѣряли своихъ кумушекъ, что удалой таскаетъ свои деньги изъ воропьяго гнѣзда. Тамъ де никогда деньгамъ перевода нѣтъ. Вотъ затѣмъ-то онъ и въ лѣсъ ходитъ всякій день. Бабы и тому не вѣрили: гдѣ де старухамъ знать? Давно изъ ума выжили! А скажи бабамъ, что старухи умнѣе ихъ, такъ и въ избѣ мѣста не дадутъ. Одинъ только староста говаривалъ подъ хмѣлькомъ, что онъ знаетъ всю правду. Старостѣ можно было бы повѣрить: мужикъ онъ богатый, поитъ стариковъ брагой, кормитъ ребятъ пирогами. Все это говорятъ мужики; а бабы думаютъ другое: староста де все дѣлаетъ по женину велѣнью. Что скажетъ его баба, такъ тому и быть. А съ бабьимъ умомъ далеко ли уйдешь? Послушайте-ка, что сосѣди говорятъ про старосту. Разъ случилась на него, старосту, бѣда: недочетъ вышелъ въ подушныхъ. Вотъ онъ и началъ спрашивать бабу издалека: хвалишься ты, баба, что умнѣй тебя нѣтъ, а знаешь ли ты, баба, сколько у насъ въ селѣ дворовъ? — Знать, не знаю, а сочту поумнѣй твоего. И начла баба всѣхъ тридцать дворовъ.— Староста сидитъ за столомъ, бороду поглаживаетъ, на бабу поглядываетъ, да и молвитъ: дворовъ-то было тридцать еще до тебя, когда я не женился, а ты, баба, замужъ не шла. А знаешь ли ты, баба, сколько подушнаго съ мужиковъ идетъ? — Вотъ еще чего не

знать! Съ Петрова по рублю, съ Евдокей по рублю, съ Радуницъ по рублю; а сколько всего, ты самъ смекни, умная голова. — Сидитъ мужикъ и думаетъ: нѣтъ эдакъ и въ годъ не сочтешь! Есть дворы вдовьи, есть и въ пустѣ. Въ приказѣ уряжено со вдовьяго двора не брать, а съ пустого нечего взять. И пошелъ староста къ удалому мужику на совѣтъ, ума-разума набраться. А пошелъ было онъ не просто съ поклонами, а съ дорогими посулами: съ виномъ и пряникомъ. Дозналась баба, что у мужа на умѣ сидитъ, такъ и не вѣсть что было: и била-то его, и бранила-то его, и на недѣлю въ амшеникъ заперла. Ну сами вы, православные, народъ толковый, посудите поумнѣй: можно ли вѣру дать старостѣ, что онъ говоритъ? Другое дѣло удалой мужикъ: ума палата. Все знаетъ, что на свѣтѣ дѣлается: какъ на торгу купецъ торгуетъ; какъ въ городѣ воевода судитъ-рядитъ; какъ бояре живутъ въ каменной Москвѣ. Кажись, мужику чего бы больше и знать? Такъ нѣтъ: давай то, что не знаю, говори то, что не вѣдаю. Нашъ удалой одного только не зналъ: какъ лѣшіе проваливаются сквозь землю. Задумалъ мужикъ самъ собой посмотрѣть на лѣшаго, да и былъ таковъ. Ну что бы ему попросить совѣта у бабъ? Все бы лучше присудили: какъ миновать бѣды? Старики прежде насъ говаривали, что бабы на это дѣло умнѣй мужиковъ. Вотъ и ходитъ мужикъ по лѣсу, а тутъ навстрѣчу ему лѣшій. Онъ и тутъ не сробѣлъ: шапку долой, да и ему-жъ челомъ. Извѣстное дѣло, что лѣшій не говоритъ, а только смѣется. Удалой себѣ на умѣ молвитъ: нѣтъ, братъ, меня этимъ не проведешь, смѣйся себѣ, сколько хочешь. Лучше попытаю: гдѣ его жилье? И началъ пытать его, вотъ такъ: а есть ли у тебя, Иванычъ, хата да жена баба? — И повелъ лѣшій мужика къ своей

хатѣ, по горамъ, по доламъ, по крутымъ берегамъ. Шли, шли и пришли прямо къ озеру. — Не красна же твоя изба, Иванычъ, молвилъ удалой. У насъ, братъ, изба о четырехъ углахъ, съ крышкой да съ поломъ. Есть въ избѣ печь, гдѣ ребятамъ лежать, есть полати, гдѣ съ женой спать, есть лавки, гдѣ гостей сажать. А у твоей хаты, прости Господи, ни дна, ни покрышки.— Не успѣлъ мужикъ домолвить слова, какъ бухъ лѣшій о землю: земля-то разступилась, туда и лѣшій попалъ. Съ тѣхъ поръ удалой сталъ дуракъ дуракомъ: ни слова сказать, ни умомъ пригадать. Такъ дуракомъ померъ. Зачѣмъ было ему смотрѣть на лѣшаго? Хотѣлъ умнѣй всѣхъ быть. Да и чего набраться у него, лѣшаго? Важное дѣло: смотрѣть, какъ будетъ онъ сквозь землю проваливаться! Небось, весною опять выскочитъ изъ земли, какъ ни въ чемъ не бывало. Вишь ихъ такая порода».

10. Примѣты.

Поселяне выходятъ смотрѣть на мѣсяцъ: куда онъ смотритъ? Если золоты рога у мѣсяца на полночь, то оттуда повѣютъ метели со снѣгомъ и зима ляжетъ по суху; если рога на полдень, то прежде наступятъ грязи и зима долго не станетъ.

12. Наблюденія.

Въ степныхъ селеніяхъ съ сего дня наблюдаютъ появленіе звѣздъ съ полудня и полуночи. Наша народная астрономія очень мало извѣстна грамотнымъ людямъ, и многіе даже не вѣрятъ ея существованію. Всѣ подробности, мнѣ извѣстныя, будутъ изложены въ Русской символикѣ; здѣсь предлагаю однѣ примѣты о звѣздахъ.

Чигирь звѣзда. Такъ поселяне называютъ Венеру. Преданіе о сей планетѣ заключается въ томъ, что она показываетъ человѣку счастіе и несчастіе, что̀ дѣлать и чего нѣтъ. Наши грамотные старики записали о ней слѣдующее: «сія бо звѣзда едина именемъ Чигирь есть, межъ всѣми звѣздами 10 мѣстъ во всякомъ мѣсяцѣ имѣетъ, а по трижды приходитъ на всякое мѣсто коегождо мѣсяца. Сіе есть великая мудрость. Аще кто добръ гораздъ и разумѣетъ мѣсячному нарожденію, той видитъ и кій кругъ вѣдаетъ сія звѣзда Чигирь. Аще кому ѣхати, или идти куда, или селиться, смотри, на которую сторону та звѣзда стоитъ: аще она станетъ противу, и ты противу ея не ѣзди ни куды. Во дни 1, 11 и 21, стоитъ Чигирь на востоцѣ, и ты храмины не ставь, на дворѣ главы своей не голи. Во дни 2, 12, 22 стоитъ Чигирь межъ востокомъ и полуднемъ, и ты съ женою не спи; ино рожденное будетъ курчя и безплодно. Во дни 3, 13, 23 стоитъ Чигирь на полудни, и ты въ тѣ дни въ полдни не купайся, въ баню не ходи: изойдешь лихомъ, или учинится переполохъ».

Сажаръ звѣзда. Сажаромъ поселяне называютъ Медвѣдицу. Они думаютъ, что это созвѣздіе благопріятствуетъ охотникамъ отыскивать звѣрей и что медвѣди живутъ подъ ея защитой. За воровство и кражу Сажары наводятъ сонъ на медвѣдей во всю зиму. Когда Сажары глядятъ на землю, тогда медвѣди бываютъ смирны и не нападаютъ на человѣка. Основываясь на этомъ преданіи, охотники пускаются въ лѣсъ только при появленіи Сажаръ.

Гнѣздо утиное звѣзда. Такъ поселяне называютъ Плеяды. Они думаютъ, что Гнѣздо населено духами, въ послѣдній день новолунія горитъ яркимъ огнемъ и что то-

гда тамъ бываетъ праздникъ. По яркому свѣту поселяне угадываютъ о погодѣ всего мѣсяца.

Кигачи звѣзда. Такъ поселяне называютъ Оріоновъ поясъ. Въ Костромской губерніи по этому созвѣздію поселяне узнаютъ время. Въ степныхъ селеніяхъ говорятъ, что Кигачи ѣздятъ впятеромъ по небу на колесницахъ, по тысячѣ верстъ на часъ. Гдѣ они станутъ на небѣ на постой, на землѣ поютъ пѣтухи. Кигачи такіе же люди, какъ и мы; только ростомъ и дородствомъ непохожи на насъ.

Желѣзное колесо. Такъ поселяне называютъ Арктическій поясъ. Они думаютъ, что тамъ заключены татары и что ихъ избавленію не будетъ конца. Заключены они, татары, въ желѣзный домъ; а домъ тотъ стоитъ отъ земли до неба, на желѣзномъ колесѣ.

Дѣвичьи зори. Такъ поселяне называютъ три звѣзды подлѣ Млечнаго пути. Они разсказываютъ: «жили когда-то на бѣломъ свѣтѣ три родныя сестры; а были тѣ три сестры родствомъ и дородствомъ сестра въ сестру; что глядѣть на одну, то увидишь и на другой. Жили тѣ три сестры въ одномъ домѣ, безъ отца и безъ матери, сами правили домомъ, сами пахали, сами хлѣбъ продавали. Приходили сваты и свахи сватать тѣхъ сестеръ за молодыхъ ребятъ; придутъ сваты къ воротамъ, ворота сами растворяются; пойдутъ къ избѣ, двери сами отойдутъ настежъ, взойдутъ въ избу, въ избѣ нѣтъ ни живого, ни мертваго, какъ послѣ мора. Постоятъ, постоятъ, такъ и пойдутъ ни съ чѣмъ. Выйдутъ на улицу, посмотрятъ на окна, а у оконъ сидятъ три сестры вмѣстѣ, прядутъ одну кудель. Вотъ и придумали бабы сжить тѣхъ трехъ сестеръ; онѣ де повѣдмились, оттого и живутъ врозь отъ народа кре-

щенаго. Сдумано и сдѣлано. Пойдутъ ночью зажигать городьбу, глядятъ — городьбу и огонь не беретъ. Зажгутъ избу, и изба не горитъ. Пытались бабы достать и живой огонь въ Ивановскую ночь; и тотъ огонь не беретъ ихъ. Ходили по знахарямъ и колдунамъ; и тѣ ума не приложатъ, что̀ съ тремя сестрами дѣлать. Ужъ какіе кудесы не строили надъ ними? Имъ все ничего. Вотъ разъ и видятъ бабы: летитъ огненный змѣй по селу и прилетѣлъ прямо въ избу къ тремъ сестрамъ. Чтожъ, скажите, змѣй въ избу влетѣлъ? Не тутъ-то было: побѣгалъ, побѣгалъ вокругъ избы, да и прочь полетѣлъ. Вотъ, такъ народецъ, думаютъ бабы— и змѣй не беретъ ихъ. Ну, гдѣ тутъ сладить бабамъ? Дознались бабы, что померли тѣ три сестры. Хочется бабамъ поглядѣть на тѣхъ трехъ сестеръ, да какъ войти въ избу? Страшно и подумать, кому идти напередъ. Всякому своя жизнь дорога. Сжалились мужики надъ бабами, да и пошли сами впередъ. Подходятъ къ городьбѣ, городьба разступилась на четыре стороны; подходятъ къ избѣ, изба разсыпалась на мелкія щепки. Тутъ-то мужики догадались, что тѣ три сестры были прокляты на роду. Да и послѣ смерти имъ худое житье: досталось весь вѣкъ горѣть зорями. Вотъ ихъ ужъ немножко осталось: только три красныхъ пятнышка. Ништо имъ проклятымъ: таковская и честь».

Косари. Такъ поселяне называютъ голову Млечнаго пути. Они думаютъ, что у Млечнаго пути голова состоитъ изъ четырехъ косарей. Эти косари сѣкутъ и рубятъ всякаго встрѣчнаго на пути.

Становище. Такъ поселяне называютъ Млечный путь. Они думаютъ, что Становище наполнено старыми служивыми, басурманскаго отродья. По тому-то Становищу хаживали татары на святую Русь прямо отъ желѣзныхъ

горъ. Въ Тульской губерніи старики разсказываютъ, что татары хаживали на Русь по Комаринской дорогѣ. Это самое записано и въ древней Русской Идрографіи. Неподалеку отъ Тулы есть и Комаринскій бродъ чрезъ Упу рѣку. Чрезъ этотъ бродъ татары прихаживали къ сему городу. О самомъ Млечномъ пути нашъ народъ разсказываетъ: «когда-то на Становищѣ басурманка мать кормила свое дитя груднымъ молокомъ. Басурманское отродье не умѣло сосать молока, которое будто бы розлилось по небу. Потомъ изъ этого молока развелись по Становищу старые служивые. А эти служивые до того дожили, что не владѣютъ отъ старости ни руками, ни ногами. Зато вмѣсто нихъ поставлены насторожѣ четыре Косаря, которые сѣкутъ и рубятъ всякаго».

Маньякъ. Такъ поселяне называютъ падающія звѣзды. Наши грамотные дѣды этотъ Маньякъ величали Бѣлымъ путемъ. О Маньякѣ наши поселяне разсказываютъ разныя преданія. Одни говорятъ, что Маньякъ всегда падаетъ съ неба на тотъ дворъ, гдѣ дѣвица потеряла невинность. Другіе утверждаютъ, что въ его видѣ летаютъ нечистые духи посѣщать одинокихъ бабъ, когда ихъ мужья пускаются въ дальній путь на заработки. Тогда они, при видѣ Маньяка, говорятъ: «аминь! разсыпься!» Третьи со страхомъ увѣряютъ, что это блуждаютъ проклятые люди и что они сгоняются съ мѣста на мѣсто до тѣхъ поръ, пока будутъ прощены.

14. Грязнихи.

Такъ поселяне привыкли называть осеннія грязи. Въ этомъ днѣ у нихъ сосредоточены свои наблюденія. Если 14 октября будетъ полная, осенняя грязь, то они насчи-

тываютъ четыре седмины до появленія зимы. Грязнихи извѣстны и въ Сибири.

22. Наблюденія.

Поселяне сохранили объ этомъ днѣ свои наблюденія въ поговоркахъ: коли на Казанскую дождь пойдетъ и всѣ луночки нальетъ, то и зима пойдетъ (другіе говорятъ: то и зиму приведетъ).—На Казанскую добрые люди вдаль не ѣздятъ.—Пошелъ бы на Казанскую дождь, а то будетъ зима на дворѣ съ сугробами.—Ранняя зима и объ Казанской на санкахъ ѣздитъ.—Наряжали бабъ изъ Захарьева села съ блинами становиться объ Казанской на судъ, а нашимъ бабамъ то и на-руку.

26. Примѣты.

Въ Сибири говорятъ: Дмитріевъ день перевоза не ждетъ. Поселяне Тульской губерніи замѣчаютъ: если Дмитріевъ день будетъ по голу (безъ снѣга), то и Пасха будетъ теплая.

28. Льняницы.

Поселянки Костромской губерніи празднуютъ сей день съ началомъ уборки льна. Съ вытрепанными опышками льна выступаютъ на улицу напоказъ добрымъ людямъ. Пожилыя старушки ходятъ въ церковь служить молебны и съ усердіемъ испрашиваютъ благословеніе своимъ начаткамъ. Въ Тульской губерніи съ этого дня начинаютъ мять и трепать льны.

29. Овчарь.

Съ этого дня поселяне начинаютъ стричь овецъ. Въ степныхъ селеніяхъ для овчаря пекутъ пироги и угощаютъ пастуховъ.

30. Юровая.

Такъ въ Сибири называется праздникъ рыбаковъ: онъ совершается при отправленіи ихъ по Иртышу за ловлею красной рыбы.

Въ Тульской губерніи охотники, сбираясь на охоту за зайцами, сходятся пировать въ одну избу. Если на этотъ день выпадетъ снѣгъ, то они, вмѣсто пирушки, разгуливаютъ по порошамъ, и тогда уже именинный заяцъ довершаетъ ихъ пирушку на другой день.

Въ замосковныхъ селеніяхъ замѣчаютъ: если появятся на этотъ день волки по полямъ, то будто они предвѣщаютъ имъ моръ, или голодъ, или войну. По большей части, всѣ эти примѣты основаны на преданіяхъ и разсказахъ. Кумушки и бабушки бываютъ первыми участницами въ этихъ разсказахъ. А кто болѣе всѣхъ знаетъ примѣтъ, какъ не кумушки и бабушки? Только въ городахъ не вѣрятъ, что такія примѣты сбываются, что сельскія кумушки знаютъ меньше всѣхъ.

Мѣсяцъ ноябрь.

Слово: ноябрь, или ноемврій—нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя, славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки называли его:

груденъ. Поляки, малоруссы, чехи и словаки: листопадъ, иллирійцы: студеный, сорабы: млошный, подзимный, карніольцы: листогной, венды: гнилецъ, еднаистникъ (одиннадцатый), кроаты: вшешвечакъ. Въ старой русской жизни ноябрь былъ девятымъ мѣсяцемъ, съ XV вѣка считали третьимъ. Съ 1700 года онъ числится одиннадцатымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

1. Замѣчанія. — Обычаи.

Поселяне Тульской губерніи полагаютъ, что съ этого дня начинаются морозы. Объ этомъ морозѣ они сохранили свое наблюденіе въ поговоркѣ: Козьма и Даміанъ съ гвоздемъ.

Поселянки въ сей день справляютъ курьи именины. Этотъ старый обычай извѣстенъ былъ въ Москвѣ. Тамъ, въ Толмачевскомъ переулкѣ, за Москвою рѣкою, женщины собирались вокругъ церкви Козьмы и Даміана съ курами. Усердныя старушки послѣ обѣдни служили молебны. Богатые люди разсылали куръ въ подарки по своимъ роднымъ. Въ селахъ женщины прихаживали съ курами на боярскій дворъ и съ челобитьемъ подносили ихъ своей боярынѣ на красное житье. Боярыни отдаривали поселянокъ лентами на убрусникъ. Такія челобитныя куры содержались въ почетѣ: ихъ кормили овсомъ и ячменемъ и никогда не убивали. Яйцы, выносимыя ими, считались цѣлебными: ими кормили больныхъ, страждущихъ желчною болѣзнью.

Въ Тульской губерніи къ этому дню изготовлялись боярынями обѣтныя работы. Деньги, выручаемыя отъ прода-

жи своихъ издѣлій, онѣ употребляли на милостыню нищимъ и на свѣчи.

Въ селеніяхъ Мышкинскаго уѣзда Ярославской губерніи поселяне убиваютъ кочета въ овинахъ. Старшій въ домѣ выбираетъ кочета и самъ отрубаетъ ему голову топоромъ. Ноги кочетиныя бросаютъ на избы, для того, чтобы водились куры. Самого кочета варятъ и за обѣдомъ съѣдаютъ всей семьей.

Въ селеніяхъ Валдайскаго уѣзда варятъ козьмодемьянское пиво для честныхъ гостей.

Поселяне Ярославской губерніи управляются на этотъ день съ дворовымъ. Такъ они называютъ домового, имѣющаго попеченіе за домашнимъ скотомъ. Если въ чьемъ дворѣ заведется лихой, то они берутъ помело, садятся на лошадь, которую не любитъ дворовой, и ѣздятъ на ней по двору. Во время сихъ разъѣздовъ, они машутъ по воздуху помеломъ и кричатъ: «батюшка дворовой! Не разори дворъ и не погуби животину». Послѣ сего остаются покойными и думаютъ, что лихой унялся. Другіе помело обмакиваютъ въ деготь съ намѣреніемъ: отмѣтить на лысинѣ дворового зазубрину. Съ этой зазубриной будто лихой сбѣгаетъ съ двора.

8. Наблюденія.

Наши поселяне имѣютъ разныя наблюденія объ этомъ днѣ. Одни и тѣ же лица будутъ вамъ разсказывать о Михайловскихъ грязяхъ и о томъ, что день Архангела Михаила бываетъ съ мостомъ; другіе, что съ Михайлова дня зима не стоитъ, земля не мерзнетъ, что со дня Михаила Архангела зима куетъ моро-

зы. И эта видимая разность имѣетъ свои основанія. Признаки, по которымъ они судятъ о появленіи зимы, основаны на наблюденіяхъ 25 сентября. Здѣсь ключъ къ сельскимъ, метеорологическимъ замѣчаніямъ.

9. Примѣты.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи полагаютъ, что съ Матрены зимней зима встаетъ на ноги и морозы прилетаютъ отъ желѣзныхъ горъ.

10. Примѣты.

Если послѣ михайловскаго мороза появится на деревахъ иней, то поселяне ожидаютъ большихъ снѣговъ. Если день начинается большимъ туманомъ, то ждутъ оттепели.

11. Примѣты.

Въ селеніяхъ Калужской губерніи говорятъ: со дня св. Θеодора Студита прилетаютъ зимніе вѣтры, отъ которыхъ бываетъ студено на дворѣ и морозно на землѣ.

12. Примѣты.

Если на этотъ день выпадетъ снѣгъ, то замѣчаютъ, что оттепели продолжатся до 21 ноября, до Введенія.

15. Повѣрья.

Наши суевѣрные поселяне думаютъ, что съ этого дня всѣ нечистые убѣгаютъ съ земли, боясь морозовъ и зимы. По ихъ замѣчаніямъ, зима пріѣзжаетъ на пѣгой кобылѣ и разгоняетъ всѣхъ нечистыхъ.

21. Наблюденія.

Въ Тульской губерніи говорятъ: Введенье ломаетъ леденье, а въ Рязанской: на Введенье толстое леденье. Въ замосковныхъ селеніяхъ замѣчаютъ, что Введенскіе морозы не ставятъ зимы. Общее народное замѣчаніе, что появляющіяся оттепели съ 21 ноября разстроиваютъ зимній путь, основано на многолѣтнихъ наблюденіяхъ. Со дня Введенія начинались зимніе торги. Въ Москвѣ первый зимній торгъ съ санями бывалъ на Лубянкѣ. Здѣсь были лубяные и санные ряды. Сюда привозились расписанныя сани разными красками изъ разныхъ мѣстъ. Галицкія сани съ позолотой красовались на Лубянкѣ, какъ особенная рѣдкость.

22. Обычай.

Пермской губерніи въ селѣ Обычепскомъ, на день св. Прокопія бывалъ мірской праздникъ. Поселяне въ складчину убивали мірского барашка и съѣдали его съ зваными гостьми. Этотъ обычай существовалъ и въ Олекспнскомъ уѣздѣ, гдѣ вмѣсто барашка угощали гостей караманной рыбой.

24. Обычаи.

Съ сего дня начинаются въ городахъ зимнія гулянья на саняхъ. Въ старину, къ этому гулянью бывали особенныя приглашенія. Въ домъ богатаго и зажиточнаго семьянина, гдѣ была осенняя свадьба, сходились всѣ родные смотрѣть, какъ поѣдутъ новобрачные. За молодыми снаряжался длинный поѣздъ всѣхъ родныхъ. Здѣсь впервые показывалась молодая послѣ свадьбы и, по старому обычаю,

должна была раскланиваться всѣмъ сосѣдямъ. Сани новобрачныхъ всегда отличались предъ другими: ихъ или расписывали красками съ выводами, или позолачивали сусальнымъ золотомъ. Боярскія сани украшали волчьи и медвѣжьи мѣха. Поѣздомъ новобрачныхъ управляли самые близкіе родственники. Свекоръ и свекровь, отправляя свою невѣстку на гулянье, просили провожатыхъ беречь молодую отъ всякой бѣды, а болѣе всего отъ лихого глаза. Подлѣ порога, въ сѣняхъ, постилали овчинную шубу навыворотъ. Когда пріѣзжали съ гулянья, на этой шубѣ свекоръ и свекровь встрѣчали свою невѣстку. Здѣсь провожатые сдавали съ рукъ на руки молодыхъ. Вечерняя пирушка оканчивала торжество.

Маленькимъ дѣтямъ, именинницамъ, посылали въ подарокъ козырныя санки съ куклами. Эта обязанность лежала на тещахъ и крестныхъ матеряхъ.

26. Юрьевъ день.

Поселяне объ этомъ днѣ сохранили свои воспоминанія въ поговоркахъ: вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! — Наряжалась баба на Юрьевъ день погулять съ боярскаго двора. — Верстался мужикъ на Юрьевъ день радѣть о боярскомъ добрѣ. — На чью долю потянетъ поле, то скажетъ Юрьевъ день. — Судила Маланья на Юрьевъ день на комъ справлять проторы. — Мужикъ не тумакъ, знаетъ, когда живетъ Юрьевъ день. — Позывалъ дьякъ мужика судиться на Юрьевъ день, а мужикъ и былъ таковъ. — Крѣпки ряды Юрьевымъ днемъ. — Мужикъ болитъ и сохнетъ по Юрьевъ день. Мало-

руссы сохранили объ Юрьевѣ днѣ свою поговорку: вотъ, тыбѣ, бабо, и Юрьевъ день! Сербы имѣютъ свое воспоминаніе о Юрьевѣ днѣ: данъ по дань шать додье, и Дьурдьевъ день, аль е много недѣля, баба говорила (день за день, придетъ и Юрьевъ день, но еще не скоро, баба говорила).

Юрьевъ день осенній былъ временемъ перехода крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому. Въ Судебникѣ этотъ срокъ опредѣлялся: «за недѣлю до Юрьева дня и недѣлю по Юрьевѣ днѣ осеннемъ». Въ Стоглавѣ (глава 97) было уложено: «а въ которыхъ старыхъ слободахъ дворы опустѣютъ, и о тѣ дворы называти сельскихъ людей пашенныхъ и непашенныхъ по старинѣ, какъ преже сего было. А отказывати тѣхъ людей о сроцѣ Юрьевѣ днѣ осеннемъ, по цареву указу и по старинѣ. А изъ слободъ митрополичьихъ, и изъ архіепископльихъ, и епископльихъ, и монастырскихъ, которые христіане похотятъ идти во градъ на посадъ, или въ села жити, и тѣмъ людямъ идти волно о сроцѣ Юрьевѣ дни съ отказомъ по нашему царскому указу». Крестьяне, переходя на помѣщичью землю, обязывались подчиняться помѣщикамъ, исполнять условныя повинности и платить подати за владѣніе ихъ вотчиною. Обязанные условіями, они не могли отойти прежде срока, уложеннаго законами; не могли подняться съ своими животами, не разсчитавшись за пожилое. Помѣщикъ не могъ брать и требовать лишняго; сдѣлки бывали при свидѣтеляхъ и послухахъ; онъ не могъ удержать его на своей землѣ: законъ ограждалъ и мужика, и владѣльца. Переходы совершались послѣ предварительнаго объявленія помѣщику и при свидѣтеляхъ. Сбѣжавшій тайно считался бѣглецомъ и наказывался пенями. По Судеб-

нику видимъ, что семь дней назначались для объявленій и сдѣлокъ, и семь дней для сборовъ. Царь Борисъ Ѳеодоровичъ первый остановилъ бродяжничество крестьянъ и укрѣпилъ ихъ за владѣльцами. Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, указомъ 1607 г. марта 9, рѣшительно запретилъ крестьянскіе переходы. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, введеніемъ Писцовыхъ книгъ и всеобщею переписью, опредѣлилъ права помѣщичьи и оставилъ крестьянъ навсегда при землѣ владѣльца.

Помѣщичьи сборы съ крестьянъ доселѣ называются въ Костромской и другихъ губерніяхъ Юрьевскимъ оброкомъ. Воспоминаніе крестьянъ о переходахъ совершенно исчезло въ народѣ; но доселѣ сохранился обычай у крестьянъ при отъѣздѣ служить на этотъ день молебны объ успѣхѣ въ пути.

30. Примѣты.

Въ селеніяхъ Тульской губерніи выходятъ вечеромъ на рѣки, озера и колодцы прислушиваться къ водѣ. Если вода стоитъ спокойно, то это означаетъ, что зима будетъ теплая, безъ метелей. Если вода гудетъ и стонетъ, то это предвѣщаетъ бури, большіе морозы и бѣды.

Декабрь мѣсяцъ.

Слово: декабрь, или декемврій — нерусское; оно зашло къ нашимъ отцамъ изъ Византіи. Коренныя, славянскія названія сего мѣсяца были другія. Наши предки называли его: студенъ, поляки: грудзень и грудень, чехи и словаки: просинецъ, сорабы: зимскій, волчій, илли-

ріицы: просцинецъ, карніольцы: грудиь, венды: грудень и дванаистникъ (двѣнадцатый), кроаты: грудень и великобожничакъ. Въ старой русской жизни декабрь былъ десятымъ мѣсяцемъ, а съ XV вѣка четвертымъ. Съ 1700 года его считаютъ двѣнадцатымъ.

Замѣчанія старыхъ людей въ декабрѣ мѣсяцѣ.

1. Обычаи.

Съ 1 декабря наши предки начинали учить своихъ дѣтей грамотѣ. Для сего заранѣе условливались съ приходскимъ дьячкомъ, или другимъ лицомъ. Все семейство отправлялось въ церковь, гдѣ, послѣ обѣдни, служили молебенъ, испрашивая благословеніе на отрока. Учитель являлся въ назначенное время въ домъ родителей, гдѣ его встрѣчали съ почетомъ и ласковымъ словомъ, сажали въ передній уголъ съ поклонами. Тутъ, держа сына за руку, отецъ передавалъ его учителю съ просьбами научить уму-разуму и за лѣность учащать побоями. Мать, по обыкновенію, стоя у двери, должна была плакать. Иначе худая молва пронеслась бы во всемъ околоткѣ. Ученикъ, приближаясь къ учителю, обязанъ былъ сотворить ему три земныхъ поклона. Такъ установлено было нашими предками. Послѣ сего учитель ударялъ осторожно своего ученика по спинѣ три раза плеткой. Мать сажала сына за столъ, вручала ему узорчатую костяную указку, учитель развертывалъ азбуку и начиналось велемудрое ученіе: азъ-земля-еръ-азъ. Мать усугубляла свой плачъ и умоляла учителя не морить сына за грамотой. На одномъ азѣ оканчивалось первое ученіе. Учителя послѣ трудовъ угощали, чѣмъ Богъ послалъ, и дарили подарками. Отецъ награждалъ

учителя платьемъ, или хлѣбомъ, мать полотенцомъ отъ своихъ трудовъ. Проводы и угощенія продолжались до воротъ. На другой день ученика отправляли къ учителю съ азбукой и указкой. Матушка снаряжала съ сынкомъ огромный завтракъ и подарокъ для учителя, который состоялъ изъ домашнихъ птицъ.

4. Примѣты.

Въ Кіевѣ есть примѣта, что на этотъ день устанавливается зимняя погода. Тамъ говорятъ: на день св. Варвары зима мосты мостить. Между тѣмъ въ Орловской губерніи говорятъ: къ Варварину дню зима дорогу заваритъ.

5. Примѣты.

Въ южныхъ губерніяхъ объ этомъ днѣ ведется изстари поговорка: на день св. Саввы зима гвозди востритъ. Въ Орловской губерніи говорятъ: на день св. Саввы зима рѣки засалитъ.

6. Наблюденія.

Наблюденія поселянъ объ этомъ днѣ сохранены въ разныхъ поговоркахъ: на день св. Николая зима ходитъ съ гвоздемъ.—Подошелъ бы Николинъ день, а то будетъ зима на санкахъ. — Коли на Михайловъ день зима закуетъ, то на Николу раскуетъ.—Провезли зиму на санкахъ до Николы, вотъ тебѣ и оттепель.—Коли зима до Николина дня слѣдъ заметаетъ, дорогѣ не стоять. — Хвали зиму послѣ Николина дня.—Цѣны на хлѣбъ строитъ Николь-

скій торгъ. — Никольскій обозъ для боярской казны дороже золота. — Веселилась Маланья на Николинъ день, что мірскую бражку пьютъ, а того Маланья не вѣдаетъ, что за похмѣлье мужиковъ бьютъ. — Никольщина красна пивомъ да пирогами. — Звали бабы Никольскихъ ребятъ брагу варить, а того бабы не вѣдали, что ребяты только брагу пьютъ. — На Никольщину ѣдутъ мужики съ поглядкой, а послѣ Никольщины валяются подъ лавкой. — Знать мужика, что Никольщину справлялъ, коли на головѣ шапка не держится. — Никольщина не ходитъ съ поклономъ на барскій дворъ. — Для кума Никольщина бражку варитъ, для кумы пироги печетъ. — На Никольщину зови друга, зови и ворога, оба будутъ друзья. — Горевалъ мужикъ по Никольщинѣ, зачѣмъ она не цѣлый вѣкъ живетъ. — У добраго мужика и на Никольщину торгъ стоитъ. — Никольскій торгъ всему указъ. — Городская Никольщина на санкахъ по улицамъ бѣжитъ, а деревенская въ избѣ сидитъ, да бражку пьетъ. — Позывала Никольщина барщину въ гости пировать, а того Никольщина не вѣдала, что на барщину заказъ положенъ.

12. Солоноворотъ.

Поселяне говорятъ, что съ этого дня солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ. Вотъ отчего этотъ день они называютъ: солоноворотомъ, поворотникомъ, поворотомъ. Въ народныхъ повѣріяхъ находимъ особенныя преданія о солнцѣ и зимѣ. Солнце будто съ этого дня наряжается въ праздничный сарафанъ и ко-

кошникъ, садится въ телѣгу и ѣдетъ на теплыя страны. Зима ходитъ съ сего же дня въ медвѣжьей шкурѣ, стучится по крышамъ и будитъ бабъ ночью топить печи. Если зима ходитъ по полю, то за ней вереницами ходятъ метели и просятъ дѣла. Если ходитъ по лѣсу, то сыплетъ изъ рукава иней. Если по рѣкѣ идетъ, то подъ слѣдомъ своимъ куетъ воду на три аршина.

Въ Тульской губерніи существуетъ повѣрье, что на солоповороты медвѣдь ворочается въ берлогѣ съ одного бока на другой, что солнышко на прощанье нагрѣваетъ коровамъ бочокъ.

Старики замѣчаютъ: съ какой стороны на этотъ день подуетъ вѣтеръ, съ той стороны будетъ дуть онъ до весенняго равноденствія.

16. Примѣты.

Поселяне замѣчаютъ: если на этотъ день будетъ на деревахъ иней, то святки будутъ теплыя. Если будетъ утромъ большой морозъ, то онъ продлится до Крещенья.

27. Коляда.—Обычаи.

Въ русскомъ коледованіи участвуютъ нынѣ одни только дѣти. Древняя Коляда и всѣ старинные обряды совершенно исчезли: нѣтъ ни воспоминаній, ни разсказовъ. Дѣти ходятъ подъ окнами величать богатыхъ хозяевъ съ Колядою и виноградьемъ. За коледованіе награждаютъ ихъ деньгами и съѣстными припасами. Виноградье напоминаетъ намъ о какомъ-то старомъ обрядѣ славянъ южныхъ странъ. Въ селеніяхъ Шенкурскаго и Вельскаго округа сохранился старый обычай приготовлять къ этому дню изъ пшеничнаго

тѣста животныхъ: коровъ, быковъ, овецъ и домашнихъ птицъ. Животныя выставлялись на окна для показа проходящимъ, на столѣ они съ утра красовались для семейства и уже вечеромъ разсылались въ подарокъ роднымъ. Для вечерней трапезы готовится доселѣ изъ крупъ каша, а изъ пшена и ячменя кутья сочельницкая. Малоруссы варятъ также свою особенную кутью. Въ одномъ горшкѣ изготовляютъ пшеницу, а въ другомъ вареныя въ меду яблоки, груши и сливы; оба горшка ставятся на покути, въ переднемъ углу. Въ старину, въ замосковныхъ селеніяхъ въ саняхъ возили Коляду — дѣвицу, одѣтую, сверхъ платья, въ бѣлую рубашку. Коледовщики пѣли пѣсню: «уродилась Коляда накапунѣ Рождества». Въ другихъ мѣстахъ пѣли: «шла Коляда изъ Новагорода». Въ Муромскомъ уѣздѣ прибавляли: «Коляда Таусень». Наши затѣйливые миоографы, по слѣдамъ Гизеля, въ Колядѣ находятъ особенное славянское божество. Карпаторуссы нашу Коляду называютъ: Керечунъ, а румыны Кречуномъ. Наши простолюдины рождественскій постъ называютъ: Корочуномъ. Въ Валахіи и Болгаріи родившихся 25 декабря называютъ Крачунами. Въ спискѣ Воскресенской лѣтописи мы находимъ: Корочуновъ камень. Сохранившаяся у насъ поговорка: Карачунъ дать — выражаетъ рѣшительную погибель. Въ Шелонской пятинѣ въ XVII вѣкѣ упоминался въ грамотахъ: Карачуницкій погостъ. Но нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ читать догадки нашихъ археологовъ о Колядѣ. Такъ одни въ ней находятъ празднество въ честь Перуна; другіе видятъ въ ней связь съ солнцестояніемъ зимнимъ и лѣтнимъ; третьи, словопроизводы, отыскиваютъ Коло, символъ солнечнаго оборота и коловратности судьбы чело-

вѣческой; четвертые находятъ сходство съ египетскимъ Озирисомъ. И все это, въ XIX вѣкѣ, называется критическими, учеными изслѣдованіями!

25. Святки. — Обряды.

Съ вечера 25 декабря начинаются на Руси святки, веселое время для всѣхъ возрастовъ. Утро дѣти проводятъ въ славленіи и виршеваніи.

Славленіе на Руси заключается въ хожденіи съ вертепомъ, звѣздою, рацеями и виршами. Вертепъ въ Сибири прежде устроивался въ видѣ ящика о двухъ ярусахъ. Здѣсь помѣщались деревянныя фигуры. Въ верхнемъ ярусѣ изображалась смерть Ирода, а въ нижнемъ Иродіадины пляски. Въ вертепѣ горѣли свѣчи. Славельщики ходили съ ними по домамъ. За пѣніе награждали деньгами и пирогами. Для сбора пироговъ одинъ носилъ кузовъ, а для денегъ другой хаживалъ съ тарелкой. На разсвѣтѣ къ нимъ присоединялись гудочники и участвовали въ дѣлежѣ.

Хожденіе со звѣздою есть общее во всей Руси. Звѣзда дѣлается изъ бумаги величиною въ аршинъ, раскрашивается красками и освѣщается свѣчами. Мальчики, ходя по улицамъ, для важности, вертятъ звѣзду во всѣ стороны. За свое пѣніе славельщики получаютъ разные подарки. Рацеи и вирши завелись сначала по бурсамъ. Славельщики хаживали до обѣдни къ своимъ патронамъ и милостивцамъ и привѣтствовали ихъ виршами. Рацеи переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе и остались только у малоруссовъ.

Славленіе у взрослыхъ начиналось около полудня. Въ старину въ этомъ участвовали всѣ сословія. Корнелій Брю-

нинъ описалъ намъ московское славленіе. Впереди всѣхъ появлялись двое съ барабанами и ударяли въ нихъ палочками; за ними въ саняхъ ѣхалъ царь съ князьями, боярами и придворными. Входя въ домъ, пѣли стихеры и поздравляли хозяина. Хозяинъ подносилъ царю въ подарокъ деньги и угощалъ всѣхъ славельщиковъ. Великій Петръ участвовалъ въ славленіи. Съ великолѣпнымъ поѣздомъ, 1702 года, сей государь славилъ у Бранса и Лупса. Славельщиковъ записывали въ списки и за небытіе наказывали плетями. Такъ, по словамъ Желябужскаго, наказанъ Григорій Камынинъ. Нынѣ, вмѣсто славленія, взрослые ѣздятъ съ поздравленіемъ по роднымъ и знакомымъ.

Въ Малоруссіи съ 25 декабря начинаются Колядки. Въ нихъ участвуютъ взрослые и дѣти. Колядовщики поютъ Колядки — пѣсни, въ которыхъ величаютъ хозяина со всѣмъ семействомъ и получаютъ въ награду разные подарки, въ томъ числѣ и свиныя кишки. Покойный Гнѣдичъ отъ этихъ кишокъ производилъ Коляду.

Поселяне Рязанской губерніи говорятъ: темныя святки — молочныя коровы. — Свѣтлыя святки — носкія куры.

26. Гаданія. — Повѣрія.

Съ этого вечера на Руси начинаются гаданія и переряживанія. Всѣ подробности о вышеизложенныхъ гаданіяхъ были изложены въ первомъ томѣ.

Общее повѣрье существуетъ у нашихъ поселянъ, что съ этого вечера начинаются бѣсовскія потѣхи и что нечистые прилетаютъ тогда на землю. Вѣдьмы будто сдружаются съ духами, летаютъ на шабашъ, скрадываютъ съ

неба мѣсяцъ и звѣзды. Подробности объ этихъ повѣрьяхъ будутъ изложены въ Русской Демонологіи.

30. Наблюденія.

Наши поселяне на этотъ день бьютъ свиней и по печени и селезенкѣ судятъ о зимѣ. Если селезенка будетъ ровная и гладкая, то ожидаютъ зимы суровой; если она къ спинѣ будетъ толще, то думаютъ, что зима придетъ съ холодами въ концѣ. Толстая печень въ серединѣ означаетъ, что стужи начнутся съ половины зимы. Широкая сторона печени къ брюху обѣщаетъ морозы съ перезимья. Въ Костромской губерніи варятъ на этотъ день свиной желудокъ, отчего и самый день называется у нихъ: желудочницы.

31. Щедрый вечеръ.

Малоруссы вечеромъ подъ новый годъ ходятъ по домамъ щедровать и поютъ щедровки—пѣсни, въ которыхъ величаютъ хозяина. За щедровки награждаютъ подарками.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБЫЧАИ.

Народные праздники и обычаи.

Замѣчанія старыхъ людей по днямъ и недѣлямъ.

НЕДѢЛИ:

Свадебныя недѣли.

Такъ изстари называются на Руси тѣ недѣли, которыя начинаются съ 6 января и продолжаются до масляницы. Въ эти недѣли производятся: сватовство, разыгриваніе свадебъ, княжіе и отводные столы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свадебными недѣлями называются дни съ 1 сентября до 15 ноября.

Пестрыя недѣли.

Пестрыми недѣлями называются на Руси послѣднія недѣли предъ постами; онѣ обыкновенно слѣдуютъ послѣ всеѣдныхъ недѣль. Богатые люди, одни изъ тщеславія, другіе по старымъ примѣтамъ, не рѣшаются играть свадебъ на этихъ недѣляхъ. Въ народѣ распространены поговорки: на пестрой недѣлѣ женится голь да бѣ-

да.—На пестрой жениться—съ бѣдой породниться. — Отъ того и баба пестра, что на пестрой замужъ шла.

Масляница.

Русскій народъ свою масляницу величаетъ: честная масляница — широкая масляница — веселая масляница. Въ нашихъ церковныхъ книгахъ масляница называется: сырною недѣлею.

Всѣ дни масляной недѣли имѣютъ свои особенныя названія: встрѣча — понедѣльникъ, заигрыши — вторникъ, лакомка—среда, разгулъ, переломъ, широкій четвергъ—четвертокъ, тещины вечерки — пятница, золовкины посидѣлки — суббота, проводы, прощанья, цѣловникъ, прощеной день—воскресенье.

На первый день масляницы нашъ народъ справляетъ встрѣчу честной масляницы, широкой боярыни. Дѣти съ утра выходятъ на улицу строить снѣжныя горы. Здѣсь они, устроивши горы, скороговоркою причитываютъ: «звалъ, позывалъ честной семикъ широкую масляницу къ себѣ въ гости во дворъ. Душа-ль ты моя, масляница, перепелиныя косточки, бумажное твое тѣльцо, сахарныя твои уста, сладкая твоя рѣчь! Пріѣзжай ко мнѣ въ гости на широкъ дворъ на горахъ покататься, въ блинахъ поваляться, сердцемъ потѣшаться. Ужъ ты-ль, моя масляница, красная краса, русая коса, тридцати братовъ сестра, сорока бабушекъ внучка, трех-материна дочка, кеточка, ясочка, ты же моя перепелочка! Пріѣзжай ко мнѣ во тесовой домъ душой потѣшиться, умомъ повеселиться, рѣчью насладиться. Выѣзжала честная масляница, широкая боярыня на семидесяти семи саняхъ ко-

зырныхъ, во широкой лодочкѣ, во великъ городъ пировать, душой потѣшиться, умомъ повеселиться, рѣчью насладиться. Какъ навстрѣчу масляницѣ выѣзжалъ честной семикъ на салазочкахъ, въ одныхъ протяночкахъ безъ лапотокъ. Пріѣзжала честная масляница, широкая боярыня, къ семику во дворъ на горахъ покататься, въ блинахъ поваляться, сердцемъ потѣшиться. Ей-то семикъ бьетъ челомъ на салазочкахъ, въ одныхъ протяночкахъ, безъ лапотокъ. Какъ и тутъ ли честная масляница на горахъ покаталася, въ блинахъ поваляласл, сердцемъ потѣшалася. Ей-то семикъ бьетъ челомъ, кланяется, зоветъ во тесовой теремъ, за дубовый столъ, къ зелену вину. Входила честная масляница, широкая боярыня, къ семику во тесовой теремъ, садилась за дубовый столъ къ зелену вину. Какъ и она-ль, честная масляница, душой потѣшалася, умомъ повеселялася, рѣчью наслаждалася».

Послѣ этой встрѣчи, дѣти сбѣгаютъ съ горъ и кричатъ: «Пріѣхала масляница! Пріѣхала масляница»! Встрѣча оканчивается кулачнымъ боемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мнѣ случалось видѣть, какъ дѣти приготовляли утромъ соломенную куклу — масляницу. На масляницу надѣвали кафтанъ и шапку, опоясывали кушакомъ, ноги обували въ лапти. Эту масляницу — куклу на салазкахъ ввозили на гору съ причитаніемъ встрѣчи. Неизвѣстно, когда и кѣмъ позываніе масляницы перенесено было на лубочныя картинки.

Нашъ степенный народъ, люди зажиточные, встрѣчу масляницы начинали посѣщеніемъ родныхъ. Съ утра свекоръ съ свекровью отправляли невѣстку на день къ отцу съ матерью, а вечеромъ сами приходили къ сватамъ въ гости. Здѣсь, за круговой чашей, условливались: когда и

гдѣ проводить время? кого звать въ гости? когда кататься по улицамъ?

Къ первому дню масляницы устроиваются общественныя горы, качели, вислыя и круглыя, балаганы для скомороховъ (паяцовъ и комедіантовъ), столы съ сладимыми яствами: здѣсь народъ торговый сбираетъ дань съ праздности и лѣни; здѣсь копѣйка ставится на ребро. Не ходить на горы, не качаться на качеляхъ, не потѣшаться надъ скоморохами, не отвѣдать сладимыхъ яствъ — значило въ старину: жить въ горькой бѣдѣ, и то при старости, лежать на смертномъ одрѣ, сидѣть калѣкой безъ ногъ. Въ старину, москвичи масляницу справляли у Красныхъ воротъ. Здѣсь Петръ Великій открывалъ масляницу съ понедѣльника и качался на качеляхъ съ офицерами.

Богатые люди съ понедѣльника начинаютъ печь блины, а бѣдные съ четверга, или пятницы. Въ старину первый блинъ отдавался нищей-братіи на поминъ усопшимъ. Въ степныхъ селеніяхъ первый блинъ кладутъ на слуховое окошко для душъ родительскихъ. Старухи, кладя блинъ на это окно, приговариваютъ: «честные наши родители! вотъ для вашей душки блинокъ». Прежде печенія блиновъ, наши женщины-стряпухи изготовляютъ опару съ особенными обрядами. Однѣ опару готовятъ изъ снѣга, на дворѣ, когда взойдетъ мѣсяцъ. Здѣсь онѣ причитываютъ: «мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, золотые твои рожки! Выглянь въ окошко, подуй на опару». Онѣ остаются въ полной увѣренности, что мѣсяцъ выглядываетъ изъ окошка и дуетъ на опару. Отъ этого, будто, блины бываютъ бѣлые, рыхлые. Другія выходятъ вечеромъ готовить опару на рѣчки, колодези и озера, когда появятся звѣзды. Приготовленіе первой опары содержится въ величайшей-

тайнѣ отъ всѣхъ домашнихъ и постороннихъ. Малѣйшая неосторожность стряпухи наводитъ на хозяйку тоску въ продолженіе всей недѣли. Гдѣ нѣтъ свекра и свекрови, гдѣ молодые встрѣчаютъ первую масляницу, тещи приходятъ къ зятьямъ въ домъ учить своихъ дочекъ печь блины. Въ старину, зятья и дочери приглашали заранѣе такихъ гостей поучить уму-разуму. Это призваніе считалось нашими бабушками за великую честь; объ немъ говорили всѣ сосѣди и родные. Званая теща обязана была прислать съ вечера весь блинной снарядъ: таганъ, сковороды, дежники, половникъ и кадку, въ чемъ ставить блины. Тесть присылалъ: мѣшокъ манной грешневой муки и коровьяго масла. Неуваженіе зятя къ сему обычаю считалось безчестіемъ и обидой и поселяло вѣчную вражду между тещей и зятемъ.

На заигрыши съ утра приглашаются дѣвицы и молодцы покататься на горахъ, поѣсть блиновъ. Въ богатыхъ домахъ къ этому дню братцы устраивали горы для сестрицъ среди двора. Матушки посылали позыватокъ звать по роднымъ и знакомымъ дочекъ и сынковъ, съ наказомъ: у насъ де горы готовы и блины испечены — просимъ жаловать. Позыватокъ встрѣчали съ почетомъ и привѣтомъ, угощали виномъ и блинами и отпускали съ наказомъ: «кланяться хозяину и хозяйкѣ съ дѣтками, со всѣми домочадцами; а дѣтокъ своихъ пришлемъ къ вечеру». Отказъ всегда объявлялся условленнымъ, общимъ выраженіемъ: «у насъ де состроены у самихъ горы и прошены гости». Сосѣди толковали такіе отказы по своему: «здѣсь де начинается разладъ и дочку прочатъ за другого». Гостей принимали съ встрѣчами у воротъ, крыльца и образной. Послѣ нѣсколькихъ угощеній, гостей отпускали

потѣшиться на горы. Здѣсь братцы высматривали невѣстъ, а сестрицы поглядывали украдкой на суженыхъ. Нянюшки, матушки, бабушки все это знаютъ; съ ними встарь то же бывало; теперь онѣ радуются на веселости своихъ дѣтокъ, воображая ихъ будущее счастье.

На лакомки, въ среду, тещи приглашали своихъ зятьевъ къ блинамъ, а для забавы любимаго зятя сзывали всѣхъ своихъ родныхъ. Въ Тулѣ тещи для зятя пекутъ еще блинцы, оладьи и творожнички. Въ Нерехтѣ бываетъ съѣздъ изъ деревень дѣвицъ, молодыхъ и пожилыхъ, гдѣ онѣ, въ праздничныхъ платьяхъ, катаются отдѣльно отъ мужчинъ. Насмѣшливый русскій народъ составилъ нѣсколько пѣсенъ о заботливости тещи при угощеніи зятя. Эти пѣсни вечеромъ поютъ холостые, съ разными олицетвореніями. Здѣсь наряженный медвѣдь играетъ разные фарсы, «какъ теща про зятя блины пекла—какъ у тещи головушка болитъ — какъ зять-то удалъ тещѣ спасибо казалъ».

Въ широкій четвергъ начинается масляничный разгулъ: катанье по улицамъ, разные обряды и кулачные бои.

Въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, Юрьевѣ, Польскомъ и Владимірѣ возятъ по улицамъ мужика. Для поѣзда выбираютъ огромныя сани, утверждаютъ въ срединѣ столбъ, на столбѣ привязываютъ колесо, на колесо сажаютъ мужика съ виномъ и калачами. За этими санями тянется поѣздъ съ народомъ, который поетъ и играетъ. Въ старину, въ Зарайскѣ возили на саняхъ дерево, украшенное лоскутами и бубенчиками въ сопровожденіи народа. Въ Архангельскѣ прежде мясники возили быка по городу на огромныхъ саняхъ, къ которымъ прицѣплялся поѣздъ съ народомъ.

Въ Ярославлѣ съ четверга начинаютъ колядовщики

пѣть Коляду. Тамъ фабричные ходятъ по домамъ съ бубнами, рожками и балалайками для поздравленія съ праздникомъ: «прикажи, сударь-хозяинъ, Коляду пропѣть». За колядскія пѣсни колядовщиковъ угощаютъ пивомъ и награждаютъ деньгами. Въ Сольвычегодскѣ на мірскую складчину варятъ пиво. Братчина, разгульный народъ, сходится въ назначенное мѣсто пить пиво и пѣть пѣсни. Въ Сибири масляница возится на нѣсколькихъ саняхъ, на которыхъ устраивается корабль съ парусами и снастями. Здѣсь усаживаются люди, медвѣдь и честная Масляница. Сани, запряженные въ 20 лошадей, возятъ Масляницу по улицамъ въ сопровожденіи поѣзда пѣсенниковъ и шутовъ. Кулачные бои начинаются съ утра и продолжаются до вечера. Сначала начинаютъ бои самъ на самъ, одинъ на одинъ, а потомъ уже стѣна на стѣну. Въ кулачныхъ бояхъ прежде принимали участіе всѣ возрасты; но нынѣ они находятъ рѣдкихъ поборниковъ и только одни мальчики напоминаютъ о старыхъ потѣхахъ.

Въ XVIII столѣтіи Москва видѣла три царственныя увеселенія на масляницѣ. Въ 1722 году, послѣ Нейштадтскаго мира, Великій Петръ снарядилъ масляничный поѣздъ изъ Всесвятскаго села чрезъ Тверскія ворота прямо въ Кремль. Празднество продолжалось четыре дня. Императрица Елисавета Петровна открывала масляницу въ селѣ Покровскомъ. Императрица Екатерина II, послѣ своей коронаціи, справляла на масляницѣ трехдневный маскарадъ на городскихъ улицахъ.

На тещины вечерки зятья угощаютъ своихъ тещей блинами. Приглашенія бываютъ почетныя со всею роднею къ обѣду, или запросто, на одинъ ужинъ. Въ старину

зять обязанъ былъ съ вечера лично приглашать тещу, а потомъ, утромъ, присылать нарядныхъ зватыхъ. Чѣмъ болѣе бывало зватыхъ, тѣмъ тещѣ болѣе оказывалось почести. Дружко или сватъ приглашались къ такимъ нарядымъ позывамъ, и за свои хлопоты съ обѣихъ сторонъ получали подарки.

На золовкины посидѣлки, молодая невѣстка приглашала своихъ родныхъ къ себѣ. Если золовки были еще въ дѣвушкахъ, тогда невѣстка сзывала старыхъ своихъ подругъ-дѣвицъ; если онѣ были выданы замужъ, тогда она приглашала родню замужнюю и со всѣмъ поѣздомъ развозила гостей по золовкамъ. Новобрачная невѣстка обязана была дарить своихъ золовокъ подарками.

Въ Тульской, Пензенской и Симбирской губерніяхъ въ субботу дѣти строютъ на рѣкахъ, прудахъ и поляхъ снѣжный городокъ съ башнями и воротами. Послѣ своей работы, они раздѣляются на двѣ стороны, одна принимаетъ на себя охранять городокъ, другая должна отбоемъ занять его. Охранители вооружаются метлами и помелами, а храбрецы палками. Когда порядятся взять городокъ, тогда вдругъ нападаютъ на охранителей, и послѣ битвы врываются въ ворота и разрушаютъ городокъ. Въ этой игрѣ принимаютъ участіе и взрослые. Тогда храбрецы садятся на лошадей и конные нападаютъ на городокъ. Послѣ взятія городка, взрослые воеводу купаютъ въ проруби. Послѣ сего начинается всеобщее угощеніе и съ пѣснями возвращаются по домамъ.

Проводы масляницы и прощаніе отправляются на Руси съ разными обрядами.

Проводы честной масляницы въ Симбирской, Саратовской и Пензенской губерніяхъ состояли въ поѣздѣ по го-

роду и селамъ. Для поѣзда сколачивали нѣсколько дровень и саней. Въ среднія дровни ставили большой столбъ, на него клали колесо, на колесо сажали мужика, опытнаго въ разныхъ забавахъ и причитаніяхъ. Вмѣсто лошадей запрягали разукрашенныхъ людей. Такой поѣздъ разъѣзжалъ по всѣмъ улицамъ; впереди и вокругъ его пѣли, играли и плясали скоморохи и колоброды, приходившіе изъ деревень забавляться съ городскими весельчаками. Прощальный поѣздъ въ Ярославлѣ называется: *околка*, въ Нерехтѣ: *обозъ*, въ Тулѣ: *кругъ* и *конецъ*. Въ Нерехтѣ на проводахъ *сожигаютъ* Масляницу. Вечеромъ, послѣ всѣхъ гуляній и забавъ, выходитъ молодой народъ, мужчины, женщины, дѣвицы и дѣти, изъ своихъ дворовъ съ соломою. При пѣніи пѣсенъ сожигается солома.

Прощаніе бываетъ съ живыми и покойниками. Въ Тулѣ и Зарайскѣ выходятъ на кладбища утромъ и на могилахъ просятъ прощенія у покойниковъ. Съ кладбищъ заходятъ прощаться къ священникамъ. Въ Нерехтѣ сей обрядъ отправляется вечеромъ.

Новобрачные ѣздятъ по своимъ роднымъ отдаривать тестя съ тещею, сватовъ и дружекъ за свадебные подарки. Здѣсь, кромѣ подарковъ, приносились и пряники, испещренные узорами и надписями: *кого люблю, того дарю. — Отъ милаго подарокъ дороже золота. — Чинъ чина почитай, и подарокъ не забывай. — Милости просимъ нашей хлѣба-соли. — За всѣ благости наше низкое челобитьице.* Тульскіе пряники, бѣлевскіе медовники, вяземскія коврижки считались у нашихъ отцовъ дорогими подарками.

На прощеный день ѣздятъ отдаривать кума съ кумой. За *ризки* и *зубокъ*, привозятъ соотвѣтственные подарки

равнымъ по состоянію, щедрые бѣднымъ. И здѣсь пряники составляютъ необходимую принадлежность. Въ деревняхъ самый почетный подарокъ для кума состоитъ изъ полотенца, для кумы изъ бруска мыла.

Прощаніе между родными и знакомыми происходитъ вечеромъ. Прощаться приходятъ родные къ старшему въ родѣ, бѣдные къ богатымъ. Въ старые годы на прощанье приносили пряники. Прощаясь, говорили по обыкновенію другъ другу: «прости меня, пожалуй, буде въ чемъ виноватъ предъ тобою». Прощаніе заключалось поцѣлуемъ и низкимъ поклономъ. Прощаніе между домашними бывало послѣ ужина, предъ сномъ. Здѣсь дѣти кланялись въ ноги своимъ родителямъ и просили прощенія. Послѣ ихъ приходили всѣ находящіеся въ услуженіи и справляли свое челобитье.

Въ XVII столѣтіи государи хаживали на прощанье къ патріарху съ боярами, окольничими и думными людьми. Патріархъ угощалъ дорогихъ гостей медами и романеею. Маржеретъ, очевидецъ русской масляницы, описалъ только одно прощаніе. Неизвѣстный сочинитель книги: Anhang von der Russischen oder Moskowitischen Religion, бывшій въ Москвѣ, описалъ нашу масляницу съ самой невыгодной стороны; выдумалъ, что будто патріархъ хотѣлъ уничтожить этотъ праздникъ, но не успѣлъ, и только сократилъ его на 8 дней, тогда какъ прежде онъ продолжался 14 дней; сравнивалъ нашу масляницу съ итальянскимъ карнаваломъ.

О русской масляницѣ между народомъ сохранились поговорки: не житье, а масляница. — Не всегда коту масляница.—Масляница семь дней гуляетъ. —Милости просимъ къ намъ объ масляницѣ съ своимъ

добромъ, съ честнымъ животомъ. — Сваталась Маланья на масляницѣ, думала-гадала замужъ пойдти, а того Маланья невѣдала, что масляница только ставитъ молодыхъ на показъ. — Пируй и гуляй баба на масляницѣ, а про постъ вспоминай. — Выпили пиво объ масляницѣ, а съ похмѣлья ломало послѣ радуницы.

Средокрестная недѣля.

Такъ на Руси называется четвертая недѣля Великаго поста. Въ народѣ есть повѣрье, что будто бы въ среду на этой недѣлѣ переламывается постъ въ переднемъ углу. Нянюшки и бабушки, забавляя дѣтей, садятся въ передній уголъ, за столъ, и стучатъ подъ лавкой. Этотъ стукъ, какъ увѣряютъ онѣ дѣтей, будто происходитъ отъ ломанья поста. По замѣчанію старушекъ, будто съ этого дня щука разбиваетъ хвостомъ ледъ.

Святая недѣля.

Святая недѣля называется у народа: великоденскою, славною, великою и радостною. Первый день Пасхи они называютъ: великъ день, утро вторника: купалищемъ, пятницу: прошеный день, субботу: хороводницы. Поселяне Черниговской губерніи эту недѣлю называютъ: гремяцкою.

Съ Святой недѣли начинаются городскія и сельскія гулянья, разыгрываніе хороводовъ и окликаніе весны. Въ Тулѣ гулянье называется тюльпою.

Въ первый день Святой недѣли поселяне Тульской губерніи выходятъ смотрѣть на играніе солнца. Взрослые

мужчины выходятъ смотрѣть на колокольни, какъ будетъ играть солнце; а женщины и дѣти наблюдаютъ появленіе его на пригоркахъ и крышахъ домовъ. При появленіи солнца дѣти поютъ:

Солнышко, ведрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ,
Сыръ колупаютъ,
Собакамъ бросаютъ;
Собаки-то не ѣдятъ,
А куры-то не клюютъ.
Солнышко, покажись,
Красное, снарядись!
Ѣдутъ господа бояре
Къ тебѣ въ гости во дворъ,
На пиры пировать,
Во столы столовать.

По замѣчаніямъ поселянъ, появленіе солнца на чистомъ небѣ и его играніе предвѣщаетъ хорошее лѣто, благополучный урожай и счастливыя свадьбы. Старушки, при появленіи солнца, умываются съ золота, серебра и краснаго яйца, въ надеждѣ разбогатѣть и помолодѣть. Старики расчесываютъ тогда же свои волосы съ причитаніемъ: сколько въ головѣ волосковъ, столько бы было и внучатъ.

Въ понедѣльникъ Святой недѣли въ Тулѣ и другихъ мѣстахъ выходятъ на кладбища похристосоваться съ своими и погоревать о житьѣ-бытьѣ. Здѣсь вдовушки, помышляющія о замужествѣ, часто находятъ себѣ жениховъ. Въ старину на могилки выхаживали всей семьей и пировали до вечера. Въ Шенкурскомъ и Вельскомъ округахъ хожденіе на кладбище называется на горы итить.

Во вторникъ Святой недѣли утромъ народъ исправляетъ

купалище. Молодые и старики обливаютъ холодной водой тѣхъ, которые просыпаютъ заутреню. Въ указѣ Правительствующаго Синода 1721 г. апрѣля 17, находимъ строгое запрещеніе сего обычая: «въ Россійскомъ государствѣ какъ въ городахъ, такъ и въ весяхъ происходитъ отъ невѣждъ нѣкоторое непотребство, а именно, во всю Свѣтлую седмицу Пасхи, ежели кто не бываетъ у утрени, таковаго, аки бы штрафуя, обливаютъ водою ивъ рѣкахъ и въ прудахъ купаютъ: и хотя простой народъ дѣлаетъ себѣ будто за забаву праздничную, однако отъ той суетной забавы дѣлается не токмо здравію, но и животу человѣческому тщета; ибо онымъ отъ невѣждъ купаніемъ въ глубинахъ иногда людей потопляютъ, или разбиваютъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ внезапно обліяніемъ ума лишаютъ».

Въ Бѣлоруссіи на Святой недѣлѣ поютъ великоденныя пѣсни подъ окнами, ходятъ играть съ музыкою по домамъ. Такихъ пѣсенниковъ называютъ: волочебниками, а запѣвалъ: почипальниками. Въ Минской губерніи и окрестностяхъ мѣстечка Юрьевичи пляшутъ на игрищахъ: метелицу и завѣйницу.

На прощеный день въ Тульской губерніи сзываютъ тесть и теща зятниныхъ родныхъ на молодое пиво. Въ Костромской губерніи варятъ моленое пиво, козьмодемьянское, въ складчину. При сливаніи пива въ лагуны сходятся молодые и старые распивать остатокъ. Каждый изъ нихъ, отвѣдывая пиво, обязанъ говорить: «пиво не диво, и медъ не хвала, а всему голова, что любовь дорога». Царь Іоаннъ Васильевичъ дозволялъ народу пировать на Святой недѣлѣ въ кабакахъ. Въ уставной Пермской грамотѣ 1555 года дозволено было народу на великоденной недѣлѣ варить питья и пить ихъ.

Съ Святой недѣли начинаютъ повсемѣстно разыгрывать хороводы. Соберемъ всѣ преданія объ нихъ, объ ихъ введеніи въ жизнь нашихъ отцовъ и времени ихъ дѣйствія.

Хороводы.

Русскіе хороводы, украшая собою нашу семейную жизнь, представляются столько же древними, сколько древня наша жизнь. Жили ли предки наши дома, они занимались играми, плясками, хороводами; были ли они на побоищѣ, они воспѣвали родину въ своихъ былинахъ. Съ веселыхъ пировъ Владиміра пѣсни разносились по всей Руси и переходили изъ рода въ родъ. Прежніе наши гусляры, вдохновители русской народной поэзіи, видны доселѣ еще въ запѣвалахъ, хороводницахъ, свахахъ. Какъ гусляры въ старину открывали пѣснями великокняжескія пиршества, такъ и наши запѣвалы и хороводницы составляютъ хороводы и пляски. Есть люди, указывающіе намъ на былое дѣйствіе, но нѣтъ вѣрнаго указанія, когда начались наши хороводы. Исторія хороводовъ заключается въ преданіяхъ; а всѣ наши народныя преданія говорятъ о быломъ, какъ о настоящемъ времени, безъ указаній дней и годовъ; говорятъ, что̀ дѣлали наши отцы и дѣды, не упоминая ни мѣста дѣйствія, ни самихъ лицъ.

Первоначальное значеніе хоровода, кажется, потеряно навсегда. Мы не имѣемъ никакихъ источниковъ, указывающихъ прямо на его появленіе въ русской землѣ, и поэтому всѣ предположенія остаются ничтожными. Было счастливое время, когда наши филологи производили хороводъ отъ греческихъ и латинскихъ словъ. Счастливо было то время, когда наши умники вѣрили, что нашъ хоро-

водъ происходитъ отъ греческаго слова χοροβατέω—ступаю въ хорѣ; невозвратны и тѣ наслажденія, когда съ торжествомъ произносили, что хороводъ заключается въ словахъ: χορος—ликъ поющихъ и пляшущихъ, ἄγω—веду. Утѣшны и споры филологовъ. Латинцы отыскали созвучіе у Горація въ IV книгѣ, 7 одѣ—horos ducere—вести хоры, лики, и утверждали первенство за собой. Всматриваясь въ это изысканіе, какъ въ предположеніе, находимъ, что оно прекрасно, что оно открыло труженникамъ мечтательное созвучіе въ словахъ; но кто поручится, что это было такъ? Кто докажетъ намъ, что русскіе, вводя въ свою семейную жизнь игры, составили свой хороводъ изъ латинскаго выраженія Горація? Много, очень много есть прямыхъ указаній, какъ русскіе умѣли заимствовать изъ Греціи обряды для своей жизни; и во всемъ этомъ мы только находимъ приблизительныя указанія. Очевидностей нечего и искать; ихъ нѣтъ у нашего народа, когда преданія передаютъ былое вамъ о старой жизни.

Хороводы мы встрѣчаемъ у всѣхъ славянскихъ племенъ. Литовцо-руссы хороводъ переименовали въ корогодъ. Богемцы, хорваты, карпато-руссы, морлаки, далматы обратили его въ kolo—кругъ. Славянское коло также сопровождалось пѣснями, плясками и играми, какъ и русскій хороводъ. Подобныя измѣненія мы находимъ и въ русскихъ селеніяхъ. Поселяне Тульской, Рязанской и Московской губерній, говоря о хороводникахъ, выражаются: «они пошли тонки водить. Въ словѣ тонки мы узнаемъ народную игру толоки, въ которой игроки ходятъ столпившись, какъ въ хороводѣ.

Важность русскихъ хороводовъ для нашей народности столь велика, что мы, кромѣ свадебъ, ничего не знаемъ по-

добнаго. Занимая въ жизни русскаго народа три годовыя эпохи: весну, лѣто и осень, хороводы представляютъ особенныя черты нашей народности: разгулъ и восторгъ. Отдѣляя народность отъ простонародія, мы въ ней открываемъ творческую силу народной поэзіи, самобытность вѣковыхъ созданій. Въ этомъ только взглядѣ наша народность ничего не имѣетъ подобнаго. Отнимите у русскаго народа поэзію, уничтожьте его веселый разгулъ, лишите его игръ, и наша народность останется безъ творчества, безъ жизни. Этимъ-то отличается русская жизнь отъ всѣхъ другихъ славянскихъ поколѣній, отъ всего міра.

Русскіе хороводы доступны всѣмъ возрастамъ: дѣвы и женщины, юноши и старики равно принимаютъ въ нихъ участіе. Дѣвицы, окруженныя хороводницами, изучаютъ пѣсни и игры по ихъ наставленіямъ. Въ нашей хороводницѣ сохраняются слѣды глубокой древности. Обратите вниманіе на ея заботливость передавать вѣковыя пѣсни возростающему поколѣнію, на ея желаніе внушить дѣвамъ страсть къ народнымъ играмъ, и вы увидите въ ней посредницу между потомствомъ и современностью, увидите въ ея думахъ генія-блюстителя нашей народности. При всей этой важности, хороводница считается у насъ обыкновенною, простою женщиною, способною только пѣть и плясать. Такъ одно время могло измѣниться народное значеніе этого слова. Между нашими православными людьми соблюдается доселѣ почетъ къ хороводницѣ: подарки сельскихъ дѣвушекъ, угощеніе матушекъ, безденежные труды отцовъ на ея полѣ. Это все дѣлается во время хороводныхъ игръ. Въ другое время она измѣняетъ свой характеръ: дѣлается свахою на свадьбахъ, бабкою позываткою на пирахъ, за безлюдьемъ кумою на крестинахъ, плакушею на похоро-

пахъ. Таковъ кругъ жизни, совершаемый русскими хороводницами. Кромѣ того, есть еще особенныя отличія въ хороводницахъ городскихъ и сельскихъ.

Городскою хороводницею можетъ быть нянюшка, взлелѣявшая цѣлое семейство, и сосѣдка, живущая на посылкахъ у богатыхъ купцовъ. Нянюшка изъ любви къ дѣтямъ утѣшаетъ молодежь хороводами, передаетъ имъ старину своего дѣтства—сельскую; ибо большая часть русскихъ нянекъ родились въ селахъ, а доживаютъ свою жизнь въ городахъ, въ чужомъ семействѣ. Въ этомъ классѣ всегда преимуществуютъ мамки, воспитавшія дѣтей на своихъ рукахъ. Сосѣдка, удивительная своею заботливостью по чужимъ дѣламъ, представляетъ въ нашей народности лицо занимательное. Она знаетъ всѣ городскія тайны: кто и когда намѣренъ жениться, кого хотятъ замужъ отдать, кто и гдѣ за что поссорился. Безъ ней нѣтъ въ семействѣ никакого утѣшенія: зимой она приходитъ дѣтямъ разсказывать сказки, матушкамъ передавать вѣсти; лѣтомъ она первая выходитъ на лугъ составлять хороводы, первая пляшетъ на свадьбѣ, первая пьетъ брагу на праздникѣ. Сосѣдку вы всегда встрѣтите въ домѣ зажиточнаго купца утромъ, въ полдень и вечеромъ; она всегда бываетъ весела, шутлива, бѣдно одѣта. Заговорите съ ней поближе, словами близкими къ ея сердцу, и она передастъ вамъ все сокрытое и явное; она ознакомитъ васъ съ городомъ и горожанами; она обрисуетъ вамъ картины своего вѣка такъ рѣзко, что вы во сто лѣтъ не могли бы сами изучить такъ отчетисто и вѣрно.

Сельская хороводница—женщина пожилая, вдова, живущая мірскимъ состраданіемъ. Отвага, молодость и проворство отличаютъ ее отъ всѣхъ другихъ. Ей не суждено со-

старѣться. Она вѣчно молода, игрива, говорлива; она утѣшаетъ всю деревню; она нужна для всего деревенскаго міра: она распоряжаетъ всѣми увеселеніями; она не пируетъ на праздникахъ какъ гостья, но за то всѣ праздничныя увеселенія исполняются по ея наставленіямъ. Весь кругъ ея жизни и дѣйствій сосредоточивается въ одной и той же деревнѣ, гдѣ она родилась, гдѣ состарѣлась и гдѣ должна умереть.

Мѣста, гдѣ отправляются народные хороводы, получили во многихъ мѣстахъ особенныя названія и удержали изстари за собою это право. Рѣки, озера, луга, погосты, рощи, кладбища, огороды, пустоши, дворы — вотъ мѣста для ихъ отправленія. На однихъ мѣстахъ бываютъ хороводы праздничные, на другихъ обыкновенные запросто. Праздничные хороводы есть самые древніе: съ ними сопряжено воспоминаніе прошлаго, незапамятнаго народнаго праздества. Для такихъ хороводовъ поселяне и горожане приготавливаются заранѣе, сзываютъ дальнихъ гостей и сосѣдей, красятъ желтыя яйца, пекутъ короваи, яичницы, пироги, варятъ пиво, медъ и брагу. Праздничные хороводы отправляются равно поселянами и горожанами, обыкновенные же болѣе замѣтны по городамъ. Дѣвушки богатыхъ отцовъ выходятъ повеселиться на свой дворъ, куда сбираются къ нимъ подруги. Все это бываетъ вечеромъ, съ окончаніемъ работъ.

Женщины и дѣвушки, приготовляясь къ хороводамъ, одѣваются въ лучшіе наряды, предметъ особенной заботливости поселянъ. Сельскія дѣвушки для сего закупаютъ ленты, платки на ярмаркахъ, и все это на свои трудовыя деньги. Изъ мірской сладчины онѣ покупаютъ для хороводницы платокъ и коты. Въ городахъ вся заботливость

лежитъ на матушкахъ, награждающихъ хороводницъ и сосѣдокъ изъ своихъ молочныхъ денегъ, изъ барышей, остающихся у богатыхъ купчихъ отъ продажи молока.

Мужчины въ сельскихъ хороводахъ представляютъ гостей, призванныхъ раздѣлять веселье и радости. Молодые ребята, неженатые, вступаютъ въ игры съ дѣвушками по приглашенію хороводницы. Въ городскихъ хороводахъ, совершаемыхъ на дворахъ и площадяхъ, рѣдко участвуютъ мужчины; тамъ можно видѣть братцевъ и родныхъ, будущихъ суженыхъ. Эти братцы живо представятъ вамъ особенный бытъ нашей семейной жизни: родниться съ своимъ кругомъ и заранѣе сближаться съ подругами жизни.

Русскіе хороводы распредѣлены по времени года, свободнымъ днямъ жизни и по сословіямъ. Сельскіе начинаются со Святой недѣли и продолжаются до рабочей поры; другіе появляются съ 15 августа и оканчиваются при наступленіи зимы. Поселяне веселятся только по днямъ праздничнымъ; въ другіе дни окружаютъ ихъ нужды, а для искупленія ихъ они должны жертвовать всѣмъ. Городскіе хороводы также начинаются съ Святой недѣли и продолжаются во все лѣто и осень. Горожане, люди досужливые, болѣе имѣютъ времени гулять и пѣть; они пользуются всѣмъ готовымъ. Время и разные обычаи до того разнообразятъ увеселенія православныхъ, что въ одно и то же время въ одномъ городѣ встрѣчаемъ такой праздникъ, а въ другомъ находимъ совершенно иной; тамъ есть свои стародавніе обряды, здѣсь другіе. Весна и осень, два времени, въ которыя поселяне болѣе всего веселятся. Здѣсь семейная жизнь представляется въ разныхъ картинахъ. Принимая раздѣленіе хороводовъ на весенніе, лѣтніе и осенніе, мы увидимъ настоящую картину русской жизни и

правильнѣе можемъ слѣдить за постепеннымъ ходомъ народныхъ увеселеній.

Первые, весенніе хороводы начинаются съ Святой недѣли и оканчиваются вечеромъ на Красную горку. Здѣсь соединялись съ хороводами: встрѣча весны, снаряженіе суженыхъ къ вѣнечному поѣзду. Радуницкіе хороводы отличаются разыгрываніемъ Вьюнца, стараго народнаго обряда въ честь новобрачныхъ. Георгіевскіе хороводы соединяютъ съ собой выгонъ скота на пастьбы и игры на поляхъ. Въ этотъ день къ хороводницамъ присоединяются гудочники, люди умѣющіе играть на рожкѣ всѣ сельскія пѣсни. Послѣдними весенними хороводами считаются Никольскіе. Для празднованія Никольщины званые гости съѣзжаются съ вечера и принимаются съ почетомъ, поклонами и просьбами пировать на праздникѣ. Цѣлое селеніе складывается въ складчину на мірской сборъ: поставить угоднику мірскую свѣчу; сварить браги, щей, лапши, каши; напечь пироговъ для званыхъ гостей. Все это дѣло присуждалось старостѣ, или земскому. Званые гости уѣзжали съ лошадьми въ ночную, гдѣ пиршества продолжались до утра съ плясками и пѣснями. Наставалъ праздникъ, со всѣхъ сторонъ стекались православные, званые и незваные. Богатые незваные приходили къ старостѣ и давали вкладу пировать Никольщину; бѣдные только отдѣлывались поклонами. Кругомъ погоста ставили столы съ пирогами, кадушки съ брагой; а въ земской избѣ стояли на столѣ: щи, лапша, каша. Съ окончаніемъ обѣдни начиналась пирушка. Гости ходили по избамъ, ѣли, что душѣ было угодно, пили до-нельзя. Предъ вечеромъ женщины выходили на улицы пѣть пѣсни, играть въ хороводы. Раздолье бывало шумное и гульливое, когда бояринъ

жилъ въ селѣ и справлялъ съ своими гостями Никольщину. Дворъ его наполнялся людьми; бояринъ съ боярыней угощали гостей виномъ и брагой. Все это бывало прежде, а нынѣ быльемъ заросло. Вотъ о чемъ съ горестью воспоминаютъ старики! Вотъ отчего мила русскому по душѣ и сердцу русская старина! Никольщина продолжалась три дня, а иногда и болѣе. Заѣзжіе гости до того наслаждались брагой, что не могли руками брать шапку. Это считалось для хозяевъ особеннымъ почетомъ, а гости почитали себя вправѣ величаться такимъ угощеніемъ. Въ пиршествѣ не участвовали только дѣвицы; онѣ наслаждались хороводами, когда женщины плясали «во всю Ивановскую».

Лѣтніе хороводы начинаются съ Троицкой недѣли и бываютъ веселѣе и разнообразнѣе весеннихъ. Поселянки закупаютъ наряды: платки и ленты. Семейная жизнь пробуждается со всѣми причудами. Московскій семикъ, первенецъ троицкихъ хороводовъ, отправляется со всѣми увеселеніями. Къ этому дню мужчины рубятъ березки, женщины красятъ желтыя яйца, готовятъ короваи, сдобники, драчены, яичницы. Съ разсвѣтомъ дня начинались игры и пѣсни. Троицкіе хороводы продолжаются всю недѣлю. Въ это время только можно изучать семицкія пѣсни. Всесвятскіе хороводы продолжаются три дня и соединены съ особенными мѣстными празднествами. Петровскіе и пятницкіе хороводы отправляются почти въ одно и то же время. Начатіе и продолженіе ихъ зависитъ отъ измѣняемости нашего мѣсяцеслова. Ивановскіе хороводы начинаются 23 іюня и продолжаются двое сутокъ. На Петровъ день оканчиваются наши лѣтніе хороводы. Въ го-

родахъ и селахъ они отправляются на площадяхъ, вмѣстѣ со всѣми другими увеселеніями.

Осенніе городскіе хороводы въ однихъ мѣстахъ начинаются съ Ильина дня, а въ другихъ съ Успеньева дня. Сельскіе хороводы начинаются съ бабьяго лѣта. Такая разность указываетъ болѣе на мѣстности, нежели на различіе обрядовъ. Успенскіе хороводы начинаются съ 6 августа, когда начинаютъ сбирать фруктовые плоды. Въ старину эти празднества бывали сборныя въ тульскихъ садахъ. Веневцы, исключительно занимавшіеся садовыми промыслами, начинали сборъ яблокъ и грушъ пѣснями и хороводами. Семенинскіе хороводы отправляются по всей Россіи съ разными обрядами и продолжаются цѣлую недѣлю. Капустинскіе хороводы начинаются съ половины сентября и отправляются только въ городахъ. Послѣдніе хороводы бываютъ покровскіе и отправленіе ихъ зависитъ отъ времени года.

Кромѣ сихъ обреченныхъ дней, русскіе хороводы отправляются на свадьбахъ, даже зимою. Мнѣ часто случалось видѣть, какъ зимою на московскихъ свадьбахъ дѣвушки разыгрывали хороводы въ комнатахъ.

Русскіе хороводы сопровождаются особенными пѣснями и играми. Пѣсни принадлежатъ ко временамъ отдаленнымъ, когда наши отцы живали припѣваючи, безъ горя и заботъ. Нѣтъ никакой возможности опредѣлить, когда игры были соединены съ хороводами. Такое смѣшеніе игръ и хороводовъ замѣтно болѣе въ городахъ. Игры хороводныя содержатъ въ себѣ драматическую жизнь нашего народа. Здѣсь семейная жизнь олицетворена въ разныхъ видахъ. Въ хороводахъ, исключительно взятыхъ, заключается народная опера. Ея характеръ, исполненный мѣст-

ными обрядами, старыми повѣрьями, принадлежитъ исключительно русскому народу.

Въ Черниговской губерніи въ концѣ Святой недѣли бываетъ особенное игрище: изгнаніе или провожаніе русалокъ.

Радуницкая недѣля.

Радуницкая недѣля начинается съ Ѳомина воскресенья и вмѣщаетъ въ себѣ старые обряды нашихъ отцовъ. Первый день сей недѣли называютъ: Красная горка, понедѣльникъ: Радуницею, вторникъ: Наской или Навій день, или усопшія радаванницы. На этой недѣлѣ отправляютъ: хожденіе вьюнитства. Малоруссы Ѳоминъ понедѣльникъ называютъ: могилками, гробками, проводами; а въ Мохновскомъ округѣ Кіевской губерніи величаютъ сей день: бабскимъ праздникомъ. Въ Кіевѣ наша Радуница извѣстна подъ именемъ: проводовъ. Болгары справляютъ свою Радуницу на могилахъ родителей, пируютъ съ родными и катаютъ по могиламъ красныя яйца.

Красная горка.

Красная горка на Руси составляетъ первый весенній праздникъ. Великоруссы здѣсь встрѣчаютъ весну, вѣнчаютъ суженыхъ, разыгрываютъ хороводы. Малоруссы отправляютъ свои веснянки, ходятъ съ пѣснями по улицамъ.

Поселяне Тульской губерніи на Красную горку закликаютъ весну съ хороводными пѣснями. При восхожденіи солнца, они выходятъ на холмъ или пригорокъ, подъ предводительствомъ хороводницы. Обращаясь на востокъ, хо-

роводница, проговоривъ молитву, входитъ въ кругъ съ круглымъ хлѣбцомъ въ одной рукѣ и съ краснымъ яйцомъ въ другой и начинаетъ пѣсню:

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ и проч.

Въ Калужской губерніи поселяне зазываютъ весну также съ пѣснями. Соломенное чучело, укрѣпленное на длинномъ шестѣ, ставится на горкѣ; кругомъ его сбираются женщины и мужчины. Послѣ пѣсенъ садятся вокругъ горки, угощаютъ другъ друга яичницами. Вечеромъ сожигаютъ чучело съ пѣснями и плясками. Въ степныхъ селеніяхъ встрѣчаютъ весну съ одпѣми пѣснями, безъ всякихъ обрядовъ.

Въ Вязьмѣ выходятъ невѣсты и женихи въ праздничныхъ нарядахъ погулять на Красную горку. Здѣсь невѣсты выглядываютъ своихъ жениховъ. Тамъ очень часто случается, что на этотъ день происходятъ и самыя рукобитья.

Въ Буйскомъ уѣздѣ для встрѣчи весны взрослыя дѣвицы и холостые ребята, при восхожденіи солнца, обливаютъ себя водою, на открытомъ воздухѣ. Отчаянные и смѣлые купаются въ рѣкахъ. Послѣ на сходбищѣ поютъ пѣсни, перепрыгиваютъ чрезъ плетень огорода, взлѣзаютъ на деревья, ходятъ вереницами вокругъ сѣнныхъ стоговъ. Въ это время они поютъ:

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью и проч.

На Красную горку начинается и поминовеніе родителей. Въ Спасскѣ Рязанскомъ дѣвицы и женщины въ жаленомъ платьѣ (траурномъ) выходятъ на кладбище поклониться своимъ родителямъ. Сначала, по обыкновенію, плачутъ на могилахъ съ разными причитаніями о житьѣ-бытьѣ покойниковъ, потомъ принимаются раскладывать по могиламъ кушанья и напитки. Родные и знакомые ходятъ по могиламъ въ гости. Здѣсь старые занимаются угощеніемъ, а молодые катаютъ по могиламъ красныя яйца. Остатки вина выливаются на могилы. Съ кладбищъ отправляются въ праздничныхъ платьяхъ разыгрывать Красную горку въ хороводахъ.

На Красную горку начинаютъ играть: въ горѣлки, сѣять просо, плести плетень, прославлять заинку, сходбище Дона Ивановича.

Въ Малороссіи и по всей Украйнѣ ходятъ дѣти по домамъ славить ярь и зеленачку. Дѣти носятъ съ собою въ рукахъ деревянную ласточку. Дѣвушки ходятъ по улицамъ и поютъ веснянки.

Вьюнецъ.

Вьюнецъ принадлежитъ къ незапамятнымъ, старымъ русскимъ обрядамъ. Этотъ обрядъ, доселѣ невполнѣ объяснимый, упоминается въ 25 вопросѣ Стоглава: «и на Радуницу Вьюнецъ и всяко въ нихъ бѣсованіе». Остатки сего обряда состоятъ въ хожденіи по улицѣ — съ вьюништвомъ, въ пѣніи обрядныхъ пѣсенъ въ честь новобрачныхъ. Вьюнецъ справляютъ въ однихъ мѣстахъ въ субботу на Святой недѣлѣ, въ другихъ въ Ѳомино воскресенье. Вьюницкія пѣсни помѣщены въ первомъ томѣ Сказаній.

Въ селеніяхъ Семеновскаго уѣзда Нижегородской губерніи Вьюнецъ справляютъ въ субботу на Святой недѣлѣ. Тамъ поселяне сбираются съ разсвѣтомъ за околицею, а потомъ толпою ходятъ по улицамъ. Подходя къ дому, они поютъ пѣсни. Молодые угощаютъ взрослыхъ виномъ, а дѣтей одѣляютъ деньгами. Вечеромъ на эти деньги покупается вино и пряники. Дѣвицы разыгрываютъ хороводы, а молодцы бьются на кулачки и борятся одинъ-на-одинъ.

Въ Переславлѣ-Залѣскомъ народъ хаживалъ по улицамъ для отысканія молодыхъ, вьюна и вьюницы. Подходя къ ихъ домамъ, холостые приговаривали у оконъ: «вьюнъ-вьюница, отдай наши яйцы!» Молодые обязаны были выдавать изъ окна куличъ, окрашенныя яйца, поить виномъ и брагой. Въ селеніяхъ Нерехтскаго уѣзда ходятъ ребята бесѣдами по домамъ и поютъ подъ окнами: «вьюнъ да вьюница, давай яйцо; а не дашь яйцо, придетъ вѣтрица». Окликальщикамъ выдаются яйца, а гдѣ есть новобрачные, тамъ угощаютъ ихъ виномъ и брагой. Собранныя яйца употребляютъ на яичницы. Въ Галичѣ хожденіе народа происходитъ ночью, до самаго разсвѣта. Вьюнишники распѣваютъ подъ окнами: «юница, молодица! подай яйцо въ перепечу». Молодые угощаютъ ребятъ виномъ и брагой, дѣтей ладышками и казанками, дѣвицъ пряниками и красными яйцами.

Радуница.

Радуница, называемая иначе: радунецъ, радоница, радавница, радованица, сопровождается особенными обрядами и пѣснями. Въ Нерехтѣ сохранилась поговорка расплакалася какъ усопшая радуница. Въ одной па-

родной пѣснѣ поютъ: «какъ зять звалъ ли тещу ко Радуницѣ». Въ Костромской губерніи Радуница бываетъ въ Ѳомино воскресенье, а въ другихъ въ понедѣльникъ. Бѣлоруссы справляютъ свою Радуницу во вторникъ, какъ и рязанцы. Въ нашихъ лѣтописяхъ слово: радуница принималось за времясчисленіе. Такъ въ Кіевской лѣтописи бывшій пожаръ 16 апрѣля 1493 года показанъ, что былъ на Радуницу. Апрѣля 16 приходилось тогда во вторникъ Ѳоминой недѣли. Троицкій лѣтописецъ, упоминая въ 1372 г. о нападеніи Литвы на Переславль, говоритъ, что оно было по Велицѣ дни на другой недѣли во вторникъ, на заутріе по Радуницѣ. Въ стоглавѣ находимъ обвиненіе на тѣхъ, которые окличкп на Радуницы творятъ.

Въ Москвѣ въ Ѳоминъ понедѣльникъ сохранилось гулянье въ гостиномъ ряду. Сюда женщины сходятся покупать остатки за дешевую цѣну. Въ Тулѣ на этотъ день ходятъ женщины на кладбище поминать родителей съ калачами и кануномъ. Въ Устюгѣ Великомъ, въ память событія 1445 года, бываетъ крестное хожденіе на убогій домъ, а вечеромъ отправляется гулянье въ сосновой рощѣ, при кладбищѣ. Въ Иркутскѣ Радуницу справляютъ на Крестовой горѣ. Сюда, какъ на общее кладбище, сходятся поминать усопшихъ, гулять съ родными и знакомыми и пировать за упокой родителей, чѣмъ Богъ послалъ. Въ Кіевѣ поминали прежде родителей на горѣ Скавицѣ. Здѣсь, послѣ панихиды, происходило въ семейныхъ кружкахъ угощеніе. Бурсаки пѣвали тогда особенныя плачевныя канты.

Бѣлоруссы выходятъ во вторникъ на могилы своихъ родителей, въ 2 часа пополудни, обѣдать и поминать ихъ за упокой. Сначала начинается катаніе на могилахъ красныхъ яицъ, потомъ обливаніе могилъ медомъ и виномъ.

Яйца раздаются нищимъ. Могилы накрываются бѣлымъ столечникомъ, устанавливаются кушаньями. По старымъ примѣтамъ кушанье должно состоять изъ печеныхъ блюдъ и сухихъ. Богатые снабжаютъ бѣдныхъ кушаньями для родительской трапезы. Послѣ сего привѣтствуютъ родителей: святые родзицели, ходзице къ намъ хлѣба-соли кушаць!—И садятся на могилахъ поминать ихъ. По окончаніи поминокъ говорятъ: мои родзицели, выбачайте, не дзивицесь, чѣмъ хата богата, тѣмъ и рада. Остатки кушанья раздаются нищимъ и день оканчивается при корчмахъ съ пѣснями и плясками. Славянскіе дзяды, по своему сходству съ нашею Радуницею, заслуживаютъ особенное вниманіе.

Обкладываніе родительскихъ могилъ на Ѳоминой недѣлѣ почитается у русскихъ въ числѣ необходимой принадлежности старыхъ людей. Сюда сходятся женихи и невѣсты испрашивать благословеніе у своихъ покойныхъ родителей на любовь и союзъ, и въ воспоминаніе своего обѣта кладутъ на могилы красныя яйца.

Радуницы напоминаютъ намъ древнія тризны нашихъ праотцевъ, сопровождаемыя поминками, жертвами и возліяніями въ память усопшихъ. Діаконъ Левъ Калойскій говоритъ: «русскіе, слѣдуя языческимъ обрядамъ грековъ, совершали жертвы и возліянія въ честь усопшихъ». Кажется, что русскіе переняли у грековъ и римлянъ только возлаганіе яицъ на могилахъ. У грековъ этотъ обрядъ принадлежалъ къ числу умилостивительныхъ жертвъ надъ усопшими.

Въ Орловской губерніи на Радуницкой недѣлѣ поселяне прогоняютъ смерть изъ своего села. Въ полночь дѣвицы выходятъ съ метлами и кочергами и гоняютъ по полю

смерть. Въ степныхъ губерніяхъ женщины убираютъ всю недѣлю свои избы и на ночь оставляютъ на столѣ кушанье для покойныхъ родителей. Онѣ твердо увѣрены, что ихъ покойные родители на Радуницкой недѣлѣ заглядываютъ въ избы къ своимъ роднымъ и наказываютъ тѣхъ, которые не приготовятся къ этому.

Въ Тульской и Костромской губерніяхъ на Радуницкой недѣлѣ поселяне и горожане окликаютъ первый дождь. По преданіямъ извѣстно, что прежде въ окликаніи дождя участвовали всѣ возрасты; а нынѣ только этимъ дѣломъ занимаются одни дѣти. При появленіи тучи, или облаковъ, дѣти выбѣгаютъ на улицу и нараспѣвъ причитываютъ:

Дождикъ, дождикъ!
Снаряжайся напоказъ.
Дождикъ, припусти,
Мы поѣдемъ во кусты,
Во Казань побывать,
Въ Астрахань погулять.
Поливай, дождь,
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ
Поливай ведромъ.
Дождь, дождь, припусти,
Посильнѣй, поскорѣй,
Насъ, ребятъ, обогрѣй.

Послѣ сего дѣти дожидаются дождя, распѣвая свою окличку нѣсколько разъ; а когда пойдетъ дождь, то они умываютъ имъ лицо и руки. Если при дождѣ появится молнія, тогда выбѣгаютъ на дворъ дѣвицы и женщины и умываются дождемъ съ золота и серебра. Для сего выносятъ въ чашкѣ каждая изъ нихъ золотыя и серебряныя кольца.

Все это дѣлается съ полной увѣренностью помолодѣть и похорошѣть.

Семицкая недѣля.

Семицкая недѣля бываетъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи и получила такое народное названіе отъ Семика. Эта недѣля въ старину извѣстна была подъ именемъ Русальной. Малоруссы называютъ ее зеленою, клечальною, а послѣдніе три дня зелеными святками. Около Стародуба ее величаютъ Греною, гдѣ и семицкія пѣсни называются Гренухами. Дни семицкой недѣли нашъ народъ называетъ особенными именами: вторникъ: задушными поминками, четвергъ: семикомъ, субботу: клечальнымъ днемъ, семицкія ночи называются: воробьиными. Литовцы и поляки называютъ нашу Семицкую недѣлю зеленою недѣлею, чехи и словаки—Русальдою, карпато-руссы — Русалье.

На Семицкой недѣлѣ отправляются разные обряды: Задушные поминки, Семикъ, Кукушки, Моргостье, завиваніе вѣнковъ, поются особенныя семицкія и троицкія пѣсни.

Задушные поминки.

Въ народѣ существуетъ странное понятіе о покойникахъ: будто они вспоминаютъ о старой своей жизни, бродятъ въ семицкую недѣлю по кладбищамъ безъ пристанища. Добродушныя старушки, изъ жалости, приходятъ бесѣдовать во вторникъ на ихъ могилы и справляютъ по нихъ задушныя поминки. По ихъ предположеніямъ, покойники, довольные такимъ угощеніемъ, уже не выходятъ

изъ могилъ. Забытые покойники часто вступаютъ въ ссоры и драки съ русалками, а русалки за всѣ обиды мстятъ уже живымъ. Подобное же понятіе существуетъ объ удавленникахъ и утопленныхъ. Поселянки Тульской губерніи выходятъ и на ихъ могилы для поминокъ. Здѣсь для нихъ оставляютъ разбитыя яйца и блины, съ полною увѣренностью, что всѣ ихъ приношенія будутъ съѣдены покойниками. Подробности будутъ изложены въ Русской Демонологіи.

Семикъ.

Семикъ отправляется народомъ въ четвергъ въ рощахъ, лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ и прудовъ. Къ этому дню рубятъ березки, красятъ яйца въ желтую краску, готовятъ короваи, сдобники, драчены и яичницы. Съ разсвѣтомъ дня молодежь разставляетъ березки по домамъ, улицамъ и дворамъ. Въ Тульской губерніи семицкая береза называется кумою. Напротивъ того, въ замосковныхъ селеніяхъ, мужчину съ березкою въ рукахъ называютъ кумомъ, а дѣвицу въ вѣнкѣ кумою. Въ старину наши старики хаживали встрѣчать Семикъ на могилахъ родителей, гдѣ, послѣ поминовенія, они съ своими семействами разъѣдали яичницы и драчены. Отсюда молодежь отправлялась въ рощи завивать вѣнки изъ березъ. Здѣсь пѣли, плясали, играли въ хороводы до глубокой ночи. Послѣ игръ «всею гурьбою» заламывали березку, обвѣшивали ее лентами и лоскутками, и съ пѣснями возвращались домой.

Московскій Семикъ справляется нынѣ въ Марьиной рощѣ, въ видѣ одного гулянья; а прежде каждое семейство выходило веселиться на свое родовое кладбище. Въ Сибири Семикъ называютъ тюльпою. Въ городѣ Тулѣ не спра-

вляютъ Семика, а онъ извѣстенъ только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ сей губерніи.

Въ старину на Семикъ отправлялся древній обычай поминовенія убогихъ на убогихъ домахъ, или божедомкахъ, или скудельницахъ. Убогіе домы въ Тверской и Псковской губерніяхъ назывались буйвищами, а въ Новгородской жалями и жальниками. Охранители убогихъ домовъ назывались: божедомами, а въ Новгородской и Псковской губерніяхъ: боградными и божатыми. Въ народѣ объ нихъ сохранились доселѣ поговорки: живетъ одинъ какъ божедомъ — божатому и хлѣбъ и изба готова. Сюда свозились покойники, люди или несчастно умершіе, или удавленники, или утопленники, или найденные въ окрестностяхъ. Изъ ближайшей церкви бывалъ крестный ходъ на убогій домъ. Наши добродушные отцы приходили съ рубашками, саванами и гробами для покойниковъ; сами рыли могилы, сами опрятывали покойниковъ въ саваны и рубашки. Въ успокоеніе ихъ душъ возносили къ Богу безкорыстныя молитвы. Въ убогій домъ былъ отвезенъ и Лже-Димитрій.

Мѣстные обряды, отправляемые народомъ въ Семикъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Въ Покровѣ, уѣздномъ городѣ Владимірской губерніи, дѣвушки ходятъ съ пирогомъ сбирать деньги. Вѣроятно, что это старый божедомскій остатокъ, когда сбирались деньги для похоронъ въ убогомъ домѣ. Въ степныхъ селеніяхъ дѣвушки сносятъ ссыпчину — муку, крупу, хлѣбъ и блины. Ссыпчину раздаютъ нищей-братіи. Въ селеніяхъ Нерехотскаго уѣзда дѣвушки изготовляютъ козули — круглыя лепешки съ яйцами въ видѣ вѣнка. Съ этими козулями онѣ ходятъ въ лѣсъ завивать вѣнки. Обвивая плакучія березы лентами,

нитками, привязываютъ вѣнки къ вѣтвямъ, а изъ вѣтвей дѣлаютъ одинъ вѣнокъ. Подходя къ вѣнку, цѣлуются и приговариваютъ: «здравствуй, кумъ и кума, березку завивши!» Послѣ этого обвиваютъ березу поясомъ и лентами и поютъ пѣсни. По окончаніи всѣхъ игръ садятся подъ березки, съѣдаютъ козули и яишницы. Въ Нерехтѣ Семикъ справляется на Пахоміевской полянѣ. Вологодскій Семикъ справляется на полянѣ, гдѣ погребены бѣлоризцы, сражавшіеся съ Литвою. Въ Цивильскѣ дѣвицы и женщины ходятъ завивать березку съ пивомъ. Въ Галичѣ, при завиваніи вѣнковъ, дѣвицы мѣняются кольцами и серьгами. Въ Саратовской губерніи, въ селеніяхъ по Волгѣ, выходятъ въ лѣсъ срѣзывать березки; съ этими березками и вѣнками, украшенными лентами, приходятъ въ село. Березку врываютъ въ землю и поютъ семицкія пѣсни. Послѣ пѣсенъ становятся двѣ дѣвушки съ поднятыми руками вверхъ, а другія ходятъ кругомъ ихъ и поютъ пѣсни. Семицкія пѣсни помѣщены въ первомъ томѣ Сказаній.

Семицкіе вѣнки въ однихъ мѣстахъ сохраняются въ избахъ до Троицына дня, а въ другихъ бросаютъ ихъ въ воду съ гаданіемъ: потонетъ ли вѣнокъ, или нѣтъ? На одномъ ли мѣстѣ онъ остановится, или поплыветъ въ сторону? Чей вѣнокъ плыветъ впереди, и чей остается назади? Подруги бросаютъ свои вѣнки вмѣстѣ, а иногда и братъ съ сестрой. Нерѣдко случается, что влюбленные, какъ будто нечаянно, бросаютъ свои вѣнки вмѣстѣ. Догадливые люди о сближеніи такихъ вѣнковъ на водѣ нерѣдко угадываютъ о близкой свадьбѣ. Бывали примѣры, что матушки никогда не отдавали своихъ дочекъ за такихъ суженыхъ, которыхъ семицкіе вѣнки потопли въ водѣ,

въ виду всѣхъ. По замѣчаніямъ старушекъ, такіе суженые или скоро умираютъ, или спиваются съ круга. Ленты, которыми наши бабушки перевивали семицкіе вѣнки, сохранялись всю жизнь. Когда онѣ въ этотъ годъ выходили замужъ, ими связывали вѣнчальныя свѣчи.

Клечальная суббота.

Съ именемъ Клечальной субботы въ понятіяхъ нашего народа соединяется старое вѣрованіе въ русалокъ. Въ этотъ день суевѣрные поселяне думаютъ, что русалки бѣгаютъ по ржамъ, бьютъ въ ладоши и распѣваютъ: «бухъ, бухъ! соломенный духъ! меня мати породила не крещену положила». Вѣрованіе въ русалокъ будетъ подробно изложено въ Русской Демонологіи.

Жители села Горохова, Воронежской губерніи, на берегу озера, соединяющагося съ Дономъ, устроивали на лугу особенный шалашъ, убирали его цвѣтами и вѣнками, въ серединѣ ставили соломенное чучело. Это чучело сначала наряжали въ женское платье, а потомъ въ мужское. Въ шалашѣ предъ нимъ ставили приносимое кушанье, вино и другія лакомства. Вокругъ шалаша одни поселяне разыгрывали хороводы, молодые плясали, иные въ кружкахъ пѣли пѣсни, другіе вели борьбу. Послѣ всего начиналось пированіе. Поселяне угощали другъ друга кушаньемъ, виномъ и лакомствами. Въ заключеніе всего раздѣвали чучело и бросали его со смѣхомъ въ озеро. Въ этомъ старомъ обрядѣ замѣтно сходство съ Костромою и Ярилою. (Украин. журн. 1834 г., № 18).

Въ Саввинѣ городкѣ, Чистопольскаго уѣзда, утромъ, на ржаныхъ и яровыхъ поляхъ бываетъ молебствіе, при

стеченіи многочисленнаго народа. Вечеромъ поселяне на своихъ поляхъ разыгрываютъ хороводы, поютъ пѣсни и пляшутъ почти до разсвѣта.

Въ селеніяхъ Ефремовскаго, Епифанскаго и Новосильскаго уѣздовъ, особенно по берегамъ рѣки Красивой Мечи, бываютъ проводы русалокъ. Съ вечера поселяне начинаютъ сбираться на полянахъ и поютъ пѣсни. Когда же наступитъ ночь, то они бѣгаютъ по полянамъ съ помелами, машутъ ими по воздуху и кричатъ: «догоняй, догоняй!» Нѣкоторые изъ отчаянныхъ, которыхъ въ деревняхъ очень немного, разсказываютъ за правду, что они видѣли, какъ русалки отбѣгали отъ ихъ селенія за лѣсъ съ плачемъ и воплемъ. Послѣ сего, на разсвѣтѣ, купаются въ рѣкѣ. Народъ нашъ твердо увѣренъ, что на русальной недѣлѣ опасно купаться въ рѣкахъ; тогда будто купаются тамъ русалки и всякаго неосторожнаго защекочиваютъ до смерти. Съ изгнаніемъ русалокъ эта опасность прекращается.

По берегамъ рѣки Оки, разсказываютъ поселяне, въ старину бывало особенное народное сборище для усмиренія водяного дѣдушки. Встревоженный и огорченный появлеінемъ русалокъ, онъ въ полночь начиналъ поднимать воду изъ береговъ такъ высоко, какъ будто бы гора выростала изъ воды. Суевѣрные поселяне раскладывали по берегамъ огни и пѣли пѣсни. Водяной, услышавъ народныя пѣсни, смирялся и вода входила опять въ свои берега. Тамъ же, гдѣ не предпринимали такихъ мѣръ, всегда случались несчастія. Это горе постигало болѣе всѣхъ рыбаковъ.

Кукушки.

На Семицкой недѣлѣ отправляется поселянами старый обычай кумовства надъ кукушками. Для совершенія сего обряда поселянки Калужской губерніи приготовляютъ заранѣе птицу кукушку, а за неимѣніемъ сплетаютъ изъ травы кукушкины слезы (orchis latifolia) вѣнокъ, перевязываютъ его красною лентою и выходятъ на лугъ, или въ лѣсъ. Здѣсь онѣ разстилаютъ на травѣ платокъ, кладутъ на него кукушку, а сами садятся въ кружокъ. Послѣ сего мѣняются крестами и цѣлуются между собою съ обѣщаніемъ сохранить вѣчную дружбу. Съ сего времени онѣ величаютъ другъ дружку кумами. Кумовство оканчивается угощеніемъ и яичницею. Поселянки Тульской губерніи выходятъ для совершенія сего обряда въ лѣсъ, отыскиваютъ тамъ двѣ плакучія березы, связываютъ ихъ вѣтви между собою платками, или полотенцами, въ видѣ вѣнка, а къ самымъ деревамъ вѣшаютъ свои кресты. Въ средину, надъ вѣнкомъ, кладутъ птицу кукушку, или траву кукушкины слезы, или семицкій вѣнокъ. Всѣ подруги, рѣшившіяся покумиться надъ кукушкой, ходятъ въ разныя стороны вокругъ вѣнка, и послѣ цѣлуются три раза сквозь вѣнокъ. Въ это время другія женщины поютъ: «ты, кукушка, ряба» — и проч. Въ заключеніе мѣняются кольцами и крестами, даютъ обѣтъ жить въ мирѣ и согласіи. Оставшіеся отъ сего обряда вѣнокъ, или кукушку, раздѣляютъ между собою по частямъ и хранятъ на память кумовства. Мужчины не допускаются къ исполненію сего обряда и женщины съ ними не кумятся надъ кукушкой.

Наши старинари кумовство надъ кукушкой причисляютъ

къ древнимъ обрядамъ птицегаданія. И. М. Снегиревъ сей обычай называетъ: крещеніемъ кукушекъ (Русскіе простонародные праздники, ч. 3, стр. 95); а А. М. Глаголевъ полагаетъ, что его справедливѣе надлежало бы назвать крещеніемъ русалокъ (Тр. Общ. любит. Россійск. Слов. М. 1821, ч. XIX). О справедливости сихъ предположеній мы не входимъ въ разборъ; они сами за себя говорятъ вѣрнѣе возраженій. Наша народная символика имѣетъ совершенно другое вѣрованіе о кукушкахъ.

Моргостье.

Такъ поселяне Лихвинскаго уѣзда Калужской губерніи называютъ нарядный поѣздъ кумы. Для справленія Моргостья одна кума ѣздитъ къ другой на помелѣ. Здѣсь гостью угощаютъ пирогами. Что такое Моргостье? Не скрывается ли здѣсь опять какой нибудь старый обычай кумовства?

Змѣйка.

Такъ въ городѣ Скопинѣ Рязанской губерніи называютъ особенный хороводъ, начинающійся съ понедѣльника Семицкой недѣли. Вечеромъ дѣвицы и женщины, держась за конецъ платья, ходятъ змѣйкою, поютъ пѣсни, съ припѣвомъ: «лелій, лелій, лелій зеленый и ладо мое!» Змѣйка продолжается до всесвятскаго заговѣнья, ежедневно. Этотъ мѣстный обрядъ увидимъ въ городахъ подъ другимъ названіемъ.

Троицынъ день.

Въ этотъ день по всей Руси отправляется народное празднество завиванія вѣнковъ, семейнаго коровая и хороводныхъ игръ. Въ завиваніи вѣнковъ сохранились слѣды древняго гаданія русскихъ дѣвушекъ о своихъ суженыхъ. Семейный коровай выражаетъ остатки какого-то древняго, теперь намъ непонятнаго торжества. Въ мѣстныхъ обрядахъ замѣчаемъ только, что изъ всего народнаго празднества остались едва замѣтные слѣды древняго вѣрованія въ гаданіе о будущемъ.

Рано утромъ, въ городахъ и селахъ убираютъ дома березкою и цвѣтами, пекутъ короваи, сзываютъ гостей, завиваютъ вѣнки изъ березы и цвѣтовъ, для старыхъ и молодыхъ людей. Въ полдень, послѣ обѣда, начинается празднество молодыхъ людей. Въ старину бабка-позыватка повѣщала по всѣмъ домамъ и сзывала дѣвушекъ на гульбище. Хороводница, съ короваемъ въ рукахъ, выходила на улицу и запѣвала зазывную пѣсню. Къ ней со всѣхъ сторонъ сбирались дѣвушки съ своими матушками и нянюшками. Съ толпою народа она отправлялась въ рощу. На широкой полянѣ разстилалась скатерть, и коровай, убранный цвѣтными вѣнками, послѣ троицкихъ пѣсенъ, клался на скатерть. Народъ разсыпался семейными кружками полдневать. Въ это время пожилой народъ занимался угощеніемъ родныхъ и знакомыхъ, а молодежь завивала вѣнки. Здѣсь братцы завивали цвѣтные вѣнки для своихъ сестрицъ. Случалось часто, что сестрицы такіе вѣнки успѣвали скрытно передавать суженымъ, по наказу братцевъ. Троицкій вѣнокъ считался неизмѣннымъ вѣстникомъ брачнаго обѣта. Съ вѣнками на головѣ,

молодежь начинала разыгрывать хороводы, сначала отдѣльными кругами, гдѣ участвовали родные и знакомые, а потомъ въ мірскомъ кругѣ соединялись всѣ, подъ защитою матушекъ и нянюшекъ. Съ окончаніемъ хороводовъ начиналась игра горѣлки. Вечеромъ уже возвращались изъ рощи прямо къ рѣкѣ, гдѣ молодой народъ бросалъ свои вѣнки въ воду. Если вѣнокъ поплыветъ, то это означало неизмѣнное счастье. Если вѣнокъ завертится на одномъ мѣстѣ, то это предвѣщало разстройство свадьбы, семейныя ссоры. Если вѣнокъ потонетъ, то это угрожало великимъ несчастіемъ, смертью родныхъ, или суженаго. Если вѣнокъ останавливался на одномъ мѣстѣ, то изъ этого заключали, что дѣвицамъ въ этотъ годъ не быть замужемъ, молодцамъ оставаться неженатыми. Смышленыя нянюшки по плаванію вѣнка угадывали о мѣстопребываніи суженаго. Въ той де сторонѣ дѣвушкѣ придется быть замужемъ, куда вода понесетъ вѣнокъ. Въ селеніяхъ Московской губерніи старушки выхаживали съ своими цвѣтными пучками къ рѣкѣ, бросали ихъ въ воду и, по своимъ наблюденіямъ, гадали о будущемъ для себя и родныхъ.

Троицкій коровай и скатерть прежде у нашихъ бабушекъ заключали въ себѣ особенныя тайны. Хороводницы коровай раздавали по богатымъ семьямъ. Его засушивали въ сухари и хранили на свадебный обиходъ. Эти сухари замѣшивались въ свадебный коровай на счастье и на любовь молодыхъ. Скатерть играла важную тайну на смотринахъ. Ее клали тайно отъ всѣхъ на столъ и накрывали другою скатертью. Старушки увѣряли, что эта скатерть приковывала суженаго къ дѣвушкѣ крѣпче всякаго желѣза. Но на такой подвигъ отваживались не всѣ

матушки изъ опасенія: не доспѣть бы своему дѣтищу лихого суженаго.

На берегахъ Оки, около Алексина, есть старинное преданіе о двухъ суженыхъ, погибшихъ въ Окѣ съ вѣнками. Жили два семейства въ счастьи, довольствѣ и согласіи, какъ живутъ на Руси добрые сосѣди. Въ каждомъ семействѣ были красныя дѣтки, дочь и сынъ. Старики думали свое: какъ бы породниться съ сосѣдями? Молодые гадали по-своему: какъ бы взять суженую, какъ бы не потерять суженаго? Матушки прочили своихъ дочекъ и разсуждали по-своему. Батюшки думали и спорили по-своему: или отдать дочь, или женить сына? Жаль обездолить сына, а жальчѣй того засадить дочь въ дѣвкахъ. Наступилъ Троицынъ день, завели вѣнки и бросили ихъ наугадъ въ рѣку, на счастье, па долю суженыхъ. Сначала вѣнки плыли ровно, потомъ закружились и потонули на дно. Закипѣло ретивое у суженыхъ, замерли сердца у дѣвицъ. Молодымъ ли стерпѣть бѣду неминучую? Кинулись оба въ Оку доставать вѣнки. Замутилась вода въ рѣкѣ, всплыли вѣнки, но не всплыли суженые. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, каждый годъ на этомъ мѣстѣ, въ Троицынъ день, всплываютъ вѣнки.

Въ Тульской губерніи, на берегу Красивой Мечи, въ селѣ Козьемъ, существуетъ старое преданіе о погибели троицкаго хоровода. Былъ годъ худой и неурожайный, были знаменія на войну и на моръ, носились по селамъ худые толки о большой бѣдѣ, о великомъ горѣ. Народъ жилъ съ кручиною всю весну: никто не смѣлъ пѣсни спѣть, никто не думалъ о хороводахъ. Наступилъ Троицынъ день. Молодежь не стерпѣла и вышла на поле разыграть хороводъ. Долго старики уговаривали молодыхъ не играть хо-

ровода, забыть про веселье. Молодые поставили на своемъ, заиграли хороводъ. Вдругъ налетѣла грозная туча, ударилъ громъ и весь хороводъ обратился въ камни. Съ тѣхъ поръ, говорятъ старики, каждый годъ на этотъ день воютъ камни и вѣщаютъ всѣмъ бѣду неминучую, кто будетъ только на этомъ мѣстѣ играть въ хороводъ. Груды камней, дѣйствительно, находятся на берегу Красивой Мечи; но съ чего началось преданіе о погибели троицкаго хоровода, народъ молчитъ.

Мѣстные обряды троицкаго народнаго празднества имѣютъ свои отличія.

Въ Тульской и Псковской губерніяхъ, старики и старушки, послѣ вечерни, выходятъ на кладбища обметать троицкими цвѣтами могилы родителей. Этотъ обрядъ называется: глаза у родителей прочищать.

Поселяне Орловской губерніи выходятъ въ рощи: молить коровай. Для этого они готовятъ два коровая: одинъ мірской для стола, другой для рощи. Съ послѣднимъ короваемъ выходятъ завивать вѣнки. Мірской коровай остается для домашняго угощенія, а остатки раздаются нищей-братіи.

Въ Нерехтѣ и окружныхъ селеніяхъ на Троицынъ день кумушки сбираются въ рощи, цѣлуются сквозь березку при развиваніи вѣнковъ и дарятъ другъ друга лентами, или полотенцами.

Въ Енисейской губерніи, въ Минусинскомъ округѣ, изготовляется поселянками гостейка, березка, одѣтая въ лучшее женское платье. Гостейку на Семикъ приносятъ въ клѣть, гдѣ она стоитъ до Троицына дня. Молодцы и дѣвицы приходятъ провѣдывать гостейку, поютъ пѣсни и играютъ хороводы. На Троицынъ день, послѣ

обѣдни, сбираются къ клѣти дѣвицы съ молодцами, выносятъ гостейку, отправляются къ рѣкѣ, играютъ въ хороводы, завиваютъ вѣнки и бросаютъ ихъ въ воду для загадыванія.

Въ Бѣлоруссіи также завиваютъ въ рощахъ изъ березокъ вѣнки для родныхъ и милыхъ. Матери завиваютъ вѣнки для дѣтей, дѣти для отца и матери, братья для сестеръ и суженыхъ. Дѣвушки мѣняются кольцами на вѣчную дружбу и поютъ русальныя пѣсни.

Въ Ярославлѣ троицкое гулянье отправляется на Тверицахъ, гдѣ прежде была слобода Заволгоны.

Въ Тулѣ троицкое гулянье отправлялось прежде за городомъ въ Горѣльской рощѣ. Нынѣ уже этой рощи не существуетъ и народъ разсыпается въ разныя мѣста.

Въ Шенкурскѣ народное троицкое гулянье было за городомъ на лугу. Сюда сбирались горожане и поселяне. Дѣвицы, отдѣляясь отъ мужчинъ, схватывались за платки, соединялись въ кругъ и медленнымъ, тихимъ хороводомъ переходили съ одного мѣста на другое. Кругомъ ихъ обходили молодцы и высматривали себѣ невѣстъ.

Въ Москвѣ народное троицкое гулянье бываетъ на Красномъ прудѣ, у Каланчевскаго поля и Дорогомиловскаго моста. Красный прудъ, по преданію стариковъ, назывался прежде Русальскимъ.

Въ степныхъ селеніяхъ троицкое гулянье считается послѣднимъ праздникомъ. Тамъ кумы посылаютъ въ гостинцы своимъ крестникамъ грешневые короваи и желтыя яйца. Дѣвицы дарятъ другъ друга лентами и мѣняются кольцами. Мѣновые вѣнки хранятъ на память дружбы, перевязывая ихъ лентами.

Въ Чухломѣ сохранились особенные хороводы и игры.

Тамъ въ троицкомъ празднествѣ участвуютъ однѣ дѣвицы. Дочь зажиточнаго отца приглашаетъ на веселье своихъ подругъ. Эта дѣвица называется тогда большухою и управляетъ играми. Дѣвицы, въ сопровожденіи матушекъ и нянюшекъ, сбираются въ назначенное мѣсто, на площадь, или на загородь, или на улицу, противъ дома большухи. Всѣ дѣвицы соединяются въ кружокъ и поютъ пѣсни троицкія. При пѣніи первой пѣсни въ срединѣ круга ходятъ двѣ дѣвицы, дочери почетныхъ отцовъ, а по окончаніи пѣсни раскланиваются и выходятъ изъ круга. Послѣ сего начинается новая пѣсня и другія дѣвицы вступаютъ въ кругъ. Часто случается, что между подругами затѣваются ссоры и неудовольствія: будто пѣсня для нихъ была выбрана худая и оскорбительная, будто младшая вступила въ кругъ прежде старшей. Въ ссорѣ дѣвицъ принимаютъ участіе и матушки. Въ старину изъ сего происходили многолѣтнія ссоры между горожанами. Такихъ обидъ никогда не прощали. Послѣ сего хоровода начинается игра: красны сновать. Двѣ дѣвицы, схватясь рука съ рукой, ходятъ взадъ и впередъ углами, какъ снуютъ красны, при пѣніи пѣсенъ. Игры и пѣсни продолжаются до вечера.

Въ Малороссіи извѣстна Семицкая недѣля съ своими обрядами и вѣрованіями. Тамъ съ утра приготовляютъ въ видѣ снопа травы: зорю, калуферъ, мяту, связываютъ ихъ веревкою, а въ средину ставятъ тройную свѣчу. Съ этими травами отправляются въ церковь. Травы берегутъ для леченія болѣзней, а свѣча сохраняется для умирающихъ. Завиваніе и развиваніе вѣнковъ совершается одинаково съ русскими. Тамъ поютъ свои особенныя троицкія пѣсни. Вѣрованіе малоруссовъ въ русалокъ есть общее

по всей Украйнѣ. Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ есть преданіе, что криницы, дѣвицы съ русыми волосами, появляются на родникѣ Заручейская криница или на Ярославовомъ родникѣ, на разсвѣтѣ зеленой недѣли и расчесываютъ свои волосы. Въ троицкую ночь ихъ мавки—русалки бѣгаютъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, поютъ пѣсни, хлопаютъ въ ладоши, играютъ и мяукаютъ какъ кошки. Тамъ есть вѣрованье въ свадьбы русалокъ.

Троицынъ день былъ срокомъ для пріѣзда въ Москву становиться на судъ. Въ грамотахъ этотъ срокъ считался особеннымъ правомъ, дарованнымъ въ видѣ царскихъ и княжескихъ милостей. По большей части такимъ правомъ пользовались монастыри и подвластные имъ крестьяне.

Троицкія и семицкія народныя игры были строго преслѣдованы еще въ XVI столѣтіи. Въ Стоглавѣ находимъ, что въ троицкую субботу: «сходятся мужи и жены на жальникахъ, и плачутся на могилахъ съ великимъ кричаніемъ, и егда станутъ играть на могилахъ скоморохи, гудцы и прегудницы, они же переставше отъ плача и начнутъ скакать, плясать и въ ладони бить, пѣсни сатанинскія пѣть». Все это доселѣ сохраняется въ разныхъ мѣстахъ. Ни время, ни преслѣдованія не могли уничтожить народныхъ обрядовъ.

Память о Семикѣ сохранилась въ названіи мѣстностей. Такъ подъ Ярославлемъ называется слобода Семикъ, въ Мосальскомъ уѣздѣ есть село Семиково, въ Устюжскомъ уѣздѣ есть пустошь Семики, въ Боровицкомъ есть сельцо Семицы. Замѣчательнѣе всего, что въ письменныхъ памятникахъ слово семикъ встрѣчается только съ

конца XVII столѣтія. Народная память долговѣчнѣе письменныхъ памятниковъ.

Всесвятская недѣля.

Въ продолженіе всесвятской недѣли отправляются разные народные обряды и увеселенія. Въ однихъ мѣстахъ мы видимъ похороны Костромы, гульбище Ярилы, въ другихъ развиваніе троицкихъ вѣнковъ, проводы весны и народныя гулянья. Въ Спасскѣ, Рязанской губерніи, самое воскресенье этой недѣли извѣстно подъ именемъ Русальнаго заговѣнья.

Кострома.

Народное празднованіе Костромы въ селеніяхъ Пензенской и Симбирской губерній отправлялось въ понедѣльникъ, а въ Муромскомъ уѣздѣ—въ воскресенье. Мѣстные обряды сего праздества имѣютъ свои отличія. Замѣчательно, что въ нашихъ письменныхъ памятникахъ не находимъ вѣрованія въ Кострому. Страннѣе всего, что въ городѣ Костромѣ это празднество совершенно неизвѣстно.

Въ селеніяхъ Пензенской и Симбирской губерній сбираются дѣвицы въ простыхъ платьяхъ, въ назначенное мѣсто. Здѣсь онѣ выбираютъ изъ среды себя одну дѣвицу и называютъ ее Костромой. Отдѣлившись отъ всѣхъ подругъ, Кострома стоитъ съ потупленной головой. Другія дѣвицы подходятъ къ ней съ поклонами, кладутъ ее на доску и съ пѣснями относятъ на рѣку. На берегу пробуждаютъ Кострому и поднимаютъ за руки. Послѣ сего начинается купанье: здѣсь дѣвицы купаютъ другъ дружку. Старшая изъ нихъ сгибаетъ изъ лубка лукошко и бьетъ въ него,

какъ въ барабанъ. Дѣвицы выходятъ изъ воды и отправляются домой. Въ новыхъ, праздничныхъ платьяхъ выходятъ на улицу и доканчиваютъ день въ хороводахъ и играхъ.

Въ Муромскомъ уѣздѣ похороны Костромы справляли молодцы и дѣвицы. Собравшись въ назначенное мѣсто, они дѣлали изъ соломы чучело. Въ однихъ мѣстахъ убирали его въ какое нибудь платье, въ другихъ только перевязывали веревками. Чучело называли Костромой и становились всѣ предъ ней въ почтительномъ видѣ. Старшія почетныхъ родителей дѣвицы и молодцы брали Кострому на руки и съ пѣснями относили на берегъ озера или рѣки. Здѣсь всѣ, сопровождавшіе Кострому, раздѣлялись на двѣ стороны. Одна, охранявшая чучело, становилась въ кружокъ, молодцы и дѣвицы кланялись Костромѣ и производили передъ ней разныя тѣлодвиженія. Другая сторона нападала внезапно на первую для похищенія Костромы. Обѣ стороны вступали въ борьбу. Какъ скоро захватывали чучело, то тотчасъ срывали съ него платье, перевязи, солому топтали ногами и бросали въ воду со смѣхомъ. Первая сторона съ отчаянія производила заунывный вой, другіе закрывались руками, какъ бы оплакивая погибель Костромы. Послѣ сего обѣ стороны соединялись вмѣстѣ и съ веселыми пѣснями возвращались въ селенія.

Неизвѣстный описатель сего обряда (Сѣверн. Пчела 1842, № 267) полагаетъ, что сей суевѣрный обрядъ сохранился отъ древности, съ времен Владиміра, когда русская земля была крещена, что муромцы погребеніемъ Костромы выражали Перуна, утопленнаго въ Днѣпрѣ, въ насмѣшку кіевскимъ язычникамъ, и что похоронная пѣсня Костромы оканчивалась припѣвомъ: «выдыбай, боже». До-

гадка очень остроумная. Вообще всѣ наши народныя игры и обряды остаются часто безъ объясненія. Историческая критика обязана прежде всего отыскать вѣрныя и основательныя указанія, и на основаніи ихъ выводить свои заключенія. Для объясненія муромскаго обряда нѣтъ пока вѣрныхъ указаній; но есть сравненіе съ чуждыми намъ повѣрьями. Въ обрядѣ Костромы видно болѣе сходства съ польскою Марзаною. Не здѣсь ли должно отыскивать происхожденіе муромскаго обряда?

Во Владимірѣ на Клязьмѣ прежде отправлялось подобное народное празднество съ пѣніемъ пѣсенъ и припѣвомъ: «о Ладо мое». Одинъ изъ нашихъ старинарей, вѣроятно получившій объ этомъ извѣстіе изъ третьихъ рукъ, провозгласилъ, что «во Владимірѣ-на-Клязьмѣ бываетъ погребеніе Лады» въ противоположность Костромѣ. Смѣемъ увѣрить, что тамъ никогда не бывало погребенія Лады, какъ никогда не бывало божества Лады у язычниковъ славяно-руссовъ. Затѣйливые наши старинари всячески стараются увеличивать нашу миѳологію своими вымышленными мечтами. Отсюда происходятъ всѣ выдумки, отсюда появилось и погребеніе Лады. Мало того, что смѣшиваютъ безъ всякаго основанія миѳологію съ демонологіею, символику съ простыми обычаями, они еще подъ видомъ ученыхъ изслѣдованій прибѣгаютъ къ небывалымъ открытіямъ и наводятъ на нашихъ предковъ позорную тѣнь многобожія.

Ярило.

Народное игрище Ярилы совершалось въ губерніяхъ: Владимірской, Нижегородской, Тамбовской, Рязанской, Тверской, Воронежской и Костромской. Мѣстныя празд-

нества различались обрядами и временемъ отправленія. Въ однихъ мѣстахъ это игрище сходствовало съ погребеніемъ Костромы, въ другихъ имѣло свое олицетвореніе. Въ однихъ мѣстахъ оно начиналось съ пятницы Всесвятской недѣли, въ другихъ съ воскресенья, въ третьихъ съ перваго воскресенья послѣ Петрова дня. Имя Ярилы сохранилось въ названіяхъ мѣстъ. Такъ въ Костромѣ есть Ярилово поле, подъ Кинешмою была Ярилова роща, въ Дорогобужскомъ уѣздѣ есть село Ерилово, въ Тихвинскомъ и Валдайскомъ уѣздахъ есть урочища Яриловичи. Во многихъ мѣстахъ игрище Ярилы соединялось съ ярмарками, гдѣ нововведенія придавали какъ бы особенныя отличія. Наши старинари, кажется по ошибкѣ, придавали эти отличія Ярилѣ, не различая старыхъ обрядовъ отъ новыхъ и посторонних прибавленій. Соображая всѣ мѣстные обряды, находимъ два главныя олицетворенія Ярилы, и они-то составляютъ основаніе сего игрища и отличаютъ отъ всѣхъ постороннихъ прибавленій. Подивимся еще странности нашихъ миѳографовъ, умѣвшихъ Ярило причислить къ славяно-русскимъ божествамъ. Посмотрите на мнѣнія нашего народа, какъ онъ умѣетъ рѣзко отличать свои обряды. Преосвященный воронежскій, Тихонъ, передавая намъ понятіе воронежскихъ жителей, говоритъ: «праздникъ сей, какъ я отъ здѣшнихъ старыхъ людей слышу, называютъ игрищемъ, которое издавна началось и годъ отъ году умножается, такъ что люди ожидаютъ его какъ годового торжества». Если хотятъ причислять Ярило къ божествамъ славяно-русскимъ, то послѣ этого можно обращать въ такія же божества и масляницу и святки. Костромское и Воронежское игрища развѣ можно принимать за миѳическія олицеворенія Ярилы.

Костромское игрище отправлялось въ воскресенье Всесвятской недѣли. Народъ собирался на площадь послѣ обѣда. Изъ среды его избирался старикъ; на него надѣвали старое поношенное платье, клали на руки гробъ съ чучелою—Ярилою. Послѣ сего начиналось шествіе изъ города въ поле. Женщины въ это время завываніями и причитываніями выражали скорбь и отчаяніе; мужчины пѣли пѣсни и плясали; дѣти бѣгали взадъ и впередъ. Въ полѣ вырывали палками могилу и въ гробѣ хоронили Ярилу съ плачемъ и воемъ. Игрище оканчивалось плясками и играми. Въ этомъ обрядѣ костромитянъ находимъ очевидное сходство съ муромскимъ обрядомъ Костромы. Погребеніе Ярилы отправлялось прежде въ Колязинскомъ уѣздѣ по дорогѣ къ Троицѣ Нерли, близь старой сосны. Здѣсь нынѣ только осталось одно народное гулянье.

Воронежское игрище начиналось съ пятницы Всесвятской недѣли и продолжалось въ субботу и воскресенье. Игрище было на городской площади, за старыми московскими воротами. Сюда съ ранняго утра собирались горожане и окрестные поселяне. Міръ избиралъ для сего игрища особеннаго человѣка. Послѣ провозглашенія, одѣвали его въ разноцвѣтный кафтанъ, украшали лентами, колокольчиками, на голову надѣвали раскрашенный бумажный колпакъ съ ленточными кисточками; лицо сурмили красками; на руки привязывали позвонки. Избранный человѣкъ въ такомъ нарядѣ назывался Ярилою. Онъ ходилъ по площади, плясалъ и пѣлъ пѣсни. Вокругъ него толпился народъ всѣхъ возрастовъ: одни пѣли, другіе плясали, третьи бились на кулачки. Въ 1771 году преосвященный Тихонъ I уничтожилъ это игрище. Слово, произнесенное

имъ для уничтоженія сего обряда, увѣковѣчило память святителя.

Близь Галича въ селѣ Туровскомъ, гдѣ поклонная гора, происходило почти одинаковое игрище съ воронежскимъ. Поселяне и горожане избирали изъ среды себя старика, поили его виномъ, одѣвали въ разное платье, шутили и забавлялись надъ нимъ. Потомъ выводили его на лугъ, гдѣ становились всѣ въ круги. Молодцы и дѣвицы, подходя къ нему, кланялись въ поясъ. Послѣ сего начинались игры и хороводы. Гулянье оканчивалось проводами Ярилы до села или города.

То же самое игрище происходило и въ Кинешмѣ. Народъ сбирался въ рощу, гдѣ протекаетъ рѣчка Кинешемка, и праздновалъ игрище Ярилы.

Въ Нерехтѣ игрище ярилинское называлось конюховскою и производилось при рѣчкѣ Солоницѣ. Въ уѣздѣ остались только одни народныя гульбища въ селахъ: Кочуровомъ подлѣ лѣса Рамишки, Никольскомъ, Писцовомъ и Сотницкомъ.

Въ Саввиномъ городкѣ Чистопольскаго уѣзда ярилинское игрище производится ночью и состоитъ изъ игръ и плясокъ.

Въ селеніяхъ Рязанской и Тамбовской губерній ярилинскія игрища производились по селамъ. Преданія и разсказы подтверждаютъ, что горожане сихъ губерній не участвовали въ этомъ игрищѣ. Въ игрищахъ всегда первенствовалъ избранный міромъ человѣкъ, какъ въ Воронежѣ.

Въ Нижегородской губерніи ярилинское игрище начиналось 4 іюля, вмѣстѣ съ ярмаркою. Поселяне для этого игрища продавали пряжу и на вырученныя деньги покупали обновы и лакомства.

Въ Твери ярилинское игрище начиналось въ первое воскресенье послѣ Петрова дня. Народъ собирался вечеромъ въ Тресвятскомъ саду, близь рѣчки Лазури. Здѣсь плясали б л а н ж у, пляску въ восемь паръ, подъ балалайку, или торбанъ. На бланжу ряпушницы (мѣщанки) отпускали своихъ дочерей п о н е в ѣ с т и т ь с я. Тверскіе святители, преосвященные Меѳодій и Амвросій, уничтожили въ Твери ярилинское игрище. Нынѣ только въ Твери сохранилась одна пляска бланжа.

Извѣстные наши старинари, М. Н. Макаровъ и П. М. Снегиревъ, объ ярилинскихъ игрищахъ выводили свои заключенія. Г. Макаровъ говоритъ: «Ярило, кажется, былъ древній праздникъ нашихъ вакханалій, буйствъ, пьянства, великаго разврата... Суздальскій лѣтописецъ въ числѣ своихъ идоловъ его же называетъ Яруномъ» (Преданія, к. I, стр. 45). И. М. Снегиревъ говоритъ: «празднество это, соотвѣтствуя времени года, мѣстности и духу народа, намекаетъ на чествованіе языческаго божества (?), имѣвшаго у разныхъ народовъ нашего сѣвера значеніе то Ареса, то Ерата, или Пріапа, смотря по свойству жителей и климата» (Русск. прост. праздн., ч. IV, стр. 61).

Уважая вполнѣ труды сихъ ученыхъ мужей, мы находимъ свои основанія не соглашаться съ ихъ выводами о ярилинскомъ игрищѣ. Принявши однажды и навсегда выводить заключенія о народныхъ обрядахъ только на основаніи историческихъ данныхъ, уклоняемся и нынѣ отъ всякихъ предположительныхъ заключеній. Наши преданія еще едва-едва начинаютъ приходить въ извѣстность. Только основательныя свѣдѣнія, собранныя изъ всѣхъ мѣстъ Русской земли, могутъ окончательно рѣшить это дѣло.

Развиваніе вѣнковъ.

Развиваніе вѣнковъ на всесвятское заговѣнье совершалось въ Калугѣ, Воронежѣ, Мценскѣ; нынѣ этотъ обычай сохранился только въ степныхъ селеніяхъ. Молодыя женщины, дѣвицы и холостые ребята выходили на рѣку, или на родникъ съ своими вѣнками. Здѣсь прежде разыгрывали хороводы съ вѣнками на головѣ, а потомъ бросали вѣнки въ воду. Молодежь бросалась въ воду и доставала вѣнки своихъ возлюбленныхъ. Дѣвицы и женщины за пойманный вѣнокъ отдаривали своихъ защитниковъ поцѣлуями. Молодецъ, послѣ поцѣлуя, надѣвалъ вѣнокъ на свою голову и назывался для женщины кумомъ, для дѣвицы краснымъ молодцомъ. Въ этихъ вѣнкахъ пѣли плясовыя пѣсни, а послѣ съ кумушками и дѣвицами плясали. При доставаніи вѣнковъ часто случалось, что молодцы, изъ ненависти къ дѣвицамъ, или женщинамъ, топили вѣнки, или развивали. Такой поступокъ считался оскорбленіемъ для женщины и навлекалъ ссоры отъ родныхъ. Послѣ плясокъ размѣнивались вѣнками. Женщины тутъ же развивали свои вѣнки, а дѣвицы возвращались съ ними въ свои дома и хранили ихъ до будущей радости, до свадьбы.

Проводы весны.

Проводы весны сопровождаются разными обрядами и въ разные дни. Въ Саратовской губерніи для сего дѣлали изъ соломы чучело, одѣвали его въ сарафанъ и кокошникъ съ ожерельями. Чучело носили по деревнѣ съ пѣснями, а послѣ раздѣвали и бросали въ воду. Въ старину, въ степныхъ селеніяхъ Тульской губерніи избирали мужика, на-

дѣвали на его голову березовый вѣнокъ, на кафтанъ нашивали ленты, въ руки давали древесныя вѣтви съ полевыми цвѣтами. Такой мужикъ назывался водокъ. Его угощали брагой и пирогами, провожали всѣ по селеніямъ съ пѣснями и плясками. Въ селеніяхъ Симбирской и Костромской губерніи поселяне наряжались въ оборванныя старыя платья и представляли изъ себя хромыхъ, увѣчныхъ калѣкъ, слѣпыхъ попрошаекъ. Дѣвицы приготовляли соломенное чучело, а молодцы вывозили на улицу телѣги безъ переднихъ колесъ, связывали ихъ одна съ другою веревками въ видѣ гуська и впрягали лошадей. Потомъ начинался поѣздъ съ одного конца селенія до другого. На передней телѣгѣ помѣщалась старуха и держала на колѣняхъ чучело. Послѣ поѣзда разыгрывали хороводы. Вечеромъ съ пѣснями отправлялись къ рѣкѣ и бросали чучело въ воду.

Народныя всесвятскія гулянья состоятъ нынѣ въ веселомъ провожденіи времени. Здѣсь нѣтъ ни обрядовъ, ни игръ. Въ Тулѣ гулянье бываетъ на Всесвятскомъ кладбищѣ, почти съ самаго утра. Москвичи выходятъ гулять на Ваганьковское кладбище и Всесвятскую рощу. Въ Ярославлѣ гуляютъ на Бутыркахъ, въ слободѣ за рѣкою Коростью. Провожаніе Всесвятскаго заговѣнья на могилахъ родителей сопровождалось прежде семейными угощеніями. Родные сбирались къ старшему въ родѣ со своими приносами — пирогами, короваями и виномъ — и потомъ полнымъ поѣздомъ отправлялись на кладбище. Чѣмъ поѣздъ былъ многочисленнѣе, тѣмъ болѣе было славы для стариковъ. Старики, какъ хозяева, разставляли на могилахъ приносы и угощали родныхъ и знакомыхъ. Остатки приноса раздавали нищей-братіи. При каждомъ угощеніи, старики вспоминали о жизни покойниковъ, разсказывали

про ихъ житье-бытье на землѣ и желали, чтобы всѣ молодые жили такъ на землѣ, оставляя по себѣ почетъ и привѣтъ.

ДНИ.

Понедѣльникъ.

Понедѣльникъ первой недѣли великаго поста называется у нашего народа чистымъ днемъ. Въ Тулѣ въ этотъ день съ ранняго утра начинались кулачные бои. Въ нихъ участвовали всѣ возрасты; но болѣе всѣхъ сражались посадскіе съ оружейниками. Въ Костромѣ бойцы раздѣлялись на дебряпъ — жителей нижняго берега Волги, и суляпъ — жителей около ручья Сулы. Бои бывали на Молочной горѣ, къ Волгѣ, гдѣ нынѣ перевозъ. Этотъ обычай, говаривали старики, заведенъ для вытресанія блиновъ. Самое похмѣлье называется тогда: полосканьемъ ртовъ.

Съ понедѣльника второй недѣли великаго поста начинаются въ городахъ поѣзды молодыхъ женщинъ къ своимъ матерямъ. Свекровь, отпуская свою невѣстку, надѣляла ее какимъ нибудь рукодѣльемъ, чтобы попустому не проводить время. Въ старину, съ этого дня начинали перенизывать жемчугъ, убирать убрусники и кокошники, вышивать фаты шелками. На всѣ такія работы приглашались старыя, опытныя женщины.

Въ понедѣльникъ четвертой недѣли великаго поста опытныя старушки выхаживали вечеромъ на рѣку, къ прорубямъ, окупать свою пряжу въ воду. Отъ этого, по ихъ примѣтамъ, пряжа получала необыкновенную бѣлизну, крѣ-

ность и прочность. Съ этого дня начинали варить поспу для холстовъ.

Въ понедѣльникъ шестой недѣли великаго поста бывали вечеромъ приносы отъ тещи въ домъ зятя. Приносы состояли изъ убрусниковъ, кокошниковъ, фаты и жемчугу. Теща приглашала съ собою самыхъ близкихъ родныхъ. Вечеромъ, зять встрѣчалъ тещу у воротъ, а сваты на крыльцѣ. Для смотра приносовъ свекровь приглашала также своихъ близкихъ родныхъ. Всѣ приносы теща вручала свекрови и просила не погнѣваться на желанномъ добрѣ. Свекровь передавала приносы невѣсткѣ, съ наказомъ: бить челомъ и кланяться матери за желанное добро. Невѣстка, по обычаю, должна была просить у свекрови позволеніе примѣрить наряды. Въ полномъ нарядѣ невѣстка кланялась въ ноги свекрови и матери. Все это дѣлалось въ особенной комнатѣ, гдѣ не бывало мужчинъ, даже мужа. Потомъ, въ своемъ нарядѣ, невѣстка входила къ свекру и испрашивала у него позволеніе носить желанное добро. Свекоръ обязанъ былъ дарить невѣстку. Семейнымъ угощеніемъ оканчивалась бесѣда родныхъ.

Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ Москвѣ гулянье въ рощахъ, близъ урочища Наливки, или Палейки, гдѣ, по указанію Стоглава, совершались бѣсовскія потѣхи.

Въ Спасскѣ Рязанскомъ, въ старину, въ первый понедѣльникъ Петрова поста совершалось игрище: провожаніе русалокъ. Для сего игрища женщины снаряжали изъ соломы два чучела, въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины и тихими хороводами приближались къ концу

улицъ. Здѣсь распѣвались попеременно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія, хороводница съ чучелою плясала и своими кривляніями старалась приводить въ смѣхъ игроковъ. Послѣ пѣсенъ, игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенное чучело, русалку, дѣвицы принимали на свои руки, для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ, или защищались сами отъ нападенія. Защитницы кидали другъ въ дружку пескомъ, обливали водой, отмахивались соломой. Бойцы изъ улицы переселялись на поле, гдѣ оканчивалось побоище растерзаніемъ чучелъ и разбрасываніемъ соломы по полю. Въ это время дѣвицы причитывали похоронныя завыванія, а отчаянныя, распустивъ косы, припадали къ землѣ, какъ бы къ могиламъ. Такъ оканчивалось игрище провожаніе русалокъ.

Вторникъ.

Со вторника первой недѣли великаго поста старики замѣчали въ селеніяхъ Тульской губерніи появленіе звѣздъ и по нимъ угадывали о погодѣ всего лѣта. Звѣзды яркія, небо безоблачное предвѣщали имъ лѣто сухое и грозное. Востокъ, сокрытый туманомъ и облаками, предвѣщалъ холодное лѣто. Снѣгъ и буря обѣщали дождливое лѣто.

Во вторникъ на пятой недѣлѣ великаго поста бывали въ городахъ семейныя угощенія. Молодой зять сзывалъ женину родню къ себѣ на вечеръ посмотрѣть на житье-бытье. Родные прихаживали съ приносами для всей семьи. Теща дарила своими подарками свекровь, зятя, золовокъ, тесть дарилъ свекра, свою дочь и деверьевъ. Послѣ учтивыхъ отговорокъ: къ чему это и для чего? начиналось уго-

щепіе. На проводахъ свекоръ и свекровь отдаривали своихъ сватовъ. Часто случалось, что родные, недовольные подарками, заводили ссоры и все горе отзывалось на одной невѣсткѣ. Умная теща прекращала такія ссоры новыми подарками уже на Святой недѣлѣ.

Во вторникъ послѣдней недѣли великаго поста въ селеніяхъ Тульской губерніи сбираютъ изъ закромовъ сѣмена льняныя и конопляныя вмѣстѣ, толкутъ ихъ въ ступкѣ и потомъ съ водою приготовляютъ изъ нихъ сочепое молоко. Все это дѣлается утромъ, до разсвѣта. Такимъ молокомъ на разсвѣтѣ поятъ всѣхъ домашнихъ животныхъ, въ предосторожность отъ будущихъ болѣзней. Здѣсь главное условіе: мужчины не должны знать сего дѣла; а иначе оно будетъ безъ пользы. По замѣчаніямъ старушекъ извѣстно, если животное не пьетъ соченаго молока, то въ немъ нельзя ожидать никакого прока; оно бываетъ тогда уже или больнымъ, или очарованнымъ.

Въ вторникъ на третьей недѣлѣ послѣ Пасхи сбираются поселяне на ржаныя поля и по взошедшимъ озимымъ растеніямъ замѣчаютъ о будущемъ урожаѣ. Сельскія старушки, занимающіяся леченіемъ болѣзней, сбираютъ тогда озимую рожь. По замѣчаніямъ ихъ извѣстно, что озимая рожь, собранная только въ этотъ день, можетъ лечить болѣзни; а отъ собранной въ другіе дни нельзя ожидать пользы.

Во вторникъ на первой недѣлѣ Петровскаго поста поселяне степныхъ селеній сбираются на луга заповѣдывать всякій гадъ. Опытныя знахарки объѣзжаютъ часть луга на помелахъ, сообразжая свой поѣздъ отъ запада на востокъ. Въ лѣвой рукѣ держатъ кнутъ и махаютъ имъ по воздуху, или ударяютъ по землѣ, приговаривая: «запо-

вѣдываю всякому гаду выходить во ино поле». По слѣдамъ за ней идетъ старикъ и заметаетъ метлой браздоводную черту. Послѣ сего, кланяются на всѣ четыре стороны и расходятся по домамъ, съ полною увѣренностью, что гады не будутъ больше жить на заповѣданномъ лугѣ. Всѣ случившіяся неудачи, полагаютъ, что происходятъ отъ напуска злыхъ людей.

Среда.

Въ среду на первой недѣлѣ великаго поста поселяне Тульской губерніи выходятъ къ рудникамъ, или къ рѣчкамъ и прудамъ прислушиваться не шумитъ ли вода? Не стонетъ ли она? Не слышно ли въ ней человѣческаго голоса? Если вода шумитъ какъ жерновъ на мельницѣ, то ожидаютъ лѣтомъ большихъ дождей съ грозами. Если стонетъ вода какъ ребенокъ, или какъ старая баба, то это предвѣщаетъ большія бѣды: пожаръ, смерть родного, землетрясеніе. Если замѣчаютъ, что изъ воды отдается человѣческій голосъ, то остаются съ полною увѣренностью, что лѣто будетъ благополучное. Больше всего поселяне боятся свиста; они думаютъ, что ихъ выживаетъ нечистая сила изъ родимаго мѣста.

Въ среду на пятой недѣлѣ великаго поста въ селеніяхъ Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи бываютъ сходбища по избамъ для проводовъ зимы. Послѣ работъ, выходятъ мужчины и женщины на улицу, берутъ по горсти снѣгу и бросаютъ на югъ. Молодые, неженатые молодцы вывозятъ сани, сажаютъ въ нихъ дѣвицъ и женщинъ, съ шумомъ и крикомъ возятъ ихъ по улицамъ. Женатые въ это время бѣгаютъ кругомъ саней и бросаютъ въ женщинъ и дѣ-

вицъ снѣжными комками. Подъѣзжая къ изгородью, женатые смѣняютъ холостыхъ и везутъ сани по той же улицѣ. Тутъ холостые стараются опрокинуть сани съ товаромъ. Женатые вступаютъ въ борьбу съ ними и всячески стараются отбивать ихъ нападенія. Въ это время женщины выскакиваютъ изъ саней. Порокъ и безчестье падаетъ на холостыхъ, если женщины успѣютъ выскочить прежде, нежели они успѣютъ взвалить сани. Тогда женатые, женщины и дѣвицы бросаютъ въ холостыхъ снѣжными комками и отгоняютъ ихъ прочь. Если побѣда остается на сторонѣ холостыхъ, тогда позоръ обращается уже на женатыхъ.

Въ среду па послѣдней недѣлѣ великаго поста въ степныхъ селеніяхъ обливаютъ утромъ водою всѣхъ домашнихъ животныхъ въ предосторожность отъ будущихъ болѣзней. Для сего сбираютъ по полямъ чистый снѣгъ, растапливаютъ его въ избѣ въ горшкахъ по числу животныхъ. Потомъ солятъ воду старою четверговою солью. По замѣчаніямъ опытныхъ людей извѣстно, что послѣ такой воды ни одинъ знахарь не можетъ чаровать домашнихъ животныхъ.

Четвергъ.

Въ четвергъ на первой недѣлѣ великаго поста, по замѣчаніямъ поселянъ, начинаютъ улетать зимнія птицы, грачи и вороны. Разставаясь съ своими гнѣздами, говорятъ старики, эти птицы кладутъ на деревахъ примѣты, а въ гнѣздахъ прячутъ деньги, которыхъ будто простыми глазами нельзя видѣть. Кто съумѣетъ достать эти деньги, тотъ будетъ жить богачомъ. Охотниковъ па такую добычу

бываетъ очень мало изъ опасенія, будто съ похитителями птицы поступаютъ очень гнѣвно: искореняютъ весь дворъ наносными болѣзнями, на поляхъ и гумнахъ поѣдаютъ хлѣбъ.

Въ четвергъ на послѣдней недѣлѣ великаго поста совершаются на Руси разные обряды.

Въ деревнѣ Сосновкѣ Чистопольскаго уѣзда бываютъ въ полночь сборы на рѣчкѣ Бахту. Ровно въ полночь, послѣ пѣнія первыхъ пѣтуховъ выходятъ дѣвицы и молодцы на рѣчку почерпнуть воды, пока воронъ не обмакнулъ крыла. Почерпая воду, они поютъ пѣсни и умываютъ лицо. По замѣчаніямъ сосновцевъ, будто въ полночь съ этого дня наступаетъ весна и приноситъ съ собою красную красоту и здоровье, и что воронъ, изъ зависти, спѣшитъ запастися здоровьемъ прежде людей.

Поселяне Буйскаго уѣзда Костромской губерніи выходятъ рано утромъ встрѣчать весну. Буйскія дѣвицы выходятъ для сего къ рѣкамъ. Если вскрылась вода, то онѣ входятъ по поясъ въ рѣку, соединяются въ кружокъ, держась рука за руку, поютъ: «весна, весна красная, приди, весна, къ намъ съ милостью, со тою милостью, съ великою благостью». Если еще рѣки покрыты льдомъ, то онѣ окружаютъ проруби, умываютъ водой лицо, вертятся кругомъ и призываютъ весну.

Солигаличскія дѣвицы выходятъ на рѣчки при восхожденіи солнца, погружаются трижды въ воду, катаются по три раза по землѣ, на восточную и западную стороны; послѣ, по угламъ взлѣзаютъ на избы, гдѣ поютъ пѣсни и призываютъ весну. Все это дѣлается для здоровья.

Почти во всѣхъ мѣстахъ на Руси пожилыя старушки пережигаютъ въ этотъ день въ печахъ соль. Такая пере-

жженая соль, называемая четверговою, употребляется въ домашнемъ леченіи отъ многихъ болѣзней.

Наблюдательные старики и старушки увѣряютъ, что въ этотъ день воронъ купаетъ своихъ дѣтей и отпускаетъ ихъ въ отдѣлъ. Все это происходитъ въ глухую полночь. Многіе въ старину, для счастья, прорубали на рѣчкахъ проруби для такого купанья. Воронъ въ благодарность будто охранялъ поля и дворы отъ хищныхъ звѣрей и птицъ.

Изъ Стоглава узнаемъ, что наши предки «порану солому палили и кликали мертвыхъ». Мнѣ нигдѣ не встрѣчалось видѣть исполненіе такого обычая, и существуетъ ли онъ гдѣ доселѣ — не знаю.

Въ четвергъ на Вознесенье бываютъ во многихъ городахъ народныя гулянья. Въ Ярославлѣ гуляютъ у Вознесенской церкви. Въ Тулѣ сбираются съ утра къ Вознесенской церкви, а потомъ расходятся пировать на перепутье по роднымъ и знакомымъ.

Пятница.

Съ именемъ пятницы соединяются на Руси воспоминанія о разныхъ дняхъ, обрядахъ, празднествахъ и торжищахъ.

Въ Буйскомъ уѣздѣ на третьей недѣлѣ великаго поста молодой зять справляетъ для тестя съ тещею обжорную пятницу. Для сего пира варятъ кисель и угощаютъ имъ званыхъ гостей съ конопляныпмъ масломъ.

Издавна принято раздѣленіе пятницъ на временныя и обѣтныя. Во всѣ десять недѣль послѣ Пасхи бываютъ по пятницамъ ярмарки. Отсюда возникло новое названіе,

и народъ считаетъ до нынѣ десять торговыхъ пятницъ (подробности о торгахъ смотри въ Академич. извѣст. на 1781 годъ, ч. 7). Обѣтныя пятницы образовались съ незапамятныхъ временъ, когда наши простодушные предки, въ страхѣ и отчаяніи отъ падежа скота или неурожая, обѣщались не работать, а праздновать по пятницамъ. Въ увѣреніе сего обѣта писались заповѣдныя записи. Одна изъ таковыхъ записей находится въ собраніи И. Н. Царскаго. Въ девятую пятницу въ пяти верстахъ отъ Верховажья бываетъ народное игрище полукрестъ. Изъ дѣвицъ и молодцовъ составляются особенные два круга, въ отдаленіи одинъ отъ другого; потомъ кругами дѣвицы сближаются съ молодцами, въ молчаніи, безъ всякихъ пѣсенъ. По приближеніи, круги разрываются и дѣвица съ парнемъ начинаютъ бѣгать въ запуски; за ними всѣ другіе. Оставшіеся молодцы, или дѣвицы безъ подруги начинаютъ разлучать пары. Если случится разорвать на бѣгу подругъ, то преслѣдователь получаетъ подругу и пускается съ нею бѣгать въ запуски. О суевѣрныхъ обрядахъ нашихъ отцовъ въ XVIII вѣкѣ находимъ въ Духовномъ Регламентѣ: «въ Малой Россіи, въ полку стародубскомъ, въ пятокъ водятъ жонку простовласу, подъ именемъ пятницы, и водятъ въ ходѣ церковномъ, и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и съ упованіемъ нѣкія пользы». Нынѣ сего обряда уже нигдѣ не замѣтно.

Берендеева пятница. Такъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ называется ярмарка. Сюда сбираются для трехдневнаго праздества родные и знакомые. Когда за обѣдомъ начинаютъ пить вино, то говорятъ: «празднику честному златъ вѣнецъ, а хозяину доброе здоровье». Въ Пе-

реславль-Залѣскомъ уѣздѣ былъ городъ Берендеевъ, отъ котораго нынѣ остались однѣ развалины.

Въ старину перекрестки на дорогахъ назывались пятницами. Здѣсь были выстроены часовни на столбикахъ. Здѣсь невѣсты вымаливали себѣ жениховъ. Здѣсь бывали встрѣчи и проводы родныхъ.

Въ десятую пятницу бываетъ ярмарка въ Тулѣ. Сюда съѣзжаются поселяне изъ окрестныхъ селъ и деревень для продажи своихъ издѣлій. Въ Гончарской слободѣ приготовляютъ къ этой ярмаркѣ изъ глины разныя куклы для дѣтей.

Въ десятую пятницу бываетъ крестный ходъ изъ города Курска въ Коренную пустынь съ чудотворнымъ образомъ курскія пресвятыя Богородицы, установленный съ 1618 года.

Въ народѣ о пятницѣ сохранились поговорки: на недѣлѣ семь пятницъ. — Добрые люди въ пятницу не рядятся.—Считай работу по пятницамъ.

Суббота.

Въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста справляется народомъ тужилка по масляницѣ. Въ этотъ день пекутъ блины съ постнымъ масломъ. Въ старину справлялась тужилка во всемъ разгулѣ на ростовской ярмаркѣ.

Въ субботу на третьей недѣлѣ великаго поста справляется въ Кинешемскомъ уѣздѣ обжорная суббота. Тамъ въ это время зять угощаетъ тестя съ тещей киселемъ съ масломъ.

Въ субботу на пятой недѣлѣ великаго поста бываютъ въ степныхъ селеніяхъ званыя поминки. На эти по-

имнки въ старину сбиралась складчина со всего міра. Староста, распорядитель поминокъ, сзывалъ нищію-братію и угощалъ ихъ отъ всего села; нынѣшнія поминки справляются особенно, въ семействахъ.

Вербная суббота, извѣстная во всей Россіи по разнымъ украшеніямъ, приготовляемымъ изъ вербы и цвѣтовъ, изстари справлялась въ Москвѣ съ особеннымъ гуляньемъ на Красной площади. Въ старину разставляли съ утра ивы и вербы по берегу Неглинной рѣчки. Сюда сбирался народъ ломать вербу, покупать вѣтви съ херувимами. Впослѣдствіи торгъ вербами и цвѣтами перенесенъ былъ съ Неглинной на Красную площадь и въ Вознесенскій монастырь. Послѣ обѣда начиналось катаніе въ экипажахъ вокругъ Кремля. Катаніе вокругъ Кремля есть обычай новый, появившійся въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

Въ вербную субботу совершался въ Москвѣ обрядъ шествія святителя на осляти. Подробности сего обряда, не принадлежащія къ нашему изложенію, описаны въ Тріодіонѣ, изданномъ въ 1666 году.

Въ субботу на послѣдней недѣлѣ великаго поста въ селеніяхъ Тульской губерніи заклинаютъ морозъ, какъ губителя овса, льна и конопли. (Смотри объ этомъ въ I томѣ Сказаній Р. Н. Кн. 2).

Въ субботу на четвертой недѣлѣ послѣ Пасхи вятчане празднуютъ на берегу рѣки Вятки свистопляску, народный праздникъ въ память убіенныхъ въ 1480 году. На горѣ Раздерихѣ, гдѣ построена часовня, ставятъ палатки, съ глиняными издѣліями: лошадками, свистками, шариками и съ лакомствами. Здѣсь, послѣ панихиды начинается гулянье взрослыхъ и дѣтей. Взрослые поютъ пѣсни, играютъ на балалайкахъ; дѣти же свистятъ въ

глиняные свистки, пляшутъ, а потомъ бросаютъ другъ въ друга глиняными шариками.

Дмитріевская суббота, учрежденная въ память знаменитой Куликовской битвы 1380 года, справляется во всей Россіи между 18 и 26 октября. Къ этому дню пекутъ во всей Россіи блины, пироги, а въ смоленскихъ селеніяхъ тонкія, угловатыя лепешки — рѣзни. Въ старину варивали брагу, сзывали родныхъ на канунъ, кисель съ сытой и блины.

Воскресенье.

Ярмарки, торги, разныя охоты, справляемыя въ воскресенье на первой недѣлѣ великаго поста, получили названія сборныхъ. По этимъ сборамъ и самое воскресенье называютъ сборнымъ.

Въ Тулѣ съ этого воскресенья начинаются гусиные бои. Охотники вывозятъ своихъ гусей въ назначенное мѣсто, въ сопровожденіи любопытныхъ зрителей. Бои давались: по условіямъ, за опредѣленную цѣну, изъ зависти, уничтожить хвастовство соперника, по новости, показать добрымъ людямъ свою охоту. Бои оканчивались пирушками и ссорами.

Въ десятое воскресенье тюменцы, жители Тобольской губерніи, празднуютъ ключъ за бѣлымъ городищемъ. Веселье открывается сборищемъ знакомыхъ и родныхъ, а оканчивается пѣснями, плясками и борьбою.

Въ городѣ Осташковѣ по воскресеньямъ петровскаго поста бываетъ гулянье вечеромъ по улицамъ. Все общество гулякъ называется: беззаботною площадью. Въ Цывильскѣ такія гулянья дѣвицъ называются холками.

Приложенія къ народному дневнику.

Грамата царя Алексѣя Михаиловича шуйскому воеводѣ Змееву о Колядѣ, Усени и народныхъ играхъ, 1649 г.

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея Русіи въ Шую воеводѣ нашему Семену Ильичу Змееву. — Въ нынѣшнемъ въ 157 году, декабря въ 22 день, въ Галицую четь, къ діаку нашему къ Семену Софонову въ памяти изъ Стрѣлецкаго приказу, за приписью діака нашего Дмитрія Жеребилова, написано: въ нынѣшнемъ въ 157 году, декабря въ 19-й день, вѣдомо намъ учинилося, что на Москвѣ, напередъ сего въ Кремлѣ и въ Китаѣ, и въ Бѣломъ, и въ Земляномъ городахъ, и за городомъ, и по переулкамъ, и въ черныхъ и въ ямскихъ слободахъ по улицамъ и по переулкамъ, въ навечери Рождества Христова кликали многіе люди Каледу и Усень, а въ навечери Богоявленія Господня кликали плугу; да въ Москвѣ-жъ чинится безчинство: многіе люди поютъ бѣсовскія, сквернословныя пѣсни, и противъ воскресныхъ дней въ субботу

ввечеру, и въ воскресные дни, и въ Господскіе и Богородичные праздники топятъ бани и платья моютъ; и многіе-жъ люди бранятся межъ себя матерны и всякою неподобною лаею, и жены и дѣвицы бранятъ позорными словесы. — Да на Рождество Христово и до Богоявленьева дни собираются на игрища сборища бѣсовскія, да пьяныя же ходятъ на Москвѣ попы и иноки, и всякихъ чиновъ православныхъ христіанъ и безчинною бранью бранятся, и дерутся, и бьются, кричатъ и вопятъ, и безъ памяти упиваются; и многіе люди, ереси послѣдующе, бороды брѣютъ, и въ воскресные дни сидятъ въ харчевняхъ и по улицамъ до обѣдни продаютъ всякой харчь; и въ воскресные жъ дни и въ Господскіе праздники и въ Богородичные, и въ среду, и въ пятки, и посты игрецы бѣсовскіе — скоморохи съ домрами, и съ дудами, и съ медвѣди ходятъ, и дару Божію, хлѣбу, поругаются, всяко животно скотское, и звѣрино и птичье пекутъ. И мы указали о томъ учинить на Москвѣ, и въ городѣхъ, и въ уѣздахъ заказъ крѣпкой, чтобъ нынѣ и впредь никакіе люди по улицамъ и по переулкамъ, и на дворѣхъ, въ навечери Рождества Христова и Богоявленья, Коледь и Плугъ и Усеней не кликали, и пѣсней бѣсовскихъ не пѣли, матерны и всякою неподобною лаею не бранилися, и въ воскресные дни и праздники, и противъ воскресныхъ дней въ субботу ввечеру бань не топили, и въ воскресные жъ дни и въ Господскіе праздники платья не мыли, и никакого безчинства, что̀ сопротивно христіанскому закону, ни отъ какихъ людей не было. И, по нашему указу діаку нашему Семену Сафонову велѣно послати наши грамоты въ городы, которые городы вѣдомы въ Галицкой чети, и велѣно въ тѣхъ городѣхъ по улицамъ и по торжкамъ, и по крестцамъ, и по переулкамъ, прокликати

бирючемъ по многіе дни, чтобъ всякихъ чиновъ люди нынѣ и впредь въ навечери Рождества Христова Коледы и Усени и въ навечери Богоявленія Господня Плуги не кликали, и бѣсовскихъ, сквернословныхъ пѣсней не пѣли, въ субботу ввечеру противъ воскресныхъ дней и въ праздники бань не топили, и въ воскресныежъ дни и по Господскимъ праздникамъ платья не мыли, и пьяныебъ люди всякаго чину не ходили, и бородъ не брили, и на качеляхъ не качалися, и до обѣдни въ харчевняхъ не сидѣли, и по улицамъ не разносили, на игрища не сходились. А которые люди нынѣ и впредь учнутъ Коледу и Плуги, и Усени, и пѣть скверныя пѣсни, или кто учнетъ кого бранить матерны и всякою лаею, — и тѣмъ людямъ за такія супротивныя христіанскому закону за неистовства, быти отъ насъ въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ. И велѣно тотъ нашъ указъ сказывать всякимъ людемъ всѣмъ вслухъ, и бирючемъ велѣно кликати по многіе дни, чтобъ тотъ нашъ указъ всякихъ чиновъ людемъ былъ вѣдомъ, чтобъ нынѣ и впредь такого неистовства не было. А которые люди учнутъ такія неистовства чинить и тѣхъ велѣно имать, и за тѣ ихъ вины наказанье имъ чинить по нашему указу. А какъ къ тебѣ ся наша грамата придетъ, и тыбъ въ Шуѣ по улицамъ и по торжкамъ, и по крестцамъ, и по переулкамъ, и въ Шуйскомъ уѣздѣ велѣлъ кликати бирючемъ по многіе дни, чтобъ всякихъ чиновъ люди нынѣ и впредь въ навечери Рождества Христова Коледы и Усени и въ навечери Богоявленія Господня Плуги не кликали, и бѣсовскихъ сквернословныхъ пѣсенъ николи не пѣли, и въ субботу въ вечеръ противъ воскресныхъ дней и въ праздники бань не топили, и въ воскресные же дни и по Господскимъ праздникамъ платья не мыли и ма-

терны не бранилися, и пьяныебъ люди всякаго чину не ходили и бородъ не брили, и на качеляхъ не качалися, и до обѣдни въ харчевняхъ не сидѣли, и по улицамъ не разносили, и на игрища не сходилися. А которые люди нынѣ и впредь учнутъ кликать Коледы и Плуги и Усени, пѣсни скверныя пѣти, или кто учнетъ кого бранити матерны и всякою ласю, — и тѣмъ людемъ, за такія супротивныя христіанскому закону за неистовства, быть отъ насъ въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ; и велѣли бы еси тотъ нашъ указъ сказывать всякимъ людемъ всѣмъ вслухъ, и бирючемъ велѣли кликать по многіе дни, чтобъ тотъ нашъ указъ всякихъ чиновъ людемъ былъ вѣдомъ, чтобъ нынѣ и впредь ни отъ кого такого неистовства не было, а которые люди учнутъ какія неистовства чинить, и тѣхъ велѣли бы еси имать и за тѣ ихъ вины наказанье имъ чинить по нашему указу. Писанъ на Москвѣ лѣта 7157, декабря въ 24 день.

Взята изъ Москвитянина 1842 года, № 1, стр. 237.

У нашихъ предковъ въ числѣ запрещенныхъ книгъ считалась: книга Колѣдникъ. См. Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, стр. 211.

Выписки изъ Стоглава.

Глава 40, вопросъ 16. Въ мірскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы, и органники, и смѣхотворцы, и гусельники, и бѣсовскія пѣсни поютъ. И какъ къ церкви вѣнчатися поѣдутъ, священникъ со крестомъ будетъ, а предъ нимъ со всѣми тѣми играми бѣсовскими рыщутъ, а священники имъ о томъ не возбраняютъ, и священникомъ о томъ достоитъ запрещати.—Вопросъ 17. Да въ нашемъ

же православіи тяжутся, и нѣцыи же не прямо и поклепавъ, крестъ цѣлуютъ или образа святыхъ, и на поли бьются, и кровь проливаютъ, и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ, и въ Аристотелевы врата и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планетамъ глядаютъ и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми дьявольскими дѣйствы міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ, и па тѣ чарованія надѣяся поклепца и ябедникъ не мирится, и крестъ цѣлуетъ и на поли бьются и поклепавъ отбиваютъ.—Вопросъ 19. Да по дальнымъ странамъ ходятъ скоморохи, совокупляяся ватагами многими по шестидесятъ, и по семидесятъ и до ста человѣкъ, и по деревнямъ у крестьянъ сильно ѣдятъ и пьютъ, и изъ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ.—Вопросъ 20. Да дѣти боярскіе и люди боярскіе и всякіе бражники зернью играютъ и пропиваются, ни службы не служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло чинится: крадутъ и разбиваютъ и души губятъ и то бы зло искоренити.—Вопросъ 21. Да по погостамъ и по селамъ и въ волостяхъ лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ, распустя трясутся, и убиваются, а сказываютъ что имъ является св. Пятница и св. Анастасія, и велятъ имъ заповѣдывати канунъ засвѣчивати; онѣ же заповѣдываютъ христіаномъ въ среду и въ пятницу ручнаго дѣла не дѣлати, и женамъ не прятп, и платія не мыти, и каменія не разжигати, и иныя заповѣдываютъ богомерзкія дѣла творити, кромѣ Божественнаго писанія; то бы тѣмъ нагимъ и босымъ и лживымъ пророкомъ путь запретити, чтобы міръ не соблазняли. — Вопросъ 22. Злыя ереси, кто знаетъ ихъ и держатся: Рафли, Шестокрылъ, Вороно-

грай, Остромій, Зодій, Алманахъ, Звѣздочетіе, Аристотель, Аристотелевы врата, и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія, которыя прелести отъ Бога отлучаютъ, и въ тѣ прелести вѣруючи, многихъ людей отъ Бога отлучаютъ и погубляютъ. — Вопросъ 23. Въ Троицкую субботу по селамъ и по погостамъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробамъ съ великимъ кричаніемъ, и егда учнутъ скоморохи, и гудцы и прегудницы играти, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити, и пѣсни сатанинскія пѣти; на тѣхъ же жальникахъ обманщики и мошенники. — Вопросъ 14. Русаліи о Іоаннѣ днѣ, въ навечеріи Рождества Христова, и Крещенія сходятся мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе, и на безчинный говоръ, и на плясаніе, и на скаканіе, и на богомерзкія дѣла, и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе, и егда нощь мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсніи, умываются водою; и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ домы своя, и падаютъ аки мертвіи отъ великого хлохотанія.—Вопросъ 25. А о Велицѣ дни окличка, на Радоницю и Вьюнецъ и всякое въ нихъ бѣсованіе. И о томъ отвѣтъ. Чтобы о Велицѣ дни оклички и на Радуницы не творили, и скверными рѣчьми не упрекалися, и о томъ священникомъ дѣтемъ своимъ духовнымъ запрещати, чтобъ впредь таковая не творили.—Вопросъ 26. А въ великій четвертокъ порану солому палятъ и кличутъ мертвыхъ; нѣкоторые же невѣгласи попы въ великій четвергъ соль подъ престолъ кладутъ и до седьмаго четверга по Велицѣ дни тако держатъ, и ту соль даютъ на врачеваніе людемъ и скотомъ.—Вопросъ 27. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ рощи ходятъ и въ наливки

бѣсовскія потѣхи дѣяти. И о томъ отвѣтъ. Чтобы православные христіане въ понедѣльникъ Петрова поста въ рощи не ходили и въ наливкахъ бѣсовскихъ потѣхъ не творили, и отъ того бъ въ конецъ престали, понеже то все еллинское бѣсованіе, прелесть бѣсовская; и того ради православнымъ христіаномъ не подобаетъ таковое творити.

Глава 26. О училищахъ книжныхъ по всѣмъ градомъ. И мы о томъ по церковному совѣту соборнѣ уложили въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ: тѣмъ же протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ и со всѣми священники и дьяконы, коемуждо во своемъ градѣ по благословеніи своего святителя избирати добрыхъ священниковъ и дьяконовъ и дьяковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцѣ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользовати, и грамотѣ бы и чести и писати горазды были, и у тѣхъ священниковъ и дьяконовъ учинити въ домѣхъ училища, чтобъ священницы и дьяконы и всѣ православные христіане въ коеждо градѣ предавали имъ своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, и на ученіе книжнаго письма, церковнаго пѣнія псалтырнаго и чтенія налойнаго, и тѣ бы священники, дьяки, избранные учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ, и писати и пѣти и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, наипаче же всего учениковъ бы своихъ брегли и хранили во всякой чистотѣ, и блюли ихъ отъ всякаго растлѣнія, наипаче отъ сквернаго содомскаго грѣха и рукоблудія и отъ всякія нечистоты, чтобъ имъ вашимъ береженіемъ и поученіемъ пришедъ въ возрастъ достойнымъ быти священническому чину. Да учениковъ же бы естя своихъ во святыхъ Божіихъ церквахъ наказывали и поучали страху Божію и всякому благочинію, псалмопѣнію, и чтенію, пѣти и канорхати по церковному чину, учи-

ли бы есть своихъ учениковъ грамотѣ довольно, сколько сами умѣютъ, и силу бы сказывали по данному вамъ отъ Бога таланту, ничто же скрывающе, чтобы ученицы ваши книги учили всѣ, которыя соборная святая церковь пріемлетъ, чтобы потомъ впредь могли не токмо себя, но и прочихъ поучати, и учити страху Божію о всѣхъ полезныхъ. Тако же бы учили своихъ учениковъ чести и пѣти и писати, сколько сами умѣютъ, ничто же скрывающе, но отъ Бога мзды ожидающе, а здѣ отъ ихъ родителей дары и почести пріемлюще по ихъ достоинству.

Глава 28. О книжныхъ писцахъ. Такожде, которые писцы по градомъ книги пишутъ, и вы бъ имъ велѣли писати съ добрыхъ переводовъ, да написавъ правили, потомъ, же бы продавали; а не правивъ бы книгъ не продавали; а который писецъ написалъ книгу, продастъ не исправивъ и вы бы тѣмъ возбраняли съ великимъ запрещеніемъ. А кто у него неисправленную книгу купитъ, и вы бы тому потомужъ возбранили съ великимъ запрещеніемъ, чтобы впредь тако не творили. А впредь, когда таковые обличены будутъ, продавецъ и купецъ, и вы у нихъ тѣ книги имали даромъ, безъ всякаго зазора, да исправивъ, отдали бы въ церковь, которыя будутъ церкви книгами скудны. Да видяще таковая вашимъ бреженіемъ и прочіе страхъ пріимутъ. И вы о всѣхъ тѣхъ, предреченныхъ церковныхъ чинѣхъ, и о честныхъ иконахъ, и о святыхъ книгахъ, о всемъ о томъ потщалися совершити и исправити елика ваша сила, и за то отъ Господа Бога великую мзду воспріимите, отъ благочестиваго государя хвалу и честь, отъ нашего смиренія соборное благословеніе, а отъ всего народа благодареніе и хваленіе за ваши священническіе труды и подвиги. И аще сія съ благодареніемъ и хотѣніемъ сер-

дечнымъ исправити потщитеся, то съ радостію ожидайте сугубые мзды отъ Бога царства небеснаго, по реченному Христову словеси: добрый мой рабе, благій и вѣрный о малѣ ми бысть вѣренъ, надъ многими тя поставлю. Вниди въ радость Господа своего—и прочее. Сія убо до здѣ священству вашему написахомъ.

Глава 92. Отвѣтъ о игрищахъ еллинскаго бѣсованія. Еще мнози отъ неразумія простая чадь православныхъ христіанъ во градѣхъ и въ селѣхъ творятъ еллинскія бѣсованія, различныя игры и плясаніе, противъ праздника Рождества Христова, великаго Іоанна Предтечи и въ нощи на самый праздникъ, весь день и до нощи, мужи, и жены и дѣти, въ домѣхъ и по улицамъ обходятъ и по водамъ глумлы творятъ всякими плясаньями и играніи гусльми и иными многими виды, спрѣчь играми и скаредными образованіи. Еще же и пьянствомъ подобне же сему творятъ во днѣхъ и въ навечеріи Рождества Христова, и въ навечеріи Василія Великаго, и въ навечеріи Богоявленія. А индѣ и инымъ образомъ таковая непотребная дѣла творятъ въ Троицкую субботу, и заговѣнь Петрова поста въ первый понедѣльникъ ходятъ по селомъ, и по погостомъ, и по рѣкамъ на игрища, тамъ же неподобная еллинская бѣсованія творятъ, и тѣмъ Бога прогнѣвляютъ, въ невѣдѣніи согрѣшаютъ простая чадь, никѣмъ же возбраняеми, ни обличаеми, ни запрещаеми, ни отъ священниковъ наказуеми, ни отъ судей устрашаеми таковая творятъ неподобная дѣла, святыми отцы отреченная. Вмѣсто же сего бѣсованія отнынѣ и впредь подобаетъ православнымъ христіаномъ за таковые святые и честные праздники по святымъ церквамъ Божіимъ на молитвѣ упражнятися и пѣніемъ Божественнымъ услаждатися, и святаго почитанія

Божественнаго со вниманіемъ слушати, и на Божественныхъ литургіяхъ со страхомъ стояти, и потомъ брашномъ и питіемъ въ домѣхъ своихъ учрежатися вкупѣ о Бозѣ ликоствующе съ священническимъ чиномъ, и съ други своими, и маломощнихъ питающе и веселящеся во славу Божію, а не въ піянство, яко же и въ прочіе Господскіе праздники. И того ради, по священнымъ правиламъ и по заповѣди св. отецъ, отнынѣ и впредь православнымъ христіаномъ на таковая древняя еллинская бѣсованія не исходити, ни по городомъ, ни по селомъ, ни по рѣкамъ, и о томъ благочестивому Царю по всѣмъ градомъ и по селомъ своя царская заповѣдь учинить, чтобъ православные христіане на таковое бѣснованіе еллинское впредь не исходили, чтобы то еллинское бѣснованіе отнынѣ, Божіею благодатію, и во твое Христолюбивое царство попрано было до конца.

Глава 97. Отвѣтъ о милостыни и о ругѣ по многимъ монастырямъ. А по нѣкоторымъ монастырямъ, отецъ твой, Государевъ, князь великій Василій Ивановичъ, всея Русіи самодержецъ, давалъ милостиню въ приказъ, а не въ прокъ, и хлѣбъ, и соль, и деньги, и воскъ на свѣчи, и медъ на кутью и пшеницу на просвиры. И послѣ того мати твоя, государыня великая княгиня Елена несполна въ приказъ же, а не въ прокъ давала не по вся годы: а послѣ твоея матери и великія княгини, до твоего царскаго возраста, многіе монастыри граматы поймали по вся годы имать милостыню въ прокъ въ ругу; а иные монастыри и церкви многія приходныя вновь въ тѣ же времена граматы поимали ругу имать изъ казны; а у тѣхъ монастырей и села есть и иные доходы, а у приходныхъ церквей приходу есть улица, а у иныхъ села, и огороды, и сады, и пожни, и иныя пошлины, и лавки поземныя, да

и твою царскую ругу устроили себѣ же въ тѣ же времена изъ казны до твоего царскаго возрата. И о томъ тебѣ, государю, благочестивому царю, велѣти обыскать извѣстно: по которымъ будетъ монастырямъ, по большимъ и меньшимъ, и по убогимъ мѣстамъ отецъ твой приснопамятный государь, князь великій Василій Ивановичъ всея Русіи, давалъ въ прокъ милостыню, и тебѣ бъ, государю, и нынѣ по тѣмъ монастыремъ по тому жъ давати милостыни въ прокъ; а по которымъ монастыремъ давалъ отецъ твой милостыню въ приказъ, а будутъ у тѣхъ монастырей села и доходы, и мочно имъ безъ тое руги прожити, и то государь въ твоей царской волѣ: дати, или отложити? А которымъ будетъ убогимъ монастырямъ, и святымъ церквамъ и убогимъ мѣстамъ безъ твоея руги впредь прожити невозможно, а отецъ твой милостыню въ приказъ давалъ, а у тебя царя всѣ тѣ граматы поимали многіе, что имѣти милостыни въ прокъ, и тебѣ, государю, блогочестивому царю, и о томъ велѣти обыскати извѣстно: которымъ будетъ убогимъ монастырямъ и церквамъ мочно безъ той руги прожити, и то, государь, въ твоей царской волѣ. А которымъ будетъ, убогимъ монастырямъ и святымъ церквамъ безъ твоей руги, прожити не возможно, и тебѣ бы, благочестивому царю достойно и праведно таковыхъ пожаловати. Да и прочіе монастыри и мѣста, и св. церкви, неимущимъ ни откуду помощи устроити въ свое христолюбивое царство. А которые ружные попы и діаконы времянники въ нынѣшняя лѣта причли къ соборомъ своихъ поповъ и діаконовъ, да и руги имъ и милостыню изъ царскія твоея казны устроили безъ твоего царскаго вѣдома, и тѣхъ всѣхъ поповъ и діаконовъ отставити и руги имъ царскія не да-

вати, и за столы ихъ не пущати, а жити имъ и молити Бога по старинѣ, у своихъ церквей.

Глава 99. Лѣта 7059, сентября въ 15. Говорилъ со царемъ и великимъ княземъ отецъ его, Макарій митрополитъ всеа Русіи: приговорилъ еси государь съ нами прежъ сего со своими богомольцы, со архіепископы и епископы, о слободахъ нашихъ митрополичьихъ, и архіепископлихъ и епископлихъ и о монастырскихъ, что слободамъ всѣмъ новымъ тянути съ городскими людьми во всякое тягло и съ судомъ, мы нынѣ тотъ приговоръ помнимъ, что въ новыхъ слободахъ вѣдаетъ Богъ да ты, царь государь, опричь суда; а нынѣ намѣстники твои, царевы государевы и властели возлѣ тѣхъ новыхъ приходцовъ и старыхъ слобожанъ хотятъ судити, и въ томъ тѣмъ слобожаномъ нашимъ запустѣти: а прежъ сего, государь, твои намѣстники и волостели нашихъ слобожанъ не суживали. И ты бъ, государь своимъ намѣстникомъ и волостелемъ и впредь нашихъ слобожанъ не велѣлъ судити. А нынѣ твой царскій приговоръ съ нами, что въ тѣ новыя слободы вышли посацкіе люди послѣ отписи, и тѣхъ бы людей изъ новыхъ слободъ опять вывести въ городъ на посадъ. И о томъ вѣдаетъ Богъ да ты, государь, какъ тебѣ о нихъ Богъ извѣститъ. И впредь бы митрополитомъ, и архіепископомъ и епископомъ и монастыремъ держати свои слободы по старинѣ о судѣ и о всякихъ дѣлѣхъ по прежнимъ граматамъ; а новыхъ бы слободъ не ставити, и дворовъ многихъ въ старыхъ слободахъ не прибавливали, развѣ отъ отца дѣтемъ или отъ тестя зятю, или отъ брата братъ выставливалися и своими дворы жити. А опричнымъ прихожимъ людемъ, градскимъ и сельскимъ, въ тѣхъ старыхъ слободахъ новыхъ дворовъ не ставити, а въ которыхъ слободахъ дво-

ры опустѣютъ, и въ тѣ дворы называти людей сельскихъ пашенныхъ и не пашенныхъ, по старинѣ, какъ прежъ сего было, а отказывати тѣхъ людей о сроцѣ Юрьевѣ дни осеннемъ, по цареву же указу, по старинѣ же. А съ посаду впредь градскихъ людей въ слободы не называти и не пріимати, развѣе казаковъ, нетяглыхъ людей, а изъ слободъ изъ митропольихъ, и архіепископлихъ, и епископлихъ и изъ монастырскихъ, которые крестьяне хотятъ идти въ городъ на посадъ, или въ села жити, и тѣмъ людемъ идти вольно, о сроцѣ же о Юрьевѣ дни, отказомъ, по нашему царскому указу.

